

ISSN 2414-374X (Online)

ISSN 2522-4069 (Print)

**ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№ 2 (93) 2025

ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ISSN 2414-374X (Online)
ISSN 2522-4069 (Print)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ОСНОВАН
В 1999 году

Выпуск № 2 (93) 2025 год

Учредитель – ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор – Разумный В.В., к-т ист. наук (ДонГУ);

Заместитель главного редактора – Бобровский А.С., к-т ист. наук;

Отв. секретарь – Посредников Д.В., к-т ист. наук (ДонГУ);

Агапов В.Л., д-р ист. наук (ДонГУ);

Баранов А.В., д-р ист. наук, д-р полит. наук (Кубанский государственный университет, г. Краснодар);

Бредихин А.В., д-р ист. наук (ДонГУ);

Выборнов А.А., д-р ист. наук (Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара);

Ерхов Г.П., д-р ист. наук (ДонГУ);

Кияшко А.В., д-р ист. наук (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону);

Колесник А.В., д-р ист. наук (ДонГУ);

Кринко Е.Ф., д-р ист. наук (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону);

Крысенко Д.С., д-р ист. наук (Луганский государственный аграрный университет им. К. Е. Ворошилова);

Кузнецова Е.В., к-т полит. наук (ДонГУ);

Липинский В.В., д-р ист. наук (ДонГУ);

Минаев А.И., д-р ист. наук (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина);

Муза Д.Е., д-р философ. наук (ДонГУ);

Пенькова О.Б., к-т ист. наук (ДонГУ);

Цыганков П.А., д-р философ. наук (Московский государственный университет им М.В. Ломоносова, г. Москва);

Черкашин К.В., к-т полит. наук (ДонГУ);

Шендрикова С.П., д-р ист. наук (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского г. Симферополь);

Шепко Л.Г., д-р ист. наук (ДонГУ).

Индексация журнала

Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)
(Лицензионный договор № 230-11/2025 от 17 ноября 2025 г.)

Адрес издателя: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации 125009, г. Москва, вн. тер. г. Муниципальный Округ Тверской, ул.Тверская, д. 11, стр. 1;
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Адрес редакции:
283001, г. Донецк,
ул. Университетская, 22,
исторический факультет

Тел. +7(856) 302-07-25

e-mail: <https://dongu-hipis.ru/>
URL: <https://dongu-hipis.ru/>

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4РОС55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

*Рекомендовано к печати Ученым советом
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
03.09.2025 (протокол № 10)*

Ж92 Журнал исторических, политологических и международных исследований: научный журнал. – № 2/2025 (93). – 126 с.

В очередном выпуске научного журнала представлены статьи по истории, политологии и международным отношениям. Авторы посвятили свои работы актуальным проблемам современности. Важное место отведено изучению истории Донбасса и России как неотъемлемых частей единого русского культурно-цивилизационного пространства.

**Лицензионный договор с библиографической базой данных
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
№ 230-11/2025 от 17 ноября 2025 г.**

С 01.02.2025 г. научный журнал «Журнал исторических, политологических и международных исследований» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК РФ) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.5.1. История и теория политики (политические науки)
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)
- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
- 5.6.3. Археология (исторические науки)
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4РОС55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2025

© Авторский коллектив выпуска, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Липинский В.В.** Формирование сети индустриально-технического образования СССР в период новой экономической политики (1921 – 1929 гг.).....6
- Мишечкин Г.В.** 11-й танковый корпус в Донбасской стратегической наступательной операции (сентябрь 1943 г.).....15
- Старченко Н.Н.** День шахтерской славы: традиции и особенности празднования Дня Шахтера на примере города Сталино в 1948 – 1952 гг.28

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

- Вербовский А.В.** Репрезентация власти и другие социальные функции портретов короля Франции Генриха II Валуа.....36
- Харьковский Р.Г.** Англо-германские противоречия в конце XIX в. и их влияние на противостояние Великобритании и Франции в долине Нила.....48
- Посредникова Т.Г.** Общественное мнение и фактор культуры в становлении англо-американского сотрудничества накануне и в начале Второй мировой войны.....56
- Разумный В.В., Романюк В.А.** Влияние внешнеполитических факторов на политическую ситуацию в Китае в период Второй мировой войны 1939 – 1945 гг.65

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Онопко О.В.** Стратегия морской безопасности Украины 2024 года: экспертный фактор и угрозы для России.....77
- Медовкина Л.Ю., Студинец А.А.** Роль Африканского союза и региональных экономических сообществ в выработке единой модели экономической интеграции.....90

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Посредников Д.В., Ильницкий И.П.** Русский Мир в научном и социокультурном пространстве.....100

ВОПРОСЫ ДЕНАЦИФИКАЦИИ

- Николаев Ю.Б.** Ключевые события и факты периода разрушения СССР.....106

ПРИГАШАЕМ К ДИСКУССИИ

- Пенькова О.Б.** Российское казачество в этнической истории и культурном ландшафте Донецкого края.....115

CONTENT

NATIONAL HISTORY

- Lipinsky V.V.** Formation of the Industrial and Technical Education Network in the Ukrainian Soviet Socialist Republic during the New Economic Policy (1921 – 1929).....6
- Mishechkin G.V.** The 11-th Tank Corps in the Donbass Strategic Offensive Operation (September 1943).....15
- Starchenko N.N.** Day of Miner's Glory: Traditions and Features of Celebrating Miner's Day in the City of Stalino in 1948 – 1952.....28

THE WORLD HISTORY

- Verbovsky A.V.** Representation of Power and Other Social Functions of Portraits of King Henry II of France.....36
- Kharkovsky R.G.** Anglo-German Contradictions in the late XIX-th century and their impact on the conflict between Britain and France in the Nile Valley.....48
- Posrednikova T.G.** Public Opinion and the Cultural Factor in the Development of Anglo-American cooperation on the Eve of and at the Beginning of World War II.....56
- Razumnyi V.V., Romanyuk V.A.** The Influence of Foreign Policy factors on the political situation in China during the Second World War of 1939 – 194565

INTERNATIONAL RELATIONS

- Onopko O.V.** Ukraine's Maritime Security Strategy for 2024: Expert Factor and Threats to Russia.....77
- Medovkina L.Yu., Studenets A.A.** The Role of the African Union and Regional Economic Communities in Developing a Unified Model of Economic Integration.....90

POLITOLOGY

- Posrednikov D.V., Ilnitsky I.P.** The Russian World in the Scientific and Socio-cultural Space.....100

QUESTIONS OF DENATIFICATION

- Nikolaev Yu.B.** Key events and facts of the period of the destruction of the USSR.....106

DISCUSSION

- Penkova O.B.** Russian Cossacks in the Ethnic History and Cultural Landscape of the Donetsk Region.....115

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 37(477) «192»

DOI: 10.5281/zenodo.17715525

EDN: OCUEWQ

В.В. Липинский

доктор исторических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: lipinskiyv@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СЕТИ ИНДУСТРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1921 – 1929 гг.)

Аннотация

В статье рассмотрен процесс формирования сети индустриально-технического образования УССР в 1920-е годы. Установлено, что процесс формирования сети происходил на основе концепции образования УССР и состоял из двух периодов. Начальный период (1920 – 1922 гг.) характеризовался стихийным развертыванием сети и не соответствовал потребностям и возможностям экономики. Во второй период (1923 – 1929 гг.) происходило плановое сокращение сети техникумов, которые утратили статус базовой формы вуза. Доказано, что сеть индустриально-технических институтов на протяжении изучаемого периода оставалась практически не изменной. Начавшийся в 1929 году процесс унификации индустриально-технического образования в СССР закрепил сложившуюся в УССР сеть и структуру инженерного образования, где техникумы утратили статус вуза и заняли место среднее специального учебного заведения.

Ключевые слова: *новая экономическая политика, индустриально-техническое образование, институты и техникумы, рабочие вечерние техникумы, сеть и структура вузов.*

Summary

The article examines the process of forming the network of industrial and technical education in the Ukrainian SSR in the 1920s. It was established that the process of forming the network occurred on the basis of the concept of education in the Ukrainian SSR and consisted of two periods. The initial period (1920-1922) was characterized by spontaneous deployment of the network and did not meet the needs and capabilities of the economy. In the second period (1923-1929), there was a planned reduction in the network of technical schools, which lost the status of the

basic form of higher education. It is proven that the network of industrial and technical institutes remained virtually unchanged throughout the period under study. The process of unification of industrial and technical education in the USSR, which began in 1929, consolidated the network and structure of engineering education that had developed in the Ukrainian SSR, where technical schools lost the status of a university and took the place of a secondary specialized educational institutions.

Keywords: *new economic policy, industrial and technical education, institutes and technical schools, workers' evening technical schools, network and structure of universities.*

Процесс развития сети индустриально-технического образования УССР в изучаемый период зависел от партийно-государственной политики, которая была направлена на создание материально-технической базы социализма, фундаментом которой должна была стать индустриализация всей страны.

Наряду с этим на развитие сети учебных заведений индустриально-технического образования в изучаемый период влияли еще два важных фактора. Во-первых, это развитие происходило на основе концепции образования, сформированной в УССР в 1920 г. Эта концепция предполагала создание специализированных индустриально-технических вузов – институтов и техникумов со сроком обучения соответственно 3 и 4 года, которые создавались не друг, над другом, а параллельно, где каждый тип вузов выполнял отдельную функцию. Техникумы готовили инженеров – специалистов узкого профиля в отдельной отрасли производства. Институты были призваны осуществлять подготовку инженеров, которые должны стать специалистами широкого профиля, руководителями-командирами производства.

Другим фактором, обуславливающим формирование сети учреждений индустриально-технического образования, было катастрофическое состояние промышленности, которая к началу 1920-х годов находилась в состоянии «клинической смерти». После семи лет непрерывных войн погасли мартены и домны, остановились поезда, а страну одновременно парализовали три кризиса: угольный (топливный), хлебный (продовольственный) и транспортный (железнодорожный). К чести тогдашнего руководства страны, следует отнести тот факт, что оно сумело не только преодолеть за короткие сроки эти кризисы и их последствия, но и разработало грандиозные планы и программы восстановления и развития промышленности и транспорта, прежде всего, ее базовых отраслей: угольной, энергетической, металлургической, машиностроительной и транспортной. Реализация этих планов была невозможна без развития сети индустриально-технических вузов.

Вопросы развития сети и структуры индустриально-технических вузов стали предметом изучения в работах Г.Ф. Гринько, Н.А. Быстрова, В.В. Липинского и других, но специально эта проблема в исторической науке еще не рассматривалась [1; 2; 3].

Целью данной статьи является установление фактов и причин, влияющих на развитие сети и структуры индустриально-технических вузов, изучение тенденций и особенностей их формирования, комплексное исследование сети Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос) и вечерних рабочих техникумов на производстве.

До революции на территории УССР существовало только три технических вуза – Харьковский технологический, Киевский политехнический и Екатеринославский горный. В 1918 г. открылось еще одно техническое учебное заведение – Одесский политехнический институт [4]. Следует отметить, что на первом этапе развития сети и структуры индустриально-технических вузов (1920 – 1922 гг.), происходил процесс перестройки старых типов учебных заведений и создание новых высших учебных заведений.

В августе 1920 г. в Наркомпросе УССР был создан Главный комитет по профессионально-техническому и специальному образованию (Укрглавпрпрофобр), председателем которого был назначен Я.П. Ряппо. В отчете Наркомпроса УССР за 1920 г. отмечалось, что весь процесс реорганизации высшего образования в УССР, заключался в создании новых типов вузов – институтов и техникумов. При этом большое внимание было уделено укреплению сети технических вузов, что диктовалось неотложными задачами восстановительного периода.

Первый период развития сети индустриально-технических вузов отметился стихийностью и отсутствием связи с конкретными потребностями промышленности. Развитие сети осуществлялось в индустриальных центрах, а предпочтение отдавалось созданию техникумов. Анализируя начальный период развития сети вузов в УССР, председатель Наркомпроса Г.Ф. Гринько писал, что изучение практического опыта построения сети выводит техникумы на один уровень с институтами [5].

Процесс создания сети индустриально-технических вузов можно рассмотреть на примере открытия горного техникума в Юзовке, который был одним из самых больших. Создание техникума здесь занимались: Донецкий губернский отдел народного образования, Южное бюро Всероссийского союза горняков, народный комиссариат каменноугольной промышленности, местные партийные органы. В декабре 1920 г. Донецкий губернский отдел народного образования создал комиссию во главе с помощником начальника Юзовского райуправления центрального правления каменноугольной промышленности И.М. Пугачем, который позже стал первым директором Донтехникума. Комиссия обследовала состояние Горловского горного техникума, и предложила создать в Юзовке новый техникум, используя материальную и кадровую базу из Горловки [6].

18 декабря 1920 г. состоялось объединенное заседание руководителей партийных, советских, профсоюзных и хозяйственных организаций города, которое пообещало материальную, финансовую и кадровую поддержку и всемерное содействие процессу создания Донтехникума. А 9 января 1921 г. на совместном заседании Южного бюро Всероссийского союза горняков и

Донецкого губернского отдела народного образования было принято решение о создании с 1 апреля 1921 г. горного техникума в Юзовке [7]. Следует отметить и тот факт, что в первые годы своего существования Донтехникум состоял только из рабочего факультета, занимавшегося подготовкой бывших рабочих к обучению в вузе.

Процесс бурного и стихийного развертывания сети индустриально-технических вузов привел к тому, что на 1 августа 1921 г. в УССР было создано 6 институтов: Харьковский технологический, Екатеринославский политехнический и горный, Киевский политехнический и механический, Одесский политехнический, и 40 техникумов [8]. В этих учебных заведениях 10 100 студентов обучалось в институтах и 11 168 – в техникумах. То есть техникумы того времени были небольшими по численности вузами. Например, в 3 техникумах Чернигова обучалось в среднем по 26 учеников. В 1921 – 1922 учебном году Наркомпрос начал обследование техникумов на предмет их соответствия требованиям вуза. В декабре 1922 г. коллегия Главпрофобра признала неудовлетворительным состояние Черкасского и Полтавского техникумов [9].

Но не только техникумы, даже некоторые институты в то время не отвечали требованиям Наркомпроса. Так 1 сентября 1921 г. на заседании коллегии Главпрофобра рассматривался вопрос о состоянии Харьковского института народного хозяйства, где было указано, что институт не имеет собственного дома, отсутствует дневная форма обучения, профессура перегружена другой работой, а то, что называется институтом, фактически являются лишь курсами [10]. Аналогичное состояние вуза было зафиксировано в марте 1921 г. и в Екатеринославском политехническом институте, также не имевшего собственной материальной базы [11].

Стихийно развернутая сеть инженерно-технических вузов, приводила к чрезмерной финансовой нагрузке и распылению скудных в то время финансовых возможностей государства. Кроме того, эта сеть была построена без учета реальных в то время потребностей экономики в специалистах. Еще в декабре 1922 г. Наркомпрос принял решение развивать сеть вузов на плановой основе. Именно поэтому 1923 – 1924 учебный год прошел под лозунгом планового развития сети вузов. Осенью 1923 г. была создана комиссия, которая должна была спланировать дальнейшее развитие сети вузов. В состав комиссии вошли представители Главпрофобра, Агитпропа, ЦК КП(б)У, Укргосплана, Укрбюро ВЦСПС и Центрального бюро пролетарского студенчества [12].

В июле 1923 г. вопрос о плановом развитии сети вузов был рассмотрен на заседании Центральной методической комиссии Наркомпроса, а 19 ноября – на заседании комиссии Политбюро ЦК КП(б)У по просвещению с участием Затонского, Квиринга, Шумского. На следующий день коллегия Наркомпроса согласовала сеть вузов в общесоюзном масштабе и приняла решение о плановом сокращении сети вузов. Подводя итоги, резолюция Всеукраинского совещания пролетарского студенчества (апрель 1924 г.) отметила, что «стихийное разрастание сети высшей школы не было соответствующим

материальным возможностям государства и реальным потребностям, относительно использования в ближайшее время выпускников вузов» [13].

Итак, в 1923 г. начался второй этап развития сети индустриально-технических вузов, который длился до конца изучаемого периода и отмечался построением сетки институтов и техникумов на плановой основе, исходя из потребностей экономики и финансовых возможностей государства.

Плановое развитие сети вузов в то время практически означало ее сокращение, поскольку бюджет УССР не выдерживал такой финансовой нагрузки. Однако действия Наркомпроса по плановому сокращению сети индустриально-технических вузов сплошь и рядом встречали противодействие со стороны профсоюзных органов и органов местной власти. Так, в ноябре 1923 г. вопрос о плановом сокращении сети индустриально-технических вузов был рассмотрен на заседании комиссии по вопросам образования Укрбюро ВЦСПС, а 21 ноября секретарь Укрбюро Корнюшин направил письмо председателю СНК УССР Чубарю, где, опираясь на решение комиссии, предложил, не сокращать сеть вузов, а скорректировать.

Однако процесс сокращения сети вузов происходил в рамках союзного государства и уже не имел обратного действия. Более того, прецеденты закрытия или слияния вузов, не соответствующих требованиям высшей школы, имели место в конце первого периода развертывания сети. Так, в мае 1921 г. Екатеринославский политехнический и горный университеты были слиты воедино, а в декабре 1922 г. был ликвидирован Черкасский индустриальный техникум [14]. Учащиеся техникума распределили по другим вузам.

В 1923 – 1924 учебном году процесс сокращения сети индустриально-технических вузов происходил исключительно за счет сокращения техникумов. В списке закрытых индустриально-технических техникумов мы находим: механический техникум в Бердичеве, индустриальные – в Чернигове, Нежине и Кременчуге, строительный – в Сумах. Самый большой из них – индустриальный техникум в Нежине (192 ученика), а самый маленький – механический техникум в Бердичеве (46 учеников) [15]. С учетом закрытого в декабре 1922 г. индустриального техникума в Черкассах, в 1923 – 1924 учебном году сеть индустриально-технических техникумов сократилась с 27 до 21 техникума (без учета сети вечерних рабочих техникумов).

Но процесс сокращения сети не означал механического сокращения численности учащихся и студентов. В 1923 – 1924 учебном году, благодаря значительному увеличению набора в институты и техникумы индустриально-технического направления, их количество увеличилось на 1 января 1924 г. в институтах – на 600 человек и составила 7 100 студентов, а в техникумах – на 1 770 человек, соответственно – 5 870 учеников. В 1924 – 1925 учебном году процесс сокращения сети техникумов продолжился. 30 апреля 1924 г. Наркомпрос УССР сообщал в бюро секретариата ЦК КП(б)У, что в 1925 г. запланировано значительное сокращение сети техникумов.

Если сокращение сети в 1923 – 1924 учебном году не привело к сокращению численности студентов, то в 1924 – 1925 учебном году

численность студентов и учащихся в индустриально-технических вузах сократилась на 1 100 человек [16]. Именно в это время начинается изменение отношения к техникуму как к базовой форме вуза. Теперь преимущество начинает предоставляться институтам.

В 1925 г. начался процесс реорганизации Донецкого горного техникума им. Артема в горный институт. Этот процесс был инициирован Сталинским окружным комитетом партии, предложившим постепенное превращение техникума в институт. Эти предложения были направлены в ЦК КП(б)У и СНК УССР. Идея создания института была поддержана в тресте «Югосталь». 1 октября 1925 г. в письме Сталинскому окружному КП(б)У руководство треста выражало готовность оказать материальную и финансовую поддержку в развитии института.

Однако Наркомпрос УССР занял категорически негативную позицию. К началу 1926 г. в оргбюро ЦК КП(б)У было направлено несколько докладных записок, где подробно обосновывалась нецелесообразность превращения Донтехникума в институт. Наркомпрос считал, что на ближайшие десять лет достаточно одного горного института в Екатеринославе, а Донтехникум – единственное учебное заведение в УССР, которое готовит инженеров-практиков горного дела. Кроме того, Наркомпрос отмечал отсутствие в техникуме профессуры и слабую материальную базу [17].

Но в ЦК КП(б)У и СНК УССР рассматривали дело создания Донецкого горного института под углом грядущей индустриализации страны. 1 апреля 1926 г. СНК УССР рассмотрел вопрос о реорганизации Донтехникума и принял следующее решение: «поручить Главпрофобру провести реорганизацию в 1926-1927 учебном году и одновременно восстановить горный техникум в Горловке и Лисичанске» 22 октября 1926 г. глава Главпрофобра Я.П. Ряппо докладывал на заседании СНК УССР, как выполняется решение о реорганизации Донецкого горного техникума в горный институт [18].

И в дальнейшем численность техникумов постепенно снижается. Прежде всего, это было связано с тем, что в рамках союзного государства техникумы, как форма учебного заведения, существовали одновременно как средние специальные учебные заведения в РСФСР, и как высшие учебные заведения в УССР. Выступая с докладом «Очередные задачи вузов» на II пленуме Центрального бюро пролетарского студенчества в 1927 г., Народный комиссар просвещения УССР Н.А. Скрипник говорил, что в РСФСР техникумы рассматривают как среднюю школу, а в УССР как высшую. Такие разногласия систем образования вызывают неудобства и недоразумения, когда в Россию приезжают наши выпускники и наоборот. Н.А. Скрипник предложил решать эту проблему путем объединения близких по профилю техникумов в один институт [19].

Именно начиная с 1927 г. мы отслеживаем постепенное значительное сокращение сети техникумов в УССР. Если в 1927 – 1928 учебном году общая численность техникумов составляла 147 (26 463 ученика), 1928 – 1929 – 126 (26 896 учащихся), то в 1929 – 1930 – 109 (26 778 учащихся). Но, несмотря на такое

разное сокращение сети техникумов, численных учеников у них оставалась стабильной. Это достигалось за счет увеличения численности набора. В 1928 – 1929 учебном году в УССР осталось 15 индустриально-технических техникумов и 15 вечерних рабочих техникумов, существовавших на производстве. В этом году в них обучалось соответственно 1 140 и 1 000 учеников. Конкурс на одно место составлял примерно 2,5 человека.

11 сентября 1929 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об установлении единой системы индустриально-технического образования». Унификация системы высшего образования проходила по российскому образцу. Техникумы в УССР теряли статус вуза. В 1929 – 1930 учебном году Харьковский строительный техникум был присоединен к ХТИ на правах отделения. Одесский электротехникум – присоединился к ОПИ на правах факультета. Николаевский индустриальный техникум соединился с Николаевским судостроительным техникумом, а Бердянский вечерний техникум был закрыт. В этом же учебном году в Киеве был открыт институт дорог, куда вошел Киевский строительный техникум [20].

Анализируя процесс развития сети вечерних рабочих техникумов, следует отметить, что они, во-первых, создавались в крупных промышленных центрах, во-вторых, существовали непосредственно на производстве, в-третьих, не испытали значительных количественных колебаний до конца изучаемого периода. Так, в 1921 – 1922 учебном году было создано 18 вечерних рабочих техникумов. Из них 8 техникумов – в Донецком бассейне и по одному – в Екатеринославе, Кривом Роге, Харькове, Николаеве, Полтаве, Одессе, Киеве, Шостке, Запорожье и Кременчуге. В 1923 – 1924 учебном году в процессе сокращения сети вузов, осталось 17 вечерних рабочих техникумов, где обучалось 3 189 учеников [21].

В 1924 – 1925 учебном году их сеть состояла из 15 индустриально-технических и 3 вечерних рабочих техникумов на транспорте. 13 августа 1925 г. состоялся II Всеукраинский съезд по рабочему образованию, который рассмотрел вопрос «О состоянии и перспективах развития рабочего образования в УССР». В резолюции съезда было отмечено, что состояние сети вечерних рабочих техникумов следует признать стабильным и удовлетворительным.

В процессе установления единой системы индустриально-технического образования, начавшейся в сентябре 1929 г., сеть вечерних рабочих техникумов сократилась и составила 15 учебных заведений. Наряду с закрытием Бердянского и слиянием Николаевского вечерних рабочих техникумов, были попытки ликвидировать и другие техникумы рабочего образования. Но местные партийные и советские органы занимали активную позицию по сохранению уже существующей сети вечерних рабочих техникумов. Так, на совещании партийных и советских органов в городе Сталино 29 декабря 1928 г. был рассмотрен вопрос о металлургическом вечернем рабочем техникуме. Совещание приняло постановление, по которому требовало сохранения техникума, установления шестичасового рабочего времени и месячного отпуска

обучающимся. Всех студентов, работавших во вспомогательных цехах, было запланировано перевести в основные цеха, а для студентов, работающих посменно ввести утренние занятия [22].

В целом следует констатировать, что в течение изучаемого периода сеть индустриально-технических институтов оставалась практически неизменной. В начале 1920-х годов и в конце периода она составляла 6 единиц. Однако сеть техникумов, которые в начале изучаемого периода считались базовой формой вуза, стремительно растет и в 1922 – 1923 учебном году достигает своей максимальной численности – 43 единицы. Затем, в ходе планового сокращения сети вузов, она сокращается до 31 единицы в 1925 – 1926 учебном году. В этот период в СССР изменяются концептуальные взгляды относительно техникумов, и они теряют статус базовой формы вуза. В ходе общесоюзной унификации индустриально-технического образования сеть техникумов сокращается. В 1929 – 1930 учебном году она составляла уже 25 единиц, что почти равнялось состоянию сети в 1920 – 1921 учебном году [23].

Таким образом, несмотря на тяжелый экономический кризис и финансовые трудности, в течение изучаемого периода шел неуклонный процесс разветвления и совершенствования сети индустриально-технических вузов, который, начиная с 1923 – 1924 учебного года, осуществлялся в соответствии с потребностями народного хозяйства СССР.

Список источников и литературы:

1. Быстров Н.А. Руководящая роль КП(б)У в области высшего образования в период строительства социализма / Н.А. Быстров. – Харьков: Высшая школа, 1974. – 142 с.
2. Гринько Г.Ф. Основные задачи советского строительства в области образования / Г.Ф. Гринько. – Харьков, 1920. – 126 с.
3. Липинский В.В. Становление и развитие новой системы образования в СССР в 1920 – е годы / В.В. Липинский. – Донецк: РИА ДГТУ, 2000. – 247 с.
4. Быстров Н.А. Указ. соч. – С.55.
5. Гринько Г.Ф. Указ. соч. – С.110.
6. Госархив ДНР. Ф. 1091. Оп. 1. Д. 4. Л. 67, 90.
7. Центральный государственный архив высших органов власти Украины (ЦГАВО) Ф. 2605. Оп. 1. Д. 503. Л. 29.
8. Центральный государственный архив общественных организаций и политических партий Украины (ЦГАОО). Ф. 1. Оп. 20. Д. 1301. Л. 15.
9. ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп.2. Д. 234. Л. 1.
10. Там же. Оп. 20. Д. 154. Л. 38.
11. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 154. Л. 20.
12. Студент революции. 1924. №1. – С.84.
13. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1777. Л. 109.
14. ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 2. Д. 248. Л. 246; ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1301. Л. 15.

15. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1854. Л. 85.
16. Там же. Л. 84.
17. ЦГАОО Украины. Ф. 166. Оп. 6. Д. 3662. Л. 20-22.
18. Там же. Л. 227.
19. Скрипник Н.А. Очередные задачи вузов / Н.А Скрипник // Студент революции. 1932. №29 – 30. – С. 6.
20. ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 6. Д. 93. Л. 1.
21. Студенческие новости // Студент революции. 1930. №1. С. 1.
22. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1778. Л. 94.
23. Госархив ДНР. Ф. 349. Оп. 1. Д. 8. Л. 9, 14.

УДК 94: 356.15 (477.6) «1941-1943»

DOI: 10.5281/zenodo.17719983

EDN: QJEVNM

Г.В. Мишечкин

кандидат исторических наук, доцент,

*ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»*

E-mail: mishechkin2213@mail.ru

11-Й ТАНКОВЫЙ КОРПУС В ДОНБАССКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ (СЕНТЯБРЬ 1943 г.)

Аннотация

В статье анализируется боевая деятельность 11-го танкового корпуса в Донбасской стратегической наступательной операции в сентябре 1943 года. Автор акцентирует внимание на структуре корпуса, методах и результатах боевой работы.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Красная Армия, вермахт, Донбасская стратегическая наступательная операция, Южный фронт, 11-й танковый корпус, Н.Н. Радкевич.*

Summary

The combat activity of the 11th Tank Corps in the Donbass strategic offensive operation on September 1943 is analyzed in the article. The author focuses on the structure of corps, methods and results of combat work.

Keywords: *The Great Patriotic War, the Red Army, the Wehrmacht, the Donbass strategic offensive operation, the Southern Front, 11th Tank Corps, N. N. Radkevich.*

80 лет назад завершилась Великая Отечественная война, но многие ее страницы еще не получили всестороннего освещения, нуждаются в более глубоком анализе. На материалах войны воспитывается молодое поколение, которое через обращение к беспримерному подвигу Народа-победителя, должно осознавать свою сопричастность к отечественной истории, ощущать духовно-культурную связь с прошлыми поколениями.

Ряд аспектов Донбасской стратегической наступательной операции (13 августа – 22 сентября 1943 г.), в силу разных субъективных и объективных обстоятельств, не получили должного и исчерпывающего отражения в историографии. Данная стратегическая операция Вооруженных сил СССР, проводившаяся войсками Юго-Западного и Южного фронтов, долгое время находилась в тени других ключевых сражений Великой Отечественной войны.

От исхода операции зависел не только жизненно важный вопрос освобождения промышленного региона, но и в целом ситуация на южном фланге советско-германского фронта.

Среди аспектов указанной операции, которые, на наш взгляд, редко были в фокусе исследовательского внимания, определенный интерес представляет боевая деятельность 11-го танкового корпуса (далее – 11 тк), принимавшего участие в операции в сентябре 1943 года.

Историография интересующего нас вопроса не изобилует публикациями. Частично, а порой и фрагментарно, он анализируется в общем русле Донбасской операции и представлен в научных публикациях советского и постсоветского периодов, отдельных монографиях, статьях, очерках, общих работах по освобождению Донбасса, мемуарной литературе [1 – 12]. Отметим, что наиболее информативно среди мемуаристов участие 11 тк в обозначенной операции отражено в воспоминаниях маршала С.С. Бирюзова.

Значительную роль в историографии Донбасской стратегической наступательной операции в целом, и в т. ч. для изучаемого нами аспекта, сыграл коллективный труд «Донбасс 1943. Освобождение индустриального сердца России» [13]. Зарубежные исследователи почти не упоминают боевую деятельность 11 тк, она отражена в их работах лишь косвенно в общем контексте Донбасской операции [14 – 18].

Краткий историографический обзор свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения темы, тем более что за последние годы открылся доступ к ранее засекреченным документам и материалам. Только на официальном сайте «Память народа» появились документы, которые проливают свет на участие 11 тк в ходе Донбасской стратегической наступательной операции. Кроме того, на сегодня исследователи имеют доступ к документации противника – 6 немецкой полевой армии (далее – 6 А вермахта), которая представлена на Интернет-ресурсе «Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г.».

Учитывая вышесказанное, в исследовании поставлена цель – проанализировать боевую деятельность 11-го танкового корпуса в Донбасской стратегической наступательной операции 1943 года в целом и отдельных аспектах, опираясь на советские и германские оперативно-тактические документы.

Предваряя изложение основного материала, укажем, что 11 тк принимал участие на завершающем этапе Донбасской стратегической наступательной операции – с 7 по 22 сентября 1943 года. Корпус действовал в полосе Южного фронта (далее – ЮФ) на протяжении двух недель. Возможно, с этой, по военным меркам, кратковременностью боевой деятельности, связан не очень большой интерес специалистов к проблеме.

Согласно «Журналу боевых действий» (далее – ЖБД) 11 тк, в соответствии с приказом Ставки Верховного Главнокомандования (далее – СВГК), с 29 августа по 5 сентября 1943 г. «корпус перебрасывался на Южный фронт и разгрузился на ст. Ровеньки». После чего сосредоточился в районе

Мокрый Еланчик, Комарный, Покровский, Успенская (здесь и далее по тексту названия населенных пунктов приводятся так, как они обозначены в документах 11 тк – М.Г.В.) [19]. Выполняя приказ командующего ЮФ генерал-полковника Ф.И. Толбухина, корпус совершил переход на исходные позиции в район населенных пунктов Хлебороб, Ново-Михайловка, Широкое, с которых должен был перейти в наступление с рассветом 7 сентября.

Проанализируем материальную обеспеченность 11 тк непосредственно перед вступлением в боевую операцию. В оперативной сводке штаба корпуса, датированной 7 сентября 1943 г., приводится информация о количестве танков в трёх танковых бригадах (далее – Тбр) корпуса – 20 Тбр, 36 Тбр и 65 Тбр. В Таблице 1 представим состояние танкового парка корпуса:

Таблица 1. Обеспеченность 11 тк танками на 7 сентября 1943 г. [20]

Подразделение Показатель	20 Тбр	36 Тбр	65 Тбр	Всего:
Общее количество Т-34	33	48	50	131
На ходу Т-34	21	24	38	83
Общее количество Т-70	23	4	4	31
На ходу Т-70	18	2	3	23
На ходу Т-34 + Т-70	39	26	41	106

Данные Таблицы 1 свидетельствуют, что численность танков 11 тк, бывших на ходу, соответствовала скорее сумме боевых машин в двух бригадах, нежели в корпусе. Не случайно в ЖБД 11 тк в преддверии боевых действий в Донбассе констатировалось, что «особенно танковые бригады были в неполном составе» [21]. Судя по упомянутому выше документу, часть танков были на марше и двигались от ст. Ровеньки к исходным позициям. Численность их составляла 56 машин, среди которых – 48 Т-34 и 8 Т-70. Из трех бригад двойным боекомплектom могла похвастать только 20 Тбр [22].

Другие корпусные части характеризовались следующим образом:

- 1493-й самоходный артиллерийский полк (сап) насчитывал 14 Су-122, из них в ремонте/в пути – 8 ед.;
- 1507-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк (иптап) имел 20 орудий калибра 45 мм;
- 243-й минометный полк (мп) – 35 ед. 120 мм миномётов;
- 738-я истребительно-противотанковая артиллерийская дивизия (иптад) – 12 ед. 85 мм орудий;
- 1388-й отдельный зенитно-артиллерийский полк (озап) – 16 зенитных автоматических пушек 37 мм;
- 26-й отдельный разведывательный батальон (орб) – 8 бронетранспортеров, 6 бронеавтомобилей, 3 мотоцикла;

- 93-й отдельный мотоциклетный батальон (омцб) – 68 мотоциклов, 2 спецмашины, 6 автомашин (ещё 28 мотоциклов были в пути либо в ремонте);
- 687 отдельный батальон связи (обс) – 2 танка Т-34, 2 мотоцикла, 2 бронеавтомобиля, 5 спецмашин.

Следует подчеркнуть, что 1388 озап, 738 иптад, часть 243 мп, а также 12-я мотострелковая бригада (12 Мсбр) в момент подготовки сводки были еще на марше [23].

Приведенная нами информация в отношении подразделений 11 тк практически полностью подтверждается в послевоенном справочнике «Боевой состав Советской Армии» [24].

Заметим, что с 8 июня и по 12 октября 1943 года корпусом командовал генерал-майор Николай Николаевич Радкевич, который принимал участие в боях за Донбасс летом 1942 года. Забегая вперед скажем, что войну Радкевич закончит на Дальнем Востоке, участвуя в августе-сентябре 1945 года в Маньчжурской стратегической наступательной операции в качестве командующего бронетанковыми и механизированными войсками 2-го Дальневосточного фронта.

В мемуарах, написанных после войны, маршал С.С. Бирюзов (в ходе Донбасской наступательной операции 1943 г. был начальником штаба ЮФ), вспоминал слова командующего ЮФ Ф.И. Толбухина о том, что сначала следует осуществить глубокий прорыв, а затем «своевременно ввести в прорыв» танковый и кавалерийские корпуса – эшелон развития успеха [25].

Как зафиксировано в штабных документах, в 16.30 7 сентября 1943 г. началась артиллерийская и авиационная обработка переднего края противника, а в 20.00 этого же дня 11 тк перешел в наступление. К тому времени 28 армия ЮФ, в полосе действия которой должен был наступать 11 тк, овладела Старой Ласпой и создала условия для ввода в прорыв танкового соединения. Однако, корпус сразу встретил огневой вал противотанковой артиллерии врага и понес «большие потери в материальной части», отразив 6 контратак противника. По советским данным, враг подбил и сжег 30 Т-34 и 3 Т-70, потеряв при этом 9 танков и 3 самоходных орудия [26].

В этот же день приказом командующего ЮФ была создана конно-механизированная группа (КМГ), состоящая из 5 гвардейского Донского кавалерийского корпуса (5 гв. Дкк) и 11 тк [27]. Боевым распоряжением № 00135/ОП штаба ЮФ 11 тк с 20.00 8 сентября 1943 г. был подчинен в оперативном отношении командующему 5 гв. Дкк генерал-майору А.Г. Селиванову [28].

Начальник штаба С.С. Бирюзов в воспоминаниях констатировал, что 11 тк и 5 гв. Дкк, введенные в прорыв ночью, «действовали недостаточно решительно и не смогли с ходу преодолеть Кальмиус». Правда, далее пояснил, что недавно созданная подвижная группа была атакована более чем 30 «фердинандами». Кроме того, Бирюзов указал, что взял на себя руководство боем двух корпусов, так как кавалерийская часть начала отход, танкисты же понесли большие потери, а «командир 11-го танкового корпуса явно

растерялся». Танки 11 тк были выведены из узкого дефила, развернулись механизированные полки 5 гв. Дкк и «всеми имеющимися силами» обрушились на врага. К сожалению, по мнению начальника штаба ЮФ, данная заминка танкистов 11 тк и кавалеристов 5 гв. Дкк позволила гитлеровцам за одну ночь разрушить и сжечь «значительную часть Мариуполя» [29].

В документах 6 А вермахта за поздний вечер 7 сентября на участке правого фланга IV армейского корпуса зафиксирована атака 35 советских танков. Разведка противника установила, что новые силы, перешедшие в наступление 8 сентября на стыке между XXIX и IV армейскими корпусами в районе Старая Карань-Большая Каракуба «...пока что определены как 11-й танковый корпус и 5-й гвардейский кавкорпус» [30].

В ЖБД 11 тк отмечено, что 8 сентября 20 Тбр и 36 Тбр, обходя с севера населенные пункты Бело-Каменка и Старая Игнатьевка [*сегодня это территория Тельмановского района ДНР – М.Г.В.*], в 20.30 овладели первым указанным селом, захватив при этом 2 «фердинанда». Ночью велись бои за Старую Игнатьевку и «в 3.30 утра 9.9.43 20 Тбр с 1/12 Мсбр [*1-й батальон 12 мотострелковой бригады – М.Г.В.*] овладели Стар. Игнатьевка» [31].

В немецкие документы за 8 сентября подтверждалась потеря Бело-Каменки и вклинения в Стар. Игнатьевку, но при этом указывалось, что на участке IV армейского корпуса было подбито 82 советских танка, среди которых были боевые машины и 11 тк [32].

К 8.00 утра 9 сентября части корпуса занимались пополнением боеприпасов, ГСМ и стали готовиться к наступлению на Бугас и Волноваху. В штабе немецкой 6 А возникшую обстановку ещё 8 сентября оценивали таким образом: «Замысел противника оценивается так, что наступление на участке IV армейского корпуса пока что не преследует оперативной цели (так как за 11-м танковым корпусом находятся только одна стрелковая дивизия и части одного кавкорпуса), а ведется только для выхода на железнодорожную линию у Волновахи». Поздним вечером этого же дня в ЖБД 6 А был сделан следующий вывод: «Противник собирается силами переброшенного из района Орла 11-го танкового корпуса и подошедшего из района Воронежа 5-го гвардейского кавкорпуса сначала взять Волноваху и затем прорываться к Днепру» [33].

В ЖБД 6 А вермахта за 9 сентября 1943 г. (отметка – 12.00) прямо записано: «...как предполагает армия, 11-й танковый корпус собирается наступать в западном направлении, тогда как остальные силы будут брошены против нас на юго-запад. Армия видит свою задачу в том, чтобы не допустить подобного взаимодействия вражеских сил» [34].

В 3.30 утра 10 сентября 65 Тбр «с хода ворвалась в город Волноваха и овладела ж. д. станцией». После освобождения Бугаса, в Волноваху ворвалась 12 Мсбр. К 5.30 этого же дня «город Волноваха полностью был очищен от противника». Позднее в город вошли части 5 гв. Дкк. В боях за Волноваху особо отличились 65 Тбр и 12 Мсбр 11 тк, которым приказом СВГК было присвоено почётное наименование Волновахских. В приказе прозвучали имена командира 65 Тбр полковника Александра Иосифовича Шевченко, который

лично возглавил ночной рейд на Волноваху, в ходе боев в Донбассе был ранен (начал войну старшим лейтенантом, а закончил полковником, с октября 1942 г. был командиром 65 Тбр, стал Героем Советского Союза в 1944 г., после войны дослужился до генерал-лейтенанта; почетный гражданин г. Волноваха) и командира 12 Мсбр подполковника Ефима Ивановича Жарова (закончил войну полковником, с августа 1943 г. был командиром 12 Мсбр) [35].

В ночь на 10 сентября 1943 г. началось освобождение морских ворот Донбасса – Мариуполя. В соответствии с точкой зрения маршала Бирюзова, вместе с 44-й армией, Азовской военной флотилией, кавалерийскими частями в освобождении города принимала участие и часть 11 тк [36], но в ЖБД корпуса нет ни одного упоминания о том, что его части участвовали в боях за Мариуполь.

В Боевом приказе штаба ЮФ № 146/ОП от 10.09.1943 указывалось, что группа генерал-лейтенанта Н.Я. Кириченко в составе 4 гвардейского кавалерийского корпуса (4 гв. кк) и 4 гвардейского механизированного корпуса (4 гв. мк) и группа генерал-майора А.Г. Селиванова в составе 5 гв. Дкк и 11 тк объединяются в одну конно-механизированную группу под командованием генерал-майора И.А. Плиева [37].

В документах 6 А вермахта за 10 сентября акцентировалось внимание на том, что «из-за тяжелых потерь, понесенных в прошлых боях, противник заново перегруппировывает свою наступательную группировку», в числе подразделений которой был указан и 11 тк. В плане армии на следующий день предполагалось оборонять позицию «Крокодил» *[линия укреплений, шедшая от Мариуполя по р. Кальчик и через короткий четырехкилометровый участок по суше продолжающаяся по р. Мокрые Ялы через Малоянисоль, Новую Каракубу (сегодня – Красная Поляна), Большой Янисоль (сегодня – Великая Новосёлка) к Новопавловке – М.Г.В.]* и замедлить продвижение советских войск к ней. Уже на следующий день оперативники 6 А зафиксировали в ЖБД, что отход на линию «Крокодил» был осуществлен по плану, но противник вклинился у Стар. Майорского [38].

Прервемся на событиях 10 сентября 1943 года, которые, по нашему мнению, во многом были важной вехой в сентябрьской части Донбасской операции. Отвлечемся от анализа проблемы в строгой хронологической последовательности для того, чтобы кратко охарактеризовать документ «Разбор боевых действия 5 гвардейского кавалерийского корпуса в сентябрьской операции Южного фронта 1943 г.», созданный 24 сентября 1943 г. и представляющий особый интерес для раскрытия нашей темы, так как 5 гв. Дкк в тандеме с 11 тк составляли КМГ. Соответственно, в «Разборе...» не могла не идти речь об 11 тк. Кроме того, были выделены позитивные и негативные черты боевой деятельности КМГ, была предпринята попытка представить и обосновать периодизацию событий 7-22 сентября 1943 г. в южном секторе Донбасской операции. В тексте документа обозначенный период разбит на три части:

1. 7-10 сентября (с момента начала боевой деятельности, формирования КМГ (5 гв. Дкк и 11 тк) до освобождения Волновахи и Мариуполя).

2. 10-15 сентября (с формирования объединенной КМГ во главе с И.А. Плиевым (5 гв. Дкк, 11 тк, 4 гв. кк, 4 гв. мк), освобождения Волновахи и Мариуполя до освобождения Гуляй-Поля).

3. 16-22 сентября (освобождение Гуляй-Поля, завершающий аккорд Донбасской операции, перегруппировка) [39].

Нам представляется данный подход к членению сентябрьской части Донбасской операции в полной мере актуальным и для анализа боевой деятельности 11 тк.

Опираясь на приведенную выше периодизацию, продолжим анализ боевой деятельности избранного нами корпуса. Охарактеризуем состояние боевой материальной части 11 тк на момент окончания первого подпериода с помощью «Донесения нач. штаба 5 Д. Гв. КК». В нем наиболее важные количественные и частично качественные показатели представлены на 19.00 10.09.43 г. (см.: табл. 2).

Таблица 2. Обеспеченность 11 тк танками на 19.00 10 сентября 1943 г. [40]

Подразделение Показатель	20 Тбр	36 Тбр	65 Тбр	Танки командования	Всего:
На ходу Т-34	9	5	11	2	27
На ходу Т-70	4	1	2	-	7
На ходу Т-34 + Т-70	13	6	13	2	34

Учитывая данные Таблицы 2, можно констатировать, что за период с 7 по 10 сентября включительно танковая мощь 11 тк уменьшилась более чем в три раза. В «Донесении...» отмечалось, что на подходе из ремонта находилось 10 Т-34 [41].

Понеся тяжелейшие потери, в ночь на 11 сентября корпус продолжил выполнять поставленные задачи – наступать в направлении Ново-Андреевка, Кирилловка, Егоровка. В ЖБД корпуса было записано, что в указанный день 65 Тбр снова отличилась: юго-восточнее Павловки была разгромлена «штабная рота 40 мотополка 17 Т.Д. [17 танковая дивизия вермахта – М.Г.В.] с танками, автомашинами и личным составом» [42]. Преследуя разбитые 253 и 294 пехотные дивизии вермахта, к исходу 11 сентября части корпуса приступили к форсированию р. Мокрые Ялы в районе Стар. Майорское, т. е. преодолению линий укреплений «Крокодил». В соответствии с ЖБД 11 тк, в 1.30 12 сентября 12 Мсбр форсировала р. Мокрые Ялы и овладела Стар. Майорским, продолжив

наступление на Равнополь. После перегруппировки корпус поздним вечером того же дня двинулся в направлении Новодаровка, Васильевка, Яблоково [43].

В «Оперативной сводке штаба 11 тк» за 13.09.43 г. общее количество танков на ходу почти полностью соответствует показателям на вечер 10 сентября 1943 года. Оно составляет 33 танка. Отметим, что на балансе 65 Тбр числился трофейный Т-IV, захваченный в ночь на 11 сентября. В названном документе приводятся данные по материальной боевой части не только 20, 36, 65 Тбр и 12 Мсбр, но и по другим подразделениям корпуса. Так, в 1493 сап насчитывалось 3 ед. СУ-122 (7 ед. СУ-122 указаны в ремонте), в 1507 иптап – 2 орудия 45 мм, в 243 мп – 35 минометов, в 738 иптад – 12 орудий 85 мм, в 1388 озап – 12 зенитных пушек 37 мм, в 26 орб – 1 броневомобиль, 12 бронетранспортёров. В документе, за исключением двух убитых и четырёх раненых, не указана численность потерь: «Потери личного состава уточняются». Кроме того, подчёркивалась приоритетность частей 11 тк в форсировании реки: «После форсирования реки Мокрые Ялы, соседей справа и слева – нет» [44]. В сравнении с данными на начало боевых действий в Донбассе, самые большие материальные потери из подразделений 11 тк на 13 сентября понесли 1493 сап и 1507 иптап.

В ночь с 12 на 13 сентября корпус вел тяжелые бои за высоты 169,2 и 170,6, отражал контратаки противника, а позднее, форсировав реку Гайчур, овладел Петровским и стал вести наступление на станцию Гуляй-Поле. Однако, в отсутствии поддержки справа и слева, понеся большие потери, корпус отошёл на восточный берег р. Гайчур. В ЖБД 11 тк одной из главных причин значительных потерь корпуса называлась «...неправильная информация штабом 5 кк о занятии ими Гуляй-Поле 14-15.9.43» [45]. Наступление, которое 11 тк предпринял в 6.00 16 сентября успеха также не имело. Вопрос о причинах неудач 11 тк с 14 по утро 16 сентября находится в упомянутом нами выше документе 5 гв. Дкк, в котором указывалось на то, что в связи с вопросом о выходе 11 тк из подчинения командованию 5 гв. Дкк в непосредственное подчинение штабу ЮФ, с 10.50 14.9.43 до 8.00 17.9.43 генерал-майор А.Г. Селиванов 11 тк в течение трех суток «никакой задачи не ставил», а 11 тк с в указанное выше время «действовал самостоятельно без руководства» со стороны 5 гв. Дкк и штаба ЮФ [46]. Как видим, имели место проблемы со связью между штабом ЮФ и подразделениями объединенной КМГ.

В ЖБД ЮФ зафиксировано, что 5 гв. Дкк и 11 тк к 17.00 15 сентября 1943 г. овладели районным центром Гуляй-Поле [47]. На практике, более детальную и достоверную информацию по овладению райцентром дают документы подразделений ЮФ. В частности, процитируем ЖБД 11 тк: «в 11.00 16.9.43 части корпуса вновь перешли в наступление: 65 Тбр и 20 Тбр (по 4 танка) наступали с 12 Мсбр, как танки НПП [*непосредственной поддержки пехоты – М.Г.В.*], 36 Тбр (12 танков) с отрядом автоматчиков 12 Мсбр, используя успех 34 СД [*34 гвардейская стрелковая дивизия – М.Г.В.*], с утра 16.9.43 овладевшей

г. Гуляй-Поле» [48]. Бросается в глаза численность танков 11 тк, которая уменьшилась по сравнению с 13.9.43 более чем на треть и составила 20 машин.

В ЖБД 11 тк отсутствует информация за 17-18 сентября. Там же указано, что после следования корпусом в направлении Горький, Ветры, к утру 19 сентября 11 тк овладел населенным пунктом Ключи, где и получил боевое распоряжение от командования 5 гв. Дкк наступать совместно с 63 кавалерийской дивизией (63 кд) в направлении Ключи, Дарьевка, Запасный, Сухоивановка и «к утру 20.9.43 выйти в район ст. Плавни». К 12.00 19 сентября корпус освободил Дарьевку, «приступил к разведке и устройству переправ на р. Конка». К 18.00 того же дня 12 Мсбр форсировала указанную выше реку, а с наступлением ночи началась переправа танков [49].

В оперативной сводке штаба 11 тк от 19.09.43 г. на 22.00 зафиксировано: в трёх танковых бригадах в наличии на ходу 20 танков Т-34 (в т. ч. 2 танка командования), 6 Т-70; в 1493 сап – 3 СУ-122; в 1 507 иптап – 20 ед. 45 мм орудий; в 738 иптад – 11 ед. 85 мм орудий; в 243 мп – 35 ед. 120 мм миномётов; в 1 388 озап – 15 ед. зенитных пушек 37 мм; в 26 орб – один бронеавтомобиль, 7 бронетранспортеров, 2 мотоцикла; в 293 омцб – 10 автомашин, 2 спецмашины, около 40 мотоциклов [*в документе число мотоциклов написано неразборчиво – М.Г.В.*]. В обозначенной оперсводке указаны и безвозвратные потери в боевой материальной части корпуса на 18 сентября 1943 года: 48 Т-34, 13 Т-70, 2 СУ-122 [50].

К утру 21 сентября части 11 тк овладели населенным пунктом Фёдоровка, и в течении 21-22 сентября отбивали неоднократные контратаки противника. Боевым распоряжением № 00215 от 21.09.43 корпус вышел в резерв Командующего ЮФ и к утру 23 сентября сосредоточился в районе Ново-Павловка, Ново-Андреевка [51].

По данным штаба 1 тк, на 21 сентября 1943 г. в корпусе числилось 13 танков Т-34 (в т. ч. 1 танк командования), 6 Т-70 (на подходе – 11 Т-34); в 1493 сап – 1 СУ-122; в 1507 иптап – 20 ед. 45 мм орудий; в 738 иптад – 12 ед. 85 мм орудий; в 243 мп – 35 ед. 120 мм минометов; в 1388 озап – 15 ед. зенитных пушек 37 мм; в 26 орб – один бронеавтомобиль, 5 бронетранспортеров, 2 мотоцикла; в 293 омцб – 43 мотоцикла (12 ед. – в ремонте) [52].

По данным штаба ЮФ, за период участия в Донбасской стратегической наступательной операции 11 тк потерял убитыми 423 человека, ранеными – 1 032 чел., заболевшими – 12 чел., пропавшими без вести – 86 чел. Безвозвратные потери корпуса – 509 чел., санитарные – 1 044 чел. Общие потери подразделения составили 1 553 человека [53].

Таким образом, проведенный анализ боевой деятельности 11 тк в Донбасской стратегической наступательной операции 1943 г. позволяет констатировать, что за период с 7 по 22 сентября 1943 г. корпус продвинулся на 230-250 км, со средним темпом – 15-16 км в сутки. От первоначального предоперационного состава танков на ходу в корпусе осталось менее пятой части, потеряны были почти все СУ-122, погибло и пропало без вести более полтысячи человек. По мнению штаба ЮФ и КМГ, командование 11 тк в

отдельных случаях терялось, сталкиваясь с ожесточенным противодействием противника, штабами подразделений корпуса не велась непрерывная разведка, имели место слабая связь с соседями и отсутствие эффективного взаимодействия между родами войск и подразделениями, плохо работали строевые отделы по учету потерь.

Однако, ночные рейды корпуса приводили к быстрому захвату вражеских позиций. Не случайно за освобождение крупного железнодорожного узла юга Донбасса – Волновахи – 65 Тбр и 12 Мсбр было присвоено почетное наименование Волновахских. Корпус характеризовался высокой боевой выучкой, маневренностью, умением преодолевать хорошо укрепленные линии обороны противника, форсировать водные преграды и т. д.

По нашему мнению, только дальнейшая системная работа по изучению документов и материалов боевых действий в Донбассе летом-осенью 1943 г., приведет к ликвидации «белых пятен» и «черных дыр», в т. ч. и к более основательному заполнению такой малоизвестной страницы как «Боевая деятельность 11 тк в Донбасской стратегической наступательной операции».

Список источников и литературы:

1. Агапов В.Л. Боевые действия войск Южного фронта по освобождению Мариуполя 4 – 10 сентября 1943 г. / В.Л. Агапов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2023. – № 3. – С. 3 – 10.
2. Бирюзов С.С. Когда гремели пушки. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1961. – 280 с.
3. Ботев Ю. Л. Битва за Донбасс: к 80-летию Донбасской наступательной операции / Ю. Л. Ботев, В. В. Ионов, В. С. Хохлов // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2023. – № 3(128). – С. 144-154.
4. Василевский А.М. Дело всей жизни / А.М. Василевский. – М.: Вече, 2014. – 608 с.
5. Вязов Д.А. Советская кавалерия в боях за Донбасс август - сентябрь 1943 г / Д. А. Вязов // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII-XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы II Международной научно-практической конференции, приуроченной к 75-летию окончания Второй мировой войны, Волгоград, 01–02 октября 2020 года / ФГБУК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». – Волгоград: ООО «Сфера», 2020. – С. 125 – 131.
6. Донбасская наступательная операция // Вестник Академии военных наук. – 2023. – № 3(84). – С. 178 – 181.
7. Ершов А. Г. Освобождение Донбасса: военно-исторический очерк / А. Г. Ершов. – М.: Воениздат, 1973. – 240 с.
8. Исаев А.В. Освобождение 1943. «От Курска и Орла война нас довела...» / А.В. Исаев. – М.: Яуза: Эксмо, 2013. – 544 с.

9. Мишечкин Г. В. Предварительные итоги Донбасской стратегической наступательной операции в оперативных документах общевойсковых армий Южного фронта / Г. В. Мишечкин // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15 – 17 октября 2024 года. – Донецк: ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2024. – С. 127 – 129.
10. Мишечкин Г. В. 5-я ударная армия в Донбасской стратегической наступательной операции (август-сентябрь 1943 г.): подготовка, ход и итоги / Г.В. Мишечкин // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2023. – № 4 (87). – С. 81 – 94.
11. Твои освободители, Донбасс: очерки, воспоминания / сост. Г. В. Тепляков. – 5-е изд., доп. – Донецк : Донбасс, 1976. – 423 с.
12. Терентьев В.О., Полищук А.А. «Ломая сопротивление противника...Занял Дебальцево, Калининск и...Нью-Йорк» // Военно-исторический журнал. – 2024. – № 5. – С. 4-15.
13. Донбасс 1943. Освобождение индустриального сердца России // Под общей ред. А.В. Драбкина. – М.: Яуза, 2023. – 736 с.
14. Земке Э. От Сталинграда до Берлина. Операции советских войск и вермахта. 1942 – 1945 / пер. с англ. А.Л. Андреева. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – 604 с.
15. Манштейн Э. Утерянные победы / сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. – М.: АСТ; СПб Terra Fantastica, 1999. – 896 с.
16. Пауль К. Восточный фронт. Книга вторая. Выжженная земля. 1943 – 1944. – М.: Изографус, ЭКСМО, 2003. – 432 с.
17. Frieser Karl-Heinz. Die Ostfront 1943/44. Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten. München. Deutsche Verlags-Anstalt, 2007. – 1319 p.
18. Хаупт Вернер. Сражение группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта / Вернер Хаупт; – М.: Яуза: Эксмо, 2006 (Тверь: Тверской полиграфкомбинат). – 445 с.
19. Журнал боевых действий 11 тк // ЦАМО. Ф. 3412. Оп. 1. Д. 50. Л. 43 об.
20. Оперативная сводка штаба 11 тк // ЦАМО. Ф. 244. Оп. 0003000. Д. 0229. Л. 3.
21. ЦАМО. Ф. 3412. Оп. 1. Д. 50. Л. 43 об.
22. ЦАМО. Ф. 244. Оп. 0003000. Д. 0229. Л. 3.
23. ЦАМО. Ф. 244. Оп. 0003000. Д. 0229. Л. 3-3об.
24. Боевой состав Советской Армии. Часть III (январь – декабрь 1943 г.) / Военно-научное управление Генерального штаба. – М.: Ордена Трудового Красного Знамени Военное издательство Министерства обороны СССР, 1972. 336 с.

25. Бирюзов С.С. Когда гремели пушки. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1961. – С.174.
26. ЦАМО. Ф. 3412. Оп. 1. Д. 50. Л. 44.
27. Журнал боевых действий войск Южного фронта за период с 1 сентября по 1 октября 1943 г. // ЦАМО. Ф. 64. Оп. 505. Д. 205. Л. 46.
28. ЦАМО. Ф. 64. Оп. 505. Д. 205. Л. 52.
29. Бирюзов С.С. Указ. соч. С. 199-200.
30. Журнал боевых действий 6-й армии № 6. 1-20 сентября 1943 г. (Данные за 7-8 сентября 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле – сентябре 1943 г. URL. - <https://donbass43.ru/> (дата обращения: 04 июля 2025 г.).
31. ЦАМО. Ф. 3412. Оп. 1. Д. 50. Л. 44.
32. Журнал боевых действий 6-й армии № 6. 1-20 сентября 1943 г. (Данные за 8 сентября 1943 г.) // Донбасс – 1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. URL. - <https://donbass43.ru/> (дата обращения: 04 июля 2025 г.).
33. Там же.
34. Журнал боевых действий 6-й армии № 6. 1-20 сентября 1943 г. (Данные за 9 сентября 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле – сентябре 1943 г. URL. : <https://donbass43.ru/> (дата обращения: 04 июля 2025 г.)
35. ЦАМО. Ф. 3412. Оп. 1. Д. 50. Л. 44 об.
36. Бирюзов С.С. Указ. соч. – С. 203.
37. Журнал боевых действий 4 гвардейского кавалерийского корпуса (18.08.43 – 20.04.44) // ЦАМО. Ф. 3470. Оп. 1. Д.168. Л.39.
38. Журнал боевых действий 6-й армии № 6. 1 – 20 сентября 1943 г. (Данные за 10 – 11 сентября 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле – сентябре 1943 г. URL. – <https://donbass43.ru/> (дата обращения: 04 июля 2025 г.).
39. Разбор боевых действия 5 гвардейского кавалерийского корпуса в сентябрьской операции Южного фронта 1943 г. // ЦАМО. Ф. 3472. Оп. 0000001. Д. 0064. Л. 45-49.
40. Донесение нач. штаба 5 Д. Гв. КК // ЦАМО. Ф. 244. Оп. 0003000. Д. 0029. Л. 2.
41. Там же.
42. ЦАМО. Ф. 3412. Оп. 1. Д. 50. Л. 44 об.
43. ЦАМО. Ф. 3412. Оп. 1. Д. 50. Л. 45.
44. Оперативная сводка штаба 11 тк от 13.09.43 // ЦАМО. Ф. 244. Оп. 0003000. Д. 0229. Л. 4-4 об.
45. ЦАМО. Ф. 3412. Оп. 1. Д. 50. Л. 45 об.
46. ЦАМО. Ф. 3472. Оп. 0000001. Д. 0064. Л. 47.

47. ЦАМО. Ф. 64. Оп. 505. Д. 205. Л. 85.
48. ЦАМО. Ф. 3412. Оп. 1. Д. 50. Л. 45 об.
49. ЦАМО. Ф. 3412. Оп. 1. Д. 50. Л. 45 об. 46.
50. Оперативная сводка штаба 11 тк от 19.09.43 // ЦАМО. Ф. 244. Оп. 0003000. Д. 0229. Л. 11-11 об.
51. ЦАМО. Ф. 3412. Оп. 1. Д. 50. Л. 46.
52. Оперативная сводка штаба 11 тк от 21.09.43 // ЦАМО. Ф. 244. Оп. 0003000. Д. 0229. Л. 8.
53. ЦАМО. Ф. 64. Оп. 505. Д. 205. Л. 144.

УДК 94(47):394.26(477.62)«1948/1952»

DOI: 10.5281/zenodo.17720419

EDN: QPTCKS

Н.Н. Старченко

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: starchenko.natalya@mail.ru

ДЕНЬ ШАХТЕРСКОЙ СЛАВЫ: ТРАДИЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ПРАЗДНОВАНИЯ ДНЯ ШАХТЕРА НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА СТАЛИНО В 1948 – 1952 ГГ.

Аннотация

В статье на основе изучения и анализа архивных материалов, периодических изданий и научной литературы рассматриваются традиции и особенностей празднования Дня шахтера на примере города Сталино в период с 1948 по 1952 годы. Автор отмечает, что в исследуемый период, масштабное празднование Дня шахтера, включало в себя как официальные мероприятия, так и народные гуляния, что создавало общепризнанную модель советских праздников.

Ключевые слова: День шахтера, Сталино, профессиональный праздник, горняки, официальные мероприятия, массовые гуляния.

Summary

This article on the study and analysis of archival materials, periodicals, and scientific literature, the article examines the traditions and peculiarities of celebrating Miner's Day in the city of Stalino from 1948 to 1952. The author notes that during this period, the large-scale celebration of Miner's Day included both official events and public festivities, creating a well-established model of Soviet holidays.

Keywords: Miner's Day, Stalino, professional holiday, miners, official events, and mass festivities.

Ежегодно в последнее воскресенье августа в Донбассе отмечается профессиональный праздник – День шахтера. Этот праздник, выдержав испытание временем, остается одним из главных праздников для жителей региона после Нового года и Дня Победы. День шахтера, в равной степени символизирует победу и героический труд, поскольку и ратные подвиги, и труд шахтеров воспринимаются населением не только жителей Донбасса, но и России в целом, как свято чтимые ценности, полные тяжелых физических испытаний, опасностей и трудностей, преодоленных ради достижения общих

целей и сохранения промышленного потенциала региона. Важно отметить, что профессия шахтера считается одной из самых опасных в мире. Ее часто сравнивают с военной, поскольку она требует сильного характера, силы воли, смелости и постоянной готовности к столкновению с природными бедствиями.

Цель данной статьи – проанализировать традиции и особенности празднования Дня шахтера на примере города Сталино в период 1948–1952 гг.

Проблематика празднования Дня шахтера в отечественной исторической науке не была предметом специального исторического исследования. Труды историков, посвященные советским массовым праздникам, затрагивали лишь отдельные аспекты празднования населением профессиональных советских праздников. Среди этих исследований можно назвать труды советских и российских историков Л.А. Тульцевой [1], Л.А. Гордона, Э.В. Клопова [2], Е.Ю. Зубковой [3], Н.Б. Лебиной [4 ; 5], Е.А. Кавериной [6]. Феномен советского массового праздника был проанализирован немецким историком М. Рольфом [7]. Значительный интерес с точки зрения рассмотрения традиций, праздников и обрядов, а также их роли в жизни населения Донбасса, представляют исследования О.Б. Пеньковой [8 ; 9].

В октябре 1941 г. город Сталино (с 1961 г. – Донецк) был оккупирован немецко-фашистскими захватчиками. 22 месяца длилась оккупация города. Отступая под ударами советских войск, враг производил массовые разрушения. Все промышленные предприятия были выведены из строя – шахты разрушены и затоплены, здания заводов и фабрик взорваны и сожжены. Освобожденный Советской Армией в сентябре 1943 г. Сталино представлял собой страшную картину опустошения и разрухи.

В ходе Великой Отечественной войны и после ее окончания угольные предприятия на территориях, подвергшихся немецко-фашистской оккупации, пришлось восстанавливать практически заново. В 1943 г., все еще продолжая напряженную войну с противником, население страны, и в том числе, жители шахтерской столицы, приступили к восстановлению города. В Сталино вскоре начали работать многие заводы, шахты, фабрики, транспорт, водопровод, энергоснабжение, начались массовые работы по восстановлению жилых и общественных зданий. К 1949 г. благодаря самоотверженному труду и мужеству советских горняков был достигнут довоенный уровень добычи угля [10].

В свою очередь, советское правительство прилагало усилия к повышению социального статуса и престижа шахтерской профессии. Так, 10 сентября 1947 г. в «Ведомостях Верховного Совета СССР» был опубликован Указ № 32 «Об установлении ежегодного праздника “Дня шахтера”», где было указано «День шахтера праздновать ежегодно в последнее воскресенье августа» [11]. Этим же указом была учреждена медаль «За восстановление угольных шахт Донбасса» [12]. В тот же день, постановлением Совета Министров СССР № 3211 «О преимуществах и льготах для подземных рабочих, руководящих и инженерно-технических работников угольной промышленности и строительства угольных шахт» утверждено Положение о звании «Почетный шахтер», которое предусматривало определенные льготы шахтерам,

проработавшим не менее 10 лет на подземных работах в угольной промышленности и на шахтном строительстве [13].

Стоит отметить, что среди советских профессиональных праздников, День шахтера одним из первых был признан на государственном уровне. Таким образом, горняки получили свой праздник значительно раньше, чем некоторые представители других профессий в регионе. К примеру, металлурги отмечают свой профессиональный праздник с 1957 г., а энергетики и машиностроители с 1966 г. Все это являлось подтверждением особого статуса шахтеров, а также своеобразным выражением иерархии профессий.

Примечательно, что профессиональный праздник День шахтера был учрежден с подачи министров угольной промышленности Дмитрия Оника и Александра Засядько (имя которого носит одна из самых глубоких шахт Донбасса). В послевоенные годы в стране было два отраслевых министра. Один управлял шахтами западной части СССР, второй – восточной. Именно они направили в Президиум Верховного Совета СССР предложение об учреждении Дня шахтера. Считается, что главным инициатором проекта стал все-таки А. Засядько. При этом первоначальный замысел министров заключался в увековечении трудового подвига Алексея Стаханова, однако дальнейшие события показали, что праздник этот имел значительно большее значение для угольной отрасли.

В начале 1948 г. в Министерстве угольной промышленности СССР издали приказ «О подготовке к празднику День шахтера» [14]. В приказе отмечалось, что все работники угольной промышленности должны встретить праздник производственными достижениями и улучшением жилищно-бытовых условий, были определены меры по ускорению строительства и реконструкции шахт, вводу в работу новых машин, укреплению трудовой дисциплины, даны задания по подготовке материалов для награждения особо отличившихся в труде шахтеров.

Первое празднование Дня шахтера состоялось 29 августа 1948 г. В СССР праздник проходил под знаком смотра достижений советской угольной промышленности, трудовой доблести шахтеров, их готовности к выполнению новых задач, которые ставила перед ними Родина. В тот день в Москве состоялось торжественное заседание, на котором лучшие горняки получили награды, а представители шахтерских коллективов обязались достичь в 1949 г. повышения эффективности работы [15].

К празднеству первого Дня шахтера в Советском Союзе украинской студией кинохроники был выпущен короткометражный фильм «Донецкие шахтеры». Зрители увидели на экране прославленных героев Донбасса. В фильме, также были запечатлены индустриальная панорама восстановленного после войны Донбасса – поднятые из руин шахты, металлургические заводы, новая техника, которой, к тому времени, оснастила Донбасс страна [15].

В День шахтера, горнякам страны были посвящены и радиопередачи. Так, в 9 часов утра киевская радиостанция начала передачу радиожурнала «Советская Украина», посвященную Дню шахтера. В нее вошли записанные на

аудиопленку выступления заместителя начальника комбината «Сталинуголь» И.И. Банковского, композитора Б. Векслера, поэта П. Шадура, концерт ансамбля песни Чистяковского дворца культуры им. Сталина. В журнале также был размещен радиорепортаж с шахты № 29 им. Сталина, треста «Рутченковуголь». Кроме этого, станция передавала стихи П. Беспощадного и выступления донецких поэтов, таких как В. Лавров, В. Шутов, В. Труханов и др. Далее, днем, из Москвы передавали поздравления известных личностей страны шахтерам, музыкально-литературный концерт «Шахтерская слава, рассказы почетных шахтеров. Вечернюю программу продолжил радиорепортаж «Донбасс социалистический», передача «День шахтера». Эфир был завершён часовым праздничным радиоконцертом по заказу шахтеров [16].

В подготовке к празднованию Дня шахтера в 1948 г. в клубах и дворцах города Сталино готовились выставки и фотовитрины показывающие достижения шахтеров в борьбе за восстановление и развитие угольной промышленности, портреты почетных шахтеров и лучших стахановцев. Проводились совещания директоров дворцов и заведующих клубами по вопросам подготовки и проведения в День шахтера массовых гуляний, физкультурных выступлений и соревнований, подготовке выступлений художественной самодеятельности на торжественных собраниях трудящихся [17].

28 августа 1948 г., накануне проведения первого Дня шахтера в Сталинском государственном театре оперы и балета состоялось торжественное заседание представителей партийных, советских и общественных организаций города Сталино с участием знатных людей предприятий угольной промышленности области. После торжественного заседания состоялся большой концерт, в котором приняли участие народные и заслуженные артисты, шахтерский ансамбль песни и пляски и Воронежский народный хор [18].

С целью повышения культурного уровня рабочих с помощью профсоюзных активистов и партийных агитаторов проводились лекции на шахтах, в общежитиях и в красных уголках о важности угольной промышленности и шахтерского труда. Так, в День шахтера, 29 августа 1948 г. в Кировском районе города были торжественно проведены встречи делегаций шахт, соревнующихся между собой. В Путиловском лесопарке, в шахтных парках Смолянки и Ветки прошли гуляния горняков. Во всех 12 клубах Куйбышевского района были проведены встречи молодежи с почетными шахтерами города [16].

По окончании официальной части – митингов и демонстраций, население продолжало празднования в парках культуры и отдыха, где проходили массовые мероприятия: выступления коллективов художественной самодеятельности, игры, киносеансы. Например, на Театральной площади города на открытом экране демонстрировались документальные и научно-популярные фильмы. Позже праздничные мероприятия на площади продолжили танцы и игры под аккомпанементы джазового оркестра. А в центральном парке культуры и отдыха им. А.С. Щербакова, в этот день, перед

детьми горняков выступил областной Театр кукол и артисты Госцирка. На эстраде парка прошел концерт артистов филармонии, а в летнем кинотеатре был продемонстрирован фильм «Клятва». В 23 часа 30 мин. праздничные мероприятия в парке им. Щербакова, посвященные Дню шахтера, были завершены «большим вечером огня» [16].

Ко дню шахтера в 1949 г. горняки Сталинской области пришли с радостными итогами: сотни тысяч тонн угля выданы сверх плана, достигнут довоенный уровень угледобычи. Накануне всенародного праздника донецкие шахтеры получили поздравления от министра угольной промышленности А. Засядько. В Сталинском театре оперы и балета состоялось чествование передовиков предприятий угольной промышленности, завершившееся большим концертом с участием симфонического оркестра под управлением народного артиста СССР Н. Рахлина, заслуженной артистки РСФСР К. Шульженко [18]. Праздничное оживление возобновилось воскресным утром 28 августа в парке культуры и отдыха им. А.С. Щербакова.

По информации сектора информационной службы горкома КП(б)У, подготовка к третьей годовщине Всесоюзного праздника Дня шахтера в 1950 г. осуществлялась в условиях высокого политического и производственного подъема среди населения Сталино. В рамках подготовительных работ было развернуто социалистическое соревнование [19].

По сложившейся традиции, в субботний день накануне празднования Дня шахтера, в Сталинском театре оперы и балета состоялось торжественное заседание представителей партийных и общественных организаций города с участием шахтеров – передовиков производства, посвященное профессиональному празднику, по окончании которого, прошел большой концерт с участием артистов Государственного хора русской песни, солистов Сталинского театра оперы и балета, мастеров эстрады из Киева [20].

Перед Днем шахтера партийные организации города активизировали работу: создавались стенные газеты и листовки, оформлялись районные доски почета с показателями шахтеров, коксохимиков и машиностроителей, размещались портреты лучших работников. На всех шахтах города были обновлены лозунги и плакаты. Так, например, на шахте № 14–15 «Пески» были вывешены новые лозунги: «Мы не хотим войны и сделаем все, чтобы предотвратить ее»; «Встретим День шахтера высокими производительными показателями!». В кинотеатре им. Шевченко демонстрировались портреты героев Социалистического труда Донбасса [21].

В 1950 г., в центральном парке города проходили концерты с участием местных коллективов художественной самодеятельности, куда был привлечен городской хор в количестве 4 000 человек и танцевальная группа в количестве 500 человек. Сводный хор исполнил песни: «Гимн Советского Союза», «Пробатка народного», «Донбасс боевой». Наряду с этим, в парке весь день работали читальни, были организованы консультации по международным вопросам. Параллельно, на шахтных стадионах были организованы спортивные соревнования волейбольных команд, боксеров, бросание дисков, бег и так далее

[22]. В завершении праздника, в парке им. А.С. Щербакова и во всех районных парках города прошли массовые гуляния. Так, 27 августа в 9 часов вечера на музыкальной эстраде центрального парка города, симфонический оркестр областной филармонии исполнил несколько произведений по заявкам горняков. Возле центрального фонтана состоялся концерт духового оркестра парка, а на центральной площадке для жителей и гостей столицы Донбасса были организованы массовые игры и танцы [20].

Стоит отметить, что для организации и проведения Дня шахтера постепенно начали привлекаться не только местные, но и столичные, центральные ресурсы. Показательным в этом отношении является празднование Дня шахтера в 1951 г. Так, в парке им. Щербакова в Сталино прошел ряд концертов с участием как местных коллективов художественной самодеятельности, городского цирка, кукольного театра города Сталино, так и артистов Московской эстрады. Силами Гастрольбюро в Донбасс были направлены Государственный русский народный хор им. М. Пятницкого, Московский хореографический ансамбль «Березка», а Московский театр драмы и комедии за один месяц поездок по районам Сталинской области дал 30 спектаклей [23].

В 1952 г. дата праздника выпала на последний день лета, 31 августа. Празднование Дня шахтера осуществлялось по заранее отработанному сценарию предыдущих лет, без существенных изменений в его организации. В субботу 30 августа, как и в столице Родины – Москве, так и в столице Донбасса – Сталино, состоялись торжественные заседания, посвященные Дню шахтера [24]. На следующий день, мероприятия в Сталино проходили в соответствии с устоявшейся практикой: встречи, выступления, тематические выставки и награждения лучших работников. А затем, по традиции, празднества были продолжены в центральном парке культуры и отдыха им. А.С. Щербакова и районных парках города.

Рассматривая вопрос об особенностях празднования Дня шахтера в Сталино, необходимо отметить, что для создания атмосферы праздника, для горожан и гостей города устраивались сельскохозяйственные (продовольственные) ярмарки, в торговую сеть дополнительно завозились ткани, обувь, швейные машинки, радиоприемники и продукты. Торгующими организациями были открыты большое количество киосков, палаток и ларьков. К примеру, в первый год празднования Дня шахтера магазин управления рабочего снабжения комбината «Сталинуголь» к празднику получил большое количество дополнительных промтоваров. Для работников комбината было получено еще на 4,5 млн. руб. хлопковой ткани, на 2 млн. руб. шелка и на 800 тыс. руб. льняных тканей. Помимо этого, с лучших московских и ленинградских фабрик было отгружено 88,5 тонны кондитерских изделий высшего сорта, четыре вагона специальных сигарет. В торговые организации Донбасса из Москвы, Ленинграда, Львова, Николаева и Харькова было завезено на 8,5 млн. руб. парфюмерных товаров [25].

Десятки товарных поездов из дружественных республик доставляли ко Дню шахтера в Донбасс предпраздничные подарки. Так, в 1948 г. от текстильщиков Москвы и Костромы горняки получили на 20 млн. руб. льняных, шерстяных и шелковых тканей. Из города на Неве шахтерам была отправлена крупная партия обуви, а из Казани прибыло 45 вагонов мебели. Коллективы предприятий Москвы, Горького, Киева, Ленинграда, Риги прислали автомашины, мотоциклы, велосипеды, радиоприемники, охотничьи ружья [16].

Такие государственные меры по подготовке к празднику, широко освещались в прессе как признак роста уровня жизни трудящихся. Аналогичные праздничные акции продолжали проводиться и в последующие годы, укрепляя традицию торжественного чествования шахтеров.

Таким образом, являясь одним из крупнейших центров угольной промышленности в СССР, город Сталино активно стал отмечать День Шахтера с момента первого празднования в 1948 г. Для жителей столицы региона День шахтера – особый праздник, по значимости не уступающий личным торжествам. В исследуемый период, масштабное празднование Дня шахтера, включавшее в себя официальные мероприятия и народные гуляния, создавало общепризнанную модель советских праздников. Эта модель носила универсальный характер и была типична для всех региональных центров советского государства, в том числе и для Сталино. Стоит подчеркнуть, что партийное руководство было заинтересовано не только в том, чтоб обеспечить массовость участия в мероприятиях, но и в том, чтоб создать в коллективах ощущение приближения праздника.

Сегодня, День шахтера одновременно является и Днем города Донецка, но при этом профессиональная составляющая и трудовые достижения шахтеров преобладают над городскими традициями.

Список источников и литературы:

1. Тульцева Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР / Л.А. Тульцева. – М.: Наука, 1985. – 192 с.
2. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени / Л.А. Гордон, Э.В. Клопов. – М.: Наука, 1972. – 368 с.
3. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953 / Е.Ю. Зубкова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 229 с.
4. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920 – 1930 годы / Н.Б.Лебина. – СПб.: Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1999. – 320 с.
5. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н.Б.Лебина. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – 488 с.
6. Каверина Е.А. Праздник как эстетический и социальный феномен / Е.А. Каверина // Вестник Томского государственного университета. – № 324.

2009. С. 119–122. / URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/prazdnik-kak-esteticheskiy-i-sotsialnyy-fenomen> (дата обращения: 18.08.2025).

7. Рольф М. Советские массовые праздники / М. Рольф. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б. Ельцина, 2009. – 439 с.

8. Пенькова О.Б. Традиції, свята та обрядовість населення Східної України в 1960-і – середині 1980-х рр.: державна політика й повсякденне життя.: Дис. на здоб. наук. ступ. канд. іст. наук (07.00.01) / Наук. кер. П.В. Добров; Донец. нац. ун-т. – Донецьк: ДонНУ, 2006. – 264 с.

9. Пенькова О.Б. Праздничный календарь в темпоральном измерении советской повседневности (на материалах Донбасса 1960-х – 1980-х гг.) // Советская темпоральность: антропологическое и социокультурное измерение: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 4 – 5 июля 2024 г.) / отв. ред. М.А. Пономарева, А.В. Аверьянов; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2024. – С. 244–260.

10. Донецк. Архитектурно-исторический очерк / Килессо С. К., Кишкань В. П., Петренко В. Ф. и др. – Киев: Будівельник, 1982. – С. 14.

11. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю. И. – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1956. – С. 292–293.

12. Там же. – С. 378.

13. Совет Министров СССР. Постановление от 10 сентября 1947 г. «О преимуществах и льготах для подземных рабочих, руководящих и инженерно-технических работников угольной промышленности и строительства угольных шахт» / Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик // URL: https://libussr.ru/doc_ussr/ussr_4662.htm

14. Встречаем трудовой юбилей – к 70-летию Дня шахтера / URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2017/8/420 (дата обращения: 20.08.2025).

15. Правда. 1948. 29 августа.

16. Радянська Донеччина. 1948. 29 августа.

17. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР). – Ф. 326. Оп. 7. Д. 379. Л. 82.

18. День шахтера в Донецке / Культура Донбасса. // URL: <https://culture-dnr.ru/chitat/traditsii/1280-den-shakhtera-v-donetske> (дата обращения: 27.08.2025).

19. ГА ДНР. – Ф. 18. Оп. 10. Д. 32. Л. 1.

20. Социалистический Донбасс. 1950. 27 августа.

21. ГА ДНР. – Ф. 18. Оп. 10. Д. 32. Л. 5 – 6.

22. ГА ДНР. – Ф. 18. Оп. 10. Д. 32. Л. 9 – 10.

23. Советское искусство. 1951. 18 августа.

24. Правда. 1952. 31 августа.

25. Радянська Донеччина. 1948. 4 августа; 24 августа.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(4) +75.041.5

DOI: 10.5281/zenodo.17720619

EDN: PILEUQ

А.В. Вербовский

ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей»

E-mail: verbovskiy@ro.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ И ДРУГИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ПОРТРЕТОВ КОРОЛЯ ФРАНЦИИ ГЕНРИХА II ВАЛУА

Аннотация

Такие исторические источники, как произведения визуальной культуры, в частности портреты монарших особ, наряду с политическими процедурами помазания и коронации властителей, торжественными въездами монархов в город, являлись одним из способов репрезентации королевской власти. В статье рассматриваются репрезентативные функции визуальных источников эпохи – портретов короля Франции Генриха II Валуа. В качестве объекта исследования использованы портреты этого монарха, созданные придворными мастерами в различных видах пластических искусств: живописи, скульптуре, рисунке, гравюре, медальерном искусстве.

Ключевые слова: Франция, Генрих II Валуа, пластические искусства, портрет, скульптура, живопись, презентация власти, функции портрета.

Summary

Historical sources such as the works of visual culture, the portraits of monarchs, in particular; along with the political procedures of the anointing, coronation, and royal entries were one of the ways to represent the power of the ruler. The article examines the representative functions, carried by the visual sources from the era – portraits of King Henry II of France. The portraits of this monarch, created by court artists in various types of plastic arts: painting, sculpture, drawing, engraving, and medal art were used as the object of research.

Keywords: France, Henry II de Valois-Angoulême, plastic arts, portrait, sculpture, painting, presentation of power, functions of a portrait.

В современной медиевистике важным объектом исторического исследования, наряду с крупными государственными формами и институтами, становится тема власти и властвования. Изучение монаршего двора, его

культурной, социально-политической, экономической роли в конце двадцатого столетия сделалось одним из важных направлений исторической науки [1]. Репрезентация власти – демонстрация могущества и исключительности того или иного монарха – ставится во главу угла в качестве средств реализации персонификации феномена власти [2]. Под изучением репрезентации власти исследователи подразумевают анализ образов власти – выраженной в артефактах культуры совокупности представлений об источнике власти, взаимоотношениях государя со своими подданными, использование художественного языка как способа трансляции политических идей [3].

Тема репрезентативной функции портретов монарших особенно актуальна в современной исторической науке, поскольку медиевисты и исследователи, занимающиеся историей Раннего Нового времени, больше уделяют внимание практикам инаугурационной церемонии (*le sacre royal*) и инаугурационного въезда (*l'entree royale*) [4], нежели визуальным источникам.

Цель данной статьи – рассмотреть произведения визуальной культуры как исторические источники в рамках проблемы конструирования социально-политической среды, в частности, как на еще один способ репрезентации монаршей власти.

Властители Франции эпохи позднего средневековья и Раннего Нового времени правили в условиях динамичных исторических процессов – формирования абсолютизма, религиозных войн, новых идеологических парадигм. Непродолжительное время правления Генриха II Валуа, короля Франции 1547 – 1559 гг., отмечено, с одной стороны, успехами во внешней политике, усилением королевской власти, с другой стороны, жестким противодействием распространению Реформации внутри страны. В области культуры Генрих II следовал политике своего отца Франциска I, продолжая традиции Ренессанса.

Многочисленные визуальные памятники сохранили образ короля Франции. Портреты Генриха II Валуа создавались в различных видах фигуративных искусств, становясь одним из способов репрезентации власти.

Теме власти и ее репрезентации в Позднем Средневековье уделяли внимание многие исследователи: Эрнст Канторович «*The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology*» [5], Трэйси Адамс «*Anne de France and Gift-Giving The Exercise of Female Power*» [6] и др.

Социальные функции портретного жанра становятся предметом исследования Мишеля Пастуро «*L'effervescence emblematisque et les origines heraldiques du portrait au XIVe siecle*» [7] и Стивена Перкинсона «*Rethinking the Origins of Portraiture*» [8]. В отечественной медиевистике теме власти посвящали свои работы Н.А. Хачатурян «Власть и общество в Западной Европе в Средние века» [9], М.А. Бойцов «Что такое потестарная имагология?» [10], С.А. Польская «Христианнейший король: образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX – XV вв.)» [11], В.Г. Циватый «Репрезентация власти и социокультурные образы власти в сознании западноевропейского средневекового общества: политико-институциональные,

дипломатические и церемониальные практики» [12] и так далее. Однако историки больше уделяют внимания таким политическим процедурам как помазания, коронации, похороны властителей, торжественные въезды монархов в город («la joyeuse entrée»), нежели таким визуальным источникам эпохи, каковыми являются скульптурные, живописные, графические портреты властителей. В работах историка искусств А. Зверевой «Portraits dessinés de la cour des Valois. Les Clouet de Catherine de Médicis» [13], работающей во Франции, досконально изучается графический и живописный портрет времени правления поздних Валуа, но акцент в исследованиях этого специалиста делается прежде всего на вопросы искусствоведения, а не проблематику власти и ее репрезентации. В работах отечественных историков искусств советского периода, таких как М.В.Алпатов «Искусство эпохи Возрождения и Нового времени» [14], Н.Б. Петрусевич «Искусство Франции XV – XVI веков» [15], Е.Ю. Золотова «Жан Фуке» [16], тема репрезентации затрагивается лишь эпизодически. Произведения фигуративных искусств с точки зрения их репрезентативных качеств рассматриваются в работах таких отечественных искусствоведов, как М.А. Демидова «Церемония вхождения Генриха II в Париж (1549). К вопросу о принципах формирования ренессансного образа» [17], Е.В. Шаповалова «Повседневность Валуа»: французское придворное искусство в политике Екатерины Медичи и лидеров католической партии во второй половине XVI в.» [18].

На эпоху нахождения у власти во Франции представителей династии Валуа приходится зарождение и расцвет портретного жанра в этом королевстве. Уже в XIV в. при Карле V Мудром изображения французских королей на книжных миниатюрах в сценах коронации, торжественных въездов, вассальных клятв королю, вручения орифламмы, а также скульптурные изображения монархов становятся одним из способов репрезентации монаршей власти [19]. В следующем столетии задачу персонификации феномена власти в фигуративных искусствах в королевстве лилий решают (наряду с иллюминированными манускриптами и скульптурными фигурами представителей королевской династии) визуальные образы властителей на алтарных створках (Триптих «Неопалимая купина» с изображениями Рене Анжуйского и Жанны де Лаваль, Муленский триптих «Богоматерь во славе», на створках которого находятся портретные изображения супружеской четы герцогов де Бурбонн), получает развитие станковый портрет.

В XV – нач. XVI вв. портретная живопись за редким исключением была уделом знати и представителей монаршей семьи. Портреты королей, как правило, изображавшиеся в профиль, были политическими документами: распространялись в знак благосклонности монарха к своему вассалу и рассматривались как замена личного присутствия короля. Иконография королевских портретов выбиралась самими монархами и строго ограничивалась утвержденными художниками [20].

В XVI в. сначала на фоне увлеченности первого короля из Ангулемской ветви династии Валуа работами представителей итальянского Ренессанса (отец

Генриха II – король Франциск I, уделявший особое внимание формированию своего образа в глазах подданных, в значительной мере сам сформировал при дворе культурную среду королевства лилий, в частности, повлиял на развитие пластических искусств) [21], а затем и при расцвете французского Маньеризма при Генрихе II, происходит некоторая десакрализация портретного жанра. Теперь образ христианского монарха, борющегося с протестантами за чистоту католической веры, причудливо переплетается с представлением короля в облике античных богов и героев. В Фонтенбло придворное искусство Франции, сформировавшееся как великолепный компромисс между итальянскими и нидерландскими манерами, обязательно должно включать в себя портретную живопись [22].

Как и Франциск I, король Генрих II запечатлен на многих живописных полотнах, карандашных рисунках, гравюрах. Для полноты исследования информация о значительной части портретных изображений этого монарха собрана в данной работе в форме таблицы 1.

Сохранилось и несколько скульптурных образов Генриха II. Из нарративных источников эпохи мы можем получить представление о том, как выглядел этот король [23]. Вербальный портрет этого французского монарха дает посол Венецианской республики при французском дворе Джакомо Соранцо: «у него хорошая фигура, он рослый, свою красивую форму тела он поддерживает физическими упражнениями... Цвет лица смуглый, волосы черные... Лицо длинное, глаза средние, светлые, выглядит грустным, меланхоличным, ...обладает королевским величием...» [24].

Генрих II отдавал предпочтение французским художникам и ваятелям, в отличие от своего отца, приглашавшего итальянских мастеров пластических искусств. Но это сказывается, скорее, на вопросах стиля, нежели на смене жанров: в живописи самыми востребованными жанрами остаются портрет и многофигурные композиции с историческими сюжетами. Как и при Франциске I, во время правления Генриха II художники наделяют персонажей мифологических сцен портретным сходством с представителями королевской династии.

Большинство портретов Генриха II Валуа приписывают кисти придворного художника Франсуа Клуэ либо представителям его школы. В живописных полотнах, созданных этим мастером, репрезентативные качества портрета преобладают над созданием психологической характеристики модели [25]. В живописном придворном портрете, выполнявшимся художниками в мастерской по памяти, был выработан общий тип холодной и сдержанной представительности в подаче образа портретируемого, который был характерен для всей Западной Европы [26]. Среди живописных работ, на которых запечатлен Генрих II, особого внимания заслуживает портрет, изображающий короля в полный рост (*anonyme, Henri II, Paris; musée du Louvre département des Peintures. INV 3259*) [см.: Таблица 1. Живопись]. Этот вид парадного портрета был разработан итальянским мастером – Тицианом, писавшим подобным образом императоров Священной римской империи – Карла V и Филиппа II.

Через несколько лет после создания этого портретного изображения Генриха II будет написан подобный портрет короля Карла IX, на котором сын Генриха II представлен в той же позе. Мы можем наблюдать и сходство фона на обеих работах – это зеленая драпировка, которая является свидетельством появления определенного канона парадного портрета коронованных особ [27]. Существует мнение, что создание в XVI в. портретов, на которых модель изображается в полный рост, связано с появлением высоких зеркал. Портретные изображения и ранее соответствовали тому, что можно было увидеть в зеркале, но до этого зеркала изготавливались лишь таких размеров, которые позволяли человеку увидеть лишь лицо и плечи [28].

На время правления Ангулемской ветви династии Валуа приходится распространение детского портрета, который уже существовал в европейской живописи в XV в., но был нечастым явлением. В детском возрасте Генриха II изображали не единожды. Жану Клуэ приписывают как карандашный портрет маленького принца (Clouet Jean, Henri II, roi de France. Chantilly; musée Condé. MN 6; 348) [см.: Таблица 1. Рисунок], так и живописное изображение будущего короля Франции (Clouet Jean (d'après) Henri II enfant, Chantilly; musée Condé. PE 259) [см.: Таблица 1. Живопись].

В это же время во Франции создаются и миниатюрные портреты. Так в 1525 г. в Англию были отправлены медальоны с портретами короля Франциска I и его сыновей, дофина Франциска и Генриха, герцога Орлеанского, выполненные придворным живописцем Жаном Клуэ. Социальная функция этих портретов была несколько иной, нежели репрезентация монаршей власти: эти портреты были отправлены с целью получения поддержки у английского короля Генриха VIII в деле освобождения французских принцев из Испанского плена [29]. Эмалевая живопись, зародившаяся в городе Лимож, стала отдельной страницей в развитии миниатюрного портрета. В отличие от итальянской техники эмали, где использовался промежуточный слой, французская техника предполагала нанесение разноцветной эмали сразу на медную основу [30]. Производство «Выемчатой эмали», возникшее в XIII в., через пару столетий трансформировалась в «живописную эмаль» [31]. В XVI в. Леонард Лимузен добивается великолепной техники в передаче индивидуальных черт лица модели (Leonard Limousin, circa 1555-60. Detail from plaque of Henry II of France, partially gilded enamel on copper Metropolitan Museum of Art in New York City. 1994.73) [см.: Таблица 1. Миниатюра].

В карандашных портретах, рисовавшихся с натуры, был сильнее замечен своеобразный отпечаток чисто французского вкуса [32]. Франсуа Клуэ, сын Жана Клуэ, учившийся у своего отца живописи и ставший после его смерти главным портретистом французского двора, изображал Генриха II как в карандашных рисунках, так и на живописных полотнах. Его работы отличаются по технике от произведений его отца не только тщательной детализировкой, но и более глубоким раскрытием образа портретируемого. В XVI в. «le crayon» во Франции считался просто синонимом портрета [33]. Первоначально являвшийся подготовительным материалом к живописному портрету,

карандашный портрет превратился в самостоятельный жанр. Увлечение портретом, возникшее в королевской семье, обусловило его популярность [34]. Когда речь идет о художниках при дворе Екатерины Медичи, имеют значение и ее личный вкус – она начинает коллекционировать графические портреты, что придает рисунку как художественному произведению новую значимость [35]. Начиная со времени правления Франциска I карандашные портреты представителей королевского дома и их придворных объединяются в книж-альбомы и становятся предметом коллекционирования. Спрос на подобные портреты становится еще больше при Генрихе II [36]. М.А. Бойцов пишет о частичной «реиконизации» облика власти, произошедшей в европейских монархиях в Новое время, которая проявилась как в портретных миниатюрах, создававшихся в качестве подарков за особые заслуги, так и в больших официальных портретах, предназначение которых – служить украшением дворцовых интерьеров [37]. Такой вид портретных изображений как книжная миниатюра постепенно теряет былую популярность. С другой стороны, искусствовед Н.Б. Петруевич отмечает, что «вкусы эпохи эволюционируют в сторону репрезентативной эффективности» [38].

Надо отметить, что «реиконизация» портрета XVI столетия происходит не во всех видах фигуративных искусств. Скульптурные портретные изображения Генриха II, созданные Жерменом Пилоном, сохраняют свою прежнюю социальную функцию. Бюст короля, выполненный этим мастером, также несет репрезентативную функцию (Germain Pilon. Buste de Henri II. Paris; musée du Louvre département des Sculptures MR 1635; N 15145). Жермен Пилон создает и посмертную маску короля (Germain Pilon. (attribué) Masque d'Henri II. Paris; musée du Louvre département des Sculptures. RF 446) [см.: Таблица 1. Скульптура].

В северном трансепте базилики аббатства Сен-Дени находится усыпальница Генриха II и его супруги Екатерины де Медичи, первоначально предназначавшаяся для мавзолея Валуа [39]. Архитектурный каркас этого памятника создан Пьером Леско. Созданная под руководством Приматиччо, эта усыпальница украшена главными произведениями выдающегося скульптора Жермена Пилона: надгробными изваяниями Генриха II и его супруги Екатерины Медичи. Жермен Пилон создает два поразительно правдивых мраморных изображения монаршей четы: усопших, лежащих на смертном одре и две наделенные сильной жизнью коленопреклоненные бронзовые фигуры, расположенные на верхнем ярусе усыпальницы [40]. Тела короля и королевы, простертые на саркофаге, представляют особый интерес. Жермен Пилон создал обе фигуры задолго до смерти Екатерины Медичи. Разная степень идеализации фигур связана именно с тем, что на момент создания надгробия королева была жива. Фигура Генриха II выглядит намного экспрессивнее [41]. Сооружение этой гробницы важно было для Екатерине Медичи для репрезентации себя в качестве правопреемницы погибшего на турнире супруга – короля Генриха II. Гробница имела двойную репрезентативную функцию: подчеркивала роль

вдовствующей королевы как регента Франции и одновременно с этим прославляла память усопшего Генриха II [42].

Существовали и другие скульптурные изображения этого короля, имеющие ярко выраженную репрезентативную функцию. Во время церемонии вхождения Генриха II в Париж в 1549 г., вход на мост Нотр-Дам был оформлен триумфальной аркой, посвященной Тифию и аргонавтам. В фигуре Тифия легко прочитывалась аллюзия на правящего монарха Франции [43].

В XVI в. в искусстве гравюры, которая постепенно вытесняет книжную миниатюру, появляется много портретных изображений королевских особ. Большинство эстампов с портретами Генриха II выполняют репрезентативную функцию. Сохранились эстампы, на которых изображена конная статуя короля Генриха II (estampe. Tempesta Antonio; Volterra Daniele da (d'après); Aelst Nicolas van (éditeur). Henri II, roi de France 4e quart 16e siècle Chantilly; musée Condé. EST P 15.; estampe; histoire. Tempesta Antonio (graveur); Aelst Nicolas van (éditeur). Statue équestre de Henri II 4e quart 16e siècle; 1er quart 17e siècle. Pau; musée national du château de Pau. P.1427) [см. Таблица 1. Гравюра].

Во «Французской истории нашего времени» Никола Уэля, представляющей собой ряд сонетов с иллюстрациями, художественное оформление принадлежит Антуану Карону. На одной из иллюстраций художник изобразил Генриха II, передающего власть своей супруге Екатерине Медичи. Лица короля и королевы выполнены отдельно и являются оригинальными портретами, созданными Франсуа Клуэ, наклеенными на рисунок Антуана Карона. В другом совместном проекте Никола Уэля и Антуана Карона – «Истории королевы Артемизии» античные триумфальные мотивы в иллюстрациях вполне соответствует реальным произведениям: несмотря на то, что монументальная усыпальница Мавсола не тождественна задуманному Приматиччо мавзолею Валуа, король Генрих II без труда угадывается в усопшем супруге Артемизии [44].

На одной из гравюр Жана Дюве Генрих II изображен в образе святого Михаила с мечом в руке, у ног которого лежит поверженный демон (Jean Duvet. Henry II Between France and Fame, ca.1548. French, 1485-ca. 1561. Etching: 29.5 x 21 cm) [см.: Таблица 1. Гравюра]. Вероятно, что эта композиция символизирует роль Генриха как лидера католической Франции [45].

В сюжетах шпалер и живописных работ, представляющих празднества при королевском дворе, также можно наблюдать изображения монарха. В серии «Развлечения короля Генриха II», созданной для замка Ане, мы видим реалистичное изображение Дианы де Пуатье в образе богини, охотящейся во дворе замка при участии зрителей, среди которых выделяется король, чей образ вполне узнаваем [46].

В Британском музее хранится бронзовая медаль работы мастера Жака Руэра, на которой изображены три профиля с наложенными друг на друга портретами первых трех королей из Ангулемской ветви Валуа: Франциска I, Генриха II, Франциска II. Эта медаль, по всей видимости, была отлита для того,

чтобы подчеркнуть преемственность королевской линии Валуа от их основателя Франциска I до его внука Франциска II [47].

Подводя итог, мы можем отметить, что идея сакральности власти все еще продолжает обеспечивать жизнеспособность авторитарной власти, несмотря на постепенную утрату прежнего значения в процессе секуляризации культуры [48]. Придворное искусство во Франции по-прежнему в значительной мере зависело от заказчиков, которые, будь то король или королева, использовали объекты визуальной культуры для создания собственного политического образа.

Живописные парадные королевские портреты, изображения Генриха II на медалях и тестонах, надгробные изваяния по-прежнему выполняют репрезентативную функцию и служат сакрализации монаршей власти. Портретные изображения монархов выполняли роль успешного инструментария в деле не только представления монаршей власти, но и ее прославления. Многие эстампы с изображением Генриха также служат этой цели. При этом новые виды портрета: карандашный портрет, живописный детский портрет – выполняют иные социальные функции [49].

Таблица 1. Изображения короля Франции Генриха II Валуа, созданные его современниками в различных видах пластических искусств

<i>Вид пластического искусства</i>	<i>Произведение</i>	<i>Автор</i>	<i>Место хранения, инвентарный №</i>
1	2	3	4
Рисунок	Детский портрет короля Генриха II	Жан Клуэ	Шантийи, Музей Конде Инв. № MN-6; B348
	Трехчетвертной портрет короля Генриха II	Жан Клуэ	Шантийи, Музей Конде MN14; B115
	Профильный портрет короля Генриха II	Франсуа Клуэ	Шантийи, Музей Конде Инв. № MN-29; B121
	Трехчетвертной портрет короля Генриха II, 306х216 мм	Франсуа Клуэ	Британский Музей Инв. № 1910.0212.77
	Трехчетвертной портрет короля Генриха II	Франсуа Клуэ	Британский Музей Инв. № 1859,0514.277
	Трехчетвертной портрет короля Генриха II	Франсуа Клуэ	Британский Музей Инв. № 1859,0514.277
	Трехчетвертной портрет короля Генриха II	Франсуа Клуэ (приписывается)	Ренн, Музей изящных искусств Инв. № 794.1.2613
Живопись	Детский портрет короля Генриха II	Жан Клуэ (приписывается)	Шантийи, Музей Конде Инв. № PE-259
	Трехчетвертной портрет короля Генриха II	Франсуа Клуэ (приписывается)	Версаль, Трианон Инв. № MV 3175; INV 3261; C 331
	Трехчетвертной портрет короля Генриха II	Франсуа Клуэ (приписывается)	Флоренция, дворец Пизии FIN-S-FIPA00-0246
	Профильный портрет короля Генриха II	Неизвестный мастер	Шантийи, Музей Конде Инв. № PE-49
	Трехчетвертной портрет короля Генриха II	Неизвестный мастер	Реймс, Музей изящных искусств Инв. № 845.38.1
	Ростовой портрет короля Генриха II	Неизвестный мастер	Париж, Лувр Инв. № 3259

	Ростовой портрет короля Генриха II	Франсуа Клуэ (мастерская)	Шантийи, Музей Конде Инв. № PE 555
	Профильный портрет короля Генриха II	Франсуа Клуэ	Флоренция, дворец Питти FIN-S-FIPA00-0246
Скульптура	Надгробная лежащая фигура короля Генриха II	Жермен Пилон	Париж, Лувр ML 23
	Бюст короля Генриха II	Жермен Пилон	Париж, Лувр MR 1635; N 15145
	Посмертная маска короля Генриха II	Жермен Пилон	Париж, Лувр RF 446
	Скульптурное изображение короля Генриха II	Неизвестный мастер	Париж, Лувр MR 1597
	Бюст короля Генриха II	Неизвестный мастер	Анжер, Музей изящных искусств SN
	Бюст короля Генриха II	Неизвестный мастер	Анжер, Музей изящных искусств SN
Миниатюра	Миниатюра эмаль на меди: профильный портрет короля Генрих II	Леонард Лимузен	Нью Йорк, Музей Метрополитен 1994.73 (accession number)
	Миниатюра: король Генрих II на лошади	Неизвестный мастер	Шантийи, Музей Конде Инв. № PE 281
	Трехчетвертной портрет короля Генриха II	Неизвестный мастер	Шантийи, Музей Конде Инв. № OA 1622; Inv. miniatures n° 2
	Миниатюра: король Генрих II на лошади	Неизвестный мастер	Шантийи, Музей Конде Инв. № DE PD 363
	Ростовой портрет короля Генриха II	Неизвестный мастер	Шантийи, Музей Конде Инв. № PE 260
Гравюра	Эстамп с профильным изображением короля Генриха II	Николаус Беатризе, Лука Пенни (?)	Шантийи, Музей Конде Инв. № EST P 481
	Эстамп с профильным изображением короля Генриха II	Рене Бувин	Шантийи, Музей Конде Инв. № EST P 155
	Эстамп с ростовым изображением короля Генриха II	Рене Бувин, Лука Пенни	Шантийи, Музей Конде Инв. № EST P 483
	Эстамп с профильным изображением короля Генриха II	Николо делла Каса, Баччо Бандинелли	Шантийи, Музей Конде Инв. № EST P 480
	Эстамп: король Генрих II на лошади	Неизвестный мастер	Шантийи, Музей Конде DE PD 363
	Эстамп: конная статуя короля Генриха II	Антонио Темпеста	Шантийи, Музей Конде EST P 15
	Эстамп: конная статуя короля Генриха II	Антонио Темпеста	Национальный музей города По P.1427
	Эстамп: бюст Генриха II в рыцарских доспехах		Национальный музей города По P.66.14.12
	Эстамп: король Генрих II на лошади	Неизвестный мастер	Шантийи, Музей Конде DE PD 363
Медали, монеты, тестоны	Тестон с профилем короля Генриха II	Жак Руаре	Лондон, Британский музей Инв. № G3, FrM.75
	Медаль с профилем короля Генриха II	Джованни Антонио де Росси	
	Тестон с профилем короля Генриха II		Перонн, Музей Альфреда Даникура 2010.AA.1
	Медаль с профилем короля Генриха II		Музей Карнавале
	Монета с профилями Франциска I, Генриха II, Франциска II	Жак Руаре	Британский музей G3, FrM.75
	Тестон с профилем короля Генриха II		Перонн, музей Альфреда Данкура 2010.AA.1; 2010.AA.2

Список литературы и источников:

1. Хачатурян Н.А. Современная медиевистика России в контексте мировой исторической науки // Средние века. Вып. 62. – М.: Наука, 2001. – 487 с.
2. Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века / Н.А. Хачатурян; Ин-т всеобщ. истории РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Наука, 2008. – 313 с. – ISBN 978-5-02-035981-9.
3. Циватый В.Г. Репрезентация власти и социокультурные образы власти в сознании западноевропейского средневекового общества: политико-институциональные, дипломатические и церемониальные практики // Власть и ее пределы в Средние века и раннее Новое время. Сборник научных статей. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2015. – С. 244 – 257.
4. Польская С.А. Христианнейший король: образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX-XV вв.). – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – С. 441.
5. Kantorowicz E. H. The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology. – Princeton: Princeton University Press, 1957. – 568 p.
6. Adams, Tracy. Anne de France and Gift-Giving The Exercise of Female Power // Women and Power at the French Court, 1483 – 1563. – Amsterdam: Amsterdam University Press B.V., 2018. – P. 65 – 83.
7. Pastoureau, M. L'effervescence emblématique et les origines heraldiques du portrait au XIVe siècle. – BSNAF ([1985] 1987). – P. 108 – 115.
8. Perkinson S. Rethinking the Origins of Portraiture // Gesta, Vol. 46, №. 2, Contemporary Approaches to the Medieval Face (2007). – С. 135 – 157.
9. Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века / Н.А. Хачатурян; Ин-т всеобщ. истории РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Наука, 2008. – 313 с. – ISBN 978-5-02-035981-9.
10. Бойцов М. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: очерки потестарной имагологии. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 5–37. – ISBN 978-5-91419-366-6
11. Польская С.А. – Указ. соч. – С. 441.
12. Циватый В.Г. – Указ. соч. – С. 244 – 257.
13. Zvereva A. Portraits dessinés de la cour des Valois. Les Clouet de Catherine de Médicis. – Paris: Arthéna, 2011. – 464 p.
14. Алпатов М.В. Всеобщая история искусств. В 3 т. Т.2. Искусство эпохи Возрождения и Нового времени. – Москва-Ленинград: Искусство, 1949. – 246 с.
15. Петрусевич Н.Б. Искусство Франции XV-XVI веков. – Л.: Искусство, 1973. – 223 с.
16. Золотова Е.Ю. Жан Фуке / Екатерина Юрьевна Золотова – М.: Изобразительное искусство, 1984. – 160 с.
17. Демидова М.А. Церемония вхождения Генриха II в Париж (1549). К вопросу о принципах формирования ренессансного образа // Вестник ПСТГУ.

Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. – 2016. Вып. 1 (21). – С. 20.

18. Шаповалова Е.В. «Повседневность Валуа»: французское придворное искусство в политике Екатерины Медичи и лидеров католической партии во второй половине XVI в. // Вестник культурологии. 2024. №4 (111). – С. 23.

19. Вербовский А.В., Шепко Л.Г. Социальные функции портретных изображений французских королей времен Столетней войны // Человеческий капитал. – 2023. – № 11-2 (179). – С. 18–27. – DOI 10.25629/НС.2023.11.31. – EDN FEMIOP.

20. Vowles, Sarah. French portrait drawings from Clouet to Courbet. The British Museum, Exhibition text.

21. Вербовский А.В. Портреты короля Франции Франциска I как способ репрезентации власти // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2022. – № 1 (80). – С. 74 – 84. – EDN UUYQZQ.

22. The Metropolitan Museum of Art. The Renaissance in The North / New York, 1987. – С.16.

23. Relazione di Francia del clarissimo Giovanni Soranzo Tornato ambasciatore da quella corte nel 1558 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / Raccolte, annotate ed edite Eugenio Alberi. Firenze: Tipografia e calcografia all'insegna di Clio, 1840. Serie I. Volume II.

24. Третьякова М.В. Портреты королевских и придворных лиц при дворе французского короля Генриха II по сведениям венецианского посла Джакомо Соранцо // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 5–6. – С. 143–149.

25. Петрусевич Н.Б. – Указ. соч. – С.162.

26. Алпатов М.В. – Указ. соч.

27. Романенкова Ю.В. Школа Фонтенбло у контексті французького мистецтва XVI ст.: монографія / Ю. В. Романенкова. – К.: НАКККиМ, 2011. – С. 130.

28. Андроникова М. Портрет. От наскальных рисунков до звукового фильма / М. Андроникова. – М.: Искусство, 1980. – 423 с.

29. Троицкая А.А. Портретная миниатюра: вопросы происхождения // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2013. Вып. 2. – С.41-47.

30. Золотова Е.Ю. – Указ. соч. – С. 65.

31. Верман К. История искусства всех времен и народов / Карл Верман – С.-Петербург, 1896. – С.385.

32. Алпатов М.В. – Указ. соч. – С. 121.

33. Zvereva A. – Указ. соч.

34. Вербовский А.В. Портретный жанр в средневековой Франции: устоявшийся стереотип и исторические реалии // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2021. – № 2. – С. 5-15. – EDN RAUQIY.

35. Zvereva A. – Указ. соч.

36. Сошникова К.В. Сборники портретов двора Франциска I как образец книжной культуры XVI века / К. В. Сошникова // Средние века. – 2017. – Т. 78, № 4. – С. 88-100. – EDN UQGKCB.
37. Бойцов М. – Указ. соч – С. 5 – 37.
38. Петрусевич Н.Б. – Указ. соч. – С. 176.
39. Бенеш О. Искусство северного Возрождения / О. Бенеш. – М.: Искусство, 1973. – 264 с.
40. Верман К. История искусства всех времен и народов / Карл Верман – С.-Петербург, 1896. – С.385.
41. Романенкова Ю.В. Маньеризм в художественном процессе Европы XVI века: этапы трансформации стиля. Монография. – Киев, 2013. – С.46-48.
42. Miller Elizabeth Lehman. The image of a queen: the representation of Catherine de' Medici as Penelope in the galerie d'ulysse / A Thesis Submitted to the Graduate Faculty of The University of Georgia in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree master of arts. Athens, Georgia, 2007. – 92 p.
43. Демидова М.А. – Указ. соч. – С. 20.
44. Шаповалова Е.В. – Указ. соч. – С. 23.
45. The Metropolitan Museum of Art. Указ. соч. – С. 151.
46. Шаповалова Е. В. – Указ. соч. – С. 28.
47. Vowles, Sarah. – Указ. соч.
48. Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века / Н.А. Хачатурян; Ин-т всеобщ. истории РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Наука, 2008. – 313 с. – ISBN 978-5-02-035981-9.
49. Вербовский А.В. Репрезентативная функция портретных изображений Генриха II Валуа // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IX Международной научной конференции. – Донецк: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», 2024. – С. 12 – 15. – EDN SDWXOQ.

УДК 94(4)“19”

DOI: 10.5281/zenodo.17720407

EDN: PRKVZA

Р.Г. Харьковский

кандидат исторических наук, доцент, директор института управления и государственной службы

ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля»

E-mail: wwwryslans@mail.ru

АНГЛО-GERMANСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В КОНЦЕ XIX В. И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ В ДОЛИНЕ НИЛА

Аннотация

Статья посвящена исследованию места англо-германских противоречий конца XIX в. в противостоянии Парижа и Лондона за влияние в Северо-Восточной Африке. В работе рассмотрены изменения в системе международных отношений после выхода на мировую арену Германской империи. Изучены экономические и политические факторы, которые помешали установлению прочных союзнических связей между Германией и Великобританией. Кроме того, проанализировано, как эти факторы повлияли на эволюцию англо-французского соперничества в Египте.

Ключевые слова: *англо-германские отношения, Северо-Восточная Африка, колониализм.*

Summary

The article is devoted to the study of the place of the Anglo-German contradictions of the late 19th century in the confrontation between Paris and London for influence in Northeast Africa. The work examines the changes in the system of international relations after the emergence of the German Empire on the world stage. The economic and political factors that prevented the establishment of strong allied ties between Germany and Great Britain are studied. In addition, the article analyzes how these factors influenced the evolution of the Anglo-French rivalry in Egypt.

Keywords: *Anglo-German relations, Northeast Africa, colonialism.*

В конце XIX в. конкуренция между европейскими державами за колонии в Африке достигла своего пика. Египет в это время стал одним из ключевых и наиболее проблемных регионов, где столкнулись интересы колониальных держав, в связи с чем как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке, Египет традиционно рассматривается как арена франко-британского противостояния. При этом, необходимо отметить, что несмотря на достаточно

сильные противоречия интересов Парижа и Лондона, в 1904 г. Великобритания и Франция пришли к «сердечному согласию», в то время как Германия, заигрывавшая с обоими государствами в 80-х гг. XIX в., в конечном счете не нашла общий язык ни с одним из них. В связи с этим, в данной работе предлагается рассмотреть англо-германские противоречия конца XIX в. и определить их место в франко-британском противостоянии в Северо-Восточной Африке.

Актуальность исследуемой темы на наш взгляд, обусловлена двумя ключевыми факторами: во-первых, анализ англо-германского экономического антагонизма может помочь в понимании причин формирования военно-политических блоков, а именно – Антанты и Тройственного союза, в том составе, в котором они существовали в начале XX в. Во-вторых, исследование англо-германских противоречий в разрезе их влияния на франко-британское противостояние в Египте, позволяет проследить непосредственно сам процесс влияния позиции одной державы на внешнюю политику других государств и продемонстрировать, насколько колониальная политика европейских стран второй половины XIX в. зависела от интересов таких держав, как Великобритания, Франция и Германия.

Наиболее пристальный интерес европейских держав к Африке, за которым последовала активная колониальная экспансия, пришелся на XIX в. В этот период, многие страны старались отхватить от Африки свой кусок, однако, из них особенно выделялись две наиболее влиятельные метрополии, обладавшие к концу XIX в. обширными территориями в различных частях африканского материка – Великобритания и Франция.

Конкуренция между Парижем и Лондоном за колониальные владения, значительно усилившаяся со второй трети XIX в., вскоре привела к столкновению интересов Франции и Великобритании в регионе Северо-Восточной Африки. Египет стал ареной наиболее острой борьбы, которая протекала в форме дипломатического и экономического противостояния Англии и Франции. При этом, если изначально в Париже и Лондоне в ходе своего соперничества вынуждены были считаться лишь с позициями России и Османской империи, то в последней трети XIX в. на политической арене Европы появился новый могущественный игрок, обладавший достаточной силой, чтобы вынудить Францию и Великобританию учитывать и его мнение при осуществлении своей колониальной политики.

Образованная в 1871 г. усилиями Отто фон Бисмарка (1815-1898) Германская империя быстро набирала обороты. Франко-прусская война 1870-1871 гг. завершилась победой Пруссии, которая, заключив Франкфуртский мирный договор, получила в свое владение Эльзас и Лотарингию. Этот триумф ярко продемонстрировал растущий потенциал быстро развивающейся Германии, утвердив последнюю как могущественную в экономическом и военном плане державу. Как отмечает Е.В. Тарле, благоприятная экономическая конъюнктура Германии этого периода характеризовалась «основанием массы новых промышленных и банковых предприятий», – что, в

свою очередь, способствовало резкому увеличению уровня производства различных товаров [1]. Академик Е.В.Тарле обращает внимание на то, что «ни Англия, ни даже Соединенные Штаты не могли сравниться с Германией в быстроте темпа развития» [1]. Однако, необходимо сказать, что вместе с масштабными успехами, руководству новой империи предстояло столкнуться с не менее масштабными вызовами.

Рост германского могущества не мог остаться незамеченным ведущими европейскими державами. После победы во франко-прусской войне влияние Германской империи на политическую жизнь континента стремительно возросло. Н.Е. Пуховская отмечает, что по завершению победоносной войны Бисмарк сосредоточил свою энергию на дипломатических и политических усилиях, направленных против Франции. Его стратегия заключалась в изоляции Франции на мировой арене и провоцировании конфликтов между ее потенциальными союзниками [2]. Жесткий курс, проводимый Железным канцлером, породил атмосферу напряженности, которая неоднократно, в частности в 1875 и 1887 годах, приближала Европу к новой войне между Германией и Францией, которая могла бы распространиться на весь континент [3]. Однако, несмотря на противоречивые отношения, противостояние между странами никогда не перерастало в открытое военное столкновение. Вероятно, этому способствовала прагматичная политика Бисмарка, который принимал участие только в тех международных интригах, где вероятность неудачи была сведена к минимуму.

Особенно наглядно манера правления Бисмарка находит отражение в той щепетильной осторожности, с которой рейхсканцлер относился к России и Великобритании [4]. Осознавая, что «Большая игра» обострила англо-русские противоречия в Центральной Азии, Бисмарк сторонился участия в Восточном вопросе, отказав в предложении Лондона для Германии «выступить посредником в разрешении центральноазиатского пограничного конфликта с Россией» [4]. Политика рейхсканцлера в 1870-х гг. явно была направлена на то, чтобы по возможности избежать конфликтов с Лондоном и Санкт-Петербургом. При этом, сам канцлер относился к Великобритании менее благожелательно, чем к России. Как отмечает П.И. Королев, «российская дипломатия не всех этапах создания единой Германии сумела поддерживать с ней дружественные отношения» [5], о чем, на наш взгляд, лучше всего свидетельствует формирование в 1873 г. Союза трёх императоров, представленного лидерами таких государств как: Австро-Венгрия, Германия и Россия.

Политика Бисмарка после создания империи была направлена не столько на новые завоевания, сколько на сохранение уже имевшихся приобретений. Е.В. Тарле, характеризуя данный период правления Железного канцлера, говорит о том, что последний стремился избежать любых действий, которые могли бы втянуть Германию в серьезную войну [1]. По нашему мнению, с точкой зрения Е.В. Тарле следует согласиться, т.к. подобный подход достаточно долгое время определял характер германской политики по отношению ко всем ведущим государствам, включая Францию, с которой у

Германии было больше всего разногласий. После завершения франко-прусской войны и кратного усиления Германской империи, Бисмарк, опасаясь формирования антигерманской коалиции европейских держав, предпочитал не втягивать Германию в открытые вооруженные конфликты и действовал преимущественно дипломатическими методами.

Необходимо отметить, что крайне успешно рейхсканцлер заигрывал с Великобританией, используя её интересы в Северо-Восточной Африке, о чем неоднократно писали отечественные авторы. Так Е.В. Морозов говорит о том, что «Германия уже тогда проводила линию на разжигание англо-французских противоречий, и поощряла англичан на оккупацию Египта» [6]. Подобного мнения придерживается и М.С. Бурьян, который обращает внимание на то, что Бисмарк пытался «толкнуть англичан на захват Египта», однако на тот момент все его предложения были отклонены [7]. На наш взгляд, подобная политика Железного канцлера, сыграла пусть и не решающую, но тем не менее весьма значительную роль в укреплении британской идеи установления прочной власти в Северо-Восточной Африке путем прямого вмешательства в дела Египта. В этом ключе не столь важно, что предложения Бисмарка были отклонены, сколько сам факт их поступления, т.к. подобное отношение со стороны Германии давало британцам определенную уверенность в том, что Берлин не будет оказывать им сопротивления в случае захвата Египта.

В то же время, самому Бисмарку такие закулисные интриги давали возможность как обострить англо-французские колониальные противоречия в Северо-Восточной Африке, так и усилить англо-русское соперничество на Ближнем Востоке [8]. И если изначально усилия рейхсканцлера были сосредоточены на попытках изолировать Францию, то с 1880-х гг. Бисмарк стремился разжечь противостояние между Лондоном и Санкт-Петербургом [9]. При этом, необходимо упомянуть, что с Россией Отто фон Бисмарк не желал портить отношения ни при каких обстоятельствах, т.к. по справедливому замечанию Е.В. Тарле, Россия была «единственной странной, которой он (Бисмарк) боялся даже и независимо от коалиций» [1].

На наш взгляд, политика Бисмарка по отношению к Великобритании в этот период тоже не носила явно враждебного характера. Однако, стремясь не втягивать Германию в открытые вооруженные столкновения с мировыми державами, Бисмарк не позволял англо-германским отношениям развиваться до уровня полноценного союза, т.к. даже образованный в 1882 г. Тройственный союз, как отмечает А.В. Белоглазов, «создавался не для агрессии против России, а в основном для защиты от Франции и Великобритании» [10]. В качестве подтверждения данного суждения автор приводит тот факт, что в 1884 г. было продлено действие Союза трёх императоров, одной из участниц которого выступала Россия.

По нашему мнению, Германия объективно не могла сильно сблизиться с Великобританией, т.к. уже с середины 1880-х годов стало очевидным, что главным конкурентом германской промышленности, была промышленность английская [1]. При этом, германская промышленность развивалась

семимильными шагами, в то время как британское производство в ряде отраслей оставалось практически на том же уровне, что и ранее. Так, в период с 1870 по 1910 гг. металлургическая промышленность в Англии развивалась значительно медленнее, чем в Германии. Последняя имела колоссальные возможности по увеличению объемов собственного производства и к началу Первой мировой войны стала передовой страной в области развития металлургии, опередив Англию в выплавке чугуна и производстве стали. Таким образом, наличие между Великобританией и Германией существенного экономического антагонизма, зародившегося с появлением в центре Европы нового сильного государства в лице Германской империи, на долгое время предопределило характер взаимоотношений между Берлином и Лондоном.

Вслед за британской оккупацией Египта, которую Бисмарк изначально даже поощрял, англо-германские отношения стали более сдержанными. Как отмечает А.А. Айвазян, в начале 1880-х гг. при возникновении англо-французских колониальных споров Бисмарк чаще всего сочувствовал именно французам, тем самым стремясь показать англичанам значимость своей поддержки и побудить их к поиску путей установления более тесных взаимоотношений с Берлином [11].

В этот же период начинается проникновение Германии в Западную Африку, при колонизации которой инструкции ответственных лиц содержали «категорическое предписание избегать вторжения в сферу французских интересов, так как на данном этапе Бисмарк придавал сближению с Францией исключительное значение» [6]. При этом, в Берлине не были намерены оказывать всестороннюю поддержку Франции в Египетском вопросе. Бисмарк лишь стремился создать видимость сближения с Францией, чтобы обострить отношения между Парижем и Лондоном и отстоять колониальные амбиции Германии. На Берлинской конференции 1884 г. рейхсканцлер публично высказался в поддержку Франции и Бельгии в споре за Конго, тем самым дав понять англичанам, что развитие франко-германских отношений напрямую зависит от того, готова ли Великобритания признать колониальные претензии Германии [12].

В то же время, вопрос британской оккупации Египта остался на конференции практически без внимания, что помешало Франции добиться каких-либо необходимых ей результатов. Вместе с тем, Бисмарку удалось продемонстрировать Великобритании, что его благосклонность может быть решающим фактором при разрешении колониальных разногласий между Парижем и Лондоном. С этого момента, как отмечает А.А. Айвазян, английское правительство начало искать возможности сближения с Германией, но не по «официальным каналам, а в частном порядке» [11].

В то же время, в 1885 – 1886 гг. на фоне смены французского правительства и роста во Франции реваншистских настроений, поощряемых генералом Ж. Буланже, отношения между Германией и Францией резко ухудшились. «Военная тревога» 1887 г. окончательно разрушила и без того шаткое франко-германское единство по ряду колониальных вопросов. В

результате этого в Париже были вынуждены задуматься над поиском другого союзника, которого Франция вскоре нашла в лице России, что, в свою очередь, положительно сказалось на развитии англо-германских отношений.

Временное сближение позиций Берлина и Лондона было закреплено образованием в 1887 г. Средиземноморской Антанты, представлявшей союз Великобритании, Италии и Австро-Венгрии, имевший своей целью закрепить статус-кво уже осуществленных колониальных завоеваний. Говоря о Средиземноморской Антанте А. Дж. П. Тейлор отмечает, что она «защищала английские интересы в Египте, итальянские интересы в Триполи и интересы всех трех держав в Константинополе»¹. Фактически, британцы использовали данный союз в качестве защитного механизма, чтобы не остаться в полной международной изоляции, но при этом не брать на себя слишком широких обязательств перед другими государствами.

В течение последующих нескольких лет, Великобритания и Германия пришли к соглашению в вопросе разграничения сфер влияния в западноафриканском регионе, однако, большего сближения между государствами не произошло [13]. С отставкой Бисмарка в 1890 г., отношения между Россией и Германией стали более сдержанными, что во многом предопределило формирование франко-русского союза.

Относительная стабильность в отношениях между Берлином и Лондоном также не продлилась долго. В середине 1890-х гг. вновь обострились англо-германские колониальные противоречия, подкрепляемые усилением экономического противостояния между государствами. В этот период товары из Германии начали постепенно вытеснять английские с рынков, что окончательно предопределило невозможность долгосрочного стратегического сотрудничества между Великобританией и Германией.

Подводя итог, необходимо отметить, что отношения между Берлином и Лондоном в 1870-х-1880-х гг. не были близки ни к союзническим, ни к откровенно враждебным. Бисмарк очень чутко ощущал сложившийся в Европе баланс сил и умело заигрывал с различными государствами в те моменты, когда это соответствовало интересам Германии. При этом, на наш взгляд, ни о каком длительном англо-германском союзе в этот период не могло идти речи, т.к. объединенная Германия, являясь новым сильным развивающимся государством, крайне нуждалась в расширении источников ресурсов и рынков сбыта, что входило в прямое противоречие с устремлениями Британской короны, желавшей сохранить статус-кво уже приобретенных территорий. Кроме того, промышленность Германии, развивавшаяся преимущественно интенсивным путем, вскоре стала представлять значительную угрозу английскому капитализму. Великобритания, укреплявшая свою экономическую мощь путем колонизации новых земель, т.е. экстенсивным путем, не могла сравниться в темпе развития с набирающей обороты немецкой промышленностью, что предопределило формирование глубокого англо-германского экономического

¹ Цит. по Айвазян А.А. Египетский вопрос в международных отношениях в конце XIX - начале XX вв., С.120.

антагонизма. Таким образом, Германия и Великобритания, являясь главными конкурентами друг друга за рынки сбыта и колониальное влияние в Западной Африке, в силу объективных причин не могли прийти к прочному и долговременному сотрудничеству.

Германия, в свою очередь, сыграла значительную роль в англо-французском противостоянии в Долине Нила. Бисмарк, подталкивавший Великобританию на захват Египта в 70-х гг. XIX в., как только британская оккупация стала свершившимся фактом, начал активно поддерживать французов в колониальных спорах, тем самым демонстрируя британскому правительству ценность своей политической поддержки. Де факто, действия рейхсканцлера в этот период были направлены на лавирование между интересами Франции и Великобритании, а поддержка, которую Бисмарк оказывал Парижу или же Лондону, определялась исключительно тем, что от этого в конечном счете получит Германия. При этом, необходимо отметить, что после завершения Франко-прусской войны франко-германские отношения практически постоянно оставались натянутыми и неоднократно подводили оба государства на грань очередного военного конфликта. В связи с этим, Бисмарк не намеревался хоть сколько-либо помогать Франции в восстановлении в Северо-Восточной Африке того положения вещей, которое существовало до британской оккупации Египта 1882 г.

Таким образом, в 1870-х-1880-х гг. Германия была крайне далека от сближения как с Францией, так и с Великобританией. И если с первой ей не давали сблизиться последствия франко-прусской войны, то со второй – колониальное соперничество и глубоко укоренившийся экономический антагонизм. Египетский вопрос в этом ключе был для Бисмарка лишь действенным средством для обострения англо-французских отношений, в связи с чем рейхсканцлер поддерживал Лондон и Париж в зависимости от ситуации.

Список источников и литературы:

1. Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма / Е.В. Тарле. – М.: Эксмо, 2024. – 800 с.
2. Пуховская Н.Е. Эволюция франко-германских противоречий: от Вестфальского до Версальского мирного договора // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (204). – С. 75-85.
3. Азаров В.Н. Европа в 1871-1900 гг.: политическое равновесие или подготовка к войне? // Научный диалог. – 2014. – № 5 (29). – С. 90 – 99.
4. Ряполов В.В. Германо-британские противоречия на Среднем Востоке в конце XIX – начале XX вв. // История: факты и символы. – 2018. – № 4 (17). – С. 151-159.
5. Королев П.И. Германский вопрос во франко-русских отношениях в начале 1850-х – начале 1870-х годов: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / П.И. Королев. – Курск, 2011. – 26 с.

6. Морозов Е.В. Колониальный фактор в формировании англо-французской Антанты: конец XIX – начало XX вв.: дис. кандидата исторических наук: 07.00.15 / Е.В. Морозов. – Санкт-Петербург: С.-Петерб. гос. ун-т., 2008. – 289 с.

7. Бурьян М.С. Египет во внешней и колониальной политике Великобритании 20-х гг. XX века / М.С. Бурьян. – Луганск: БОЯН Ри МП, 1994. – 168 с.

8. Нерсесов Г.А. Дипломатическая история египетского кризиса, 1881-1882 гг.: (в свете русских архивных материалов) / Г.А. Нерсесов. – Москва: Наука, 1979. – 320 с.

9. Kennedy P.A. The Rise of the Anglo-German Antagonism, 1860-1914 / P.A. Kennedy. – London: Allen & Unwin, 1980. – 604 p.

10. Белоглазов А.В. Дипломатическая подготовка к первой мировой войне в конце XIX века: позиция России // Международные отношения и общество. – 2019. – № 1. – С. 33 – 43.

11. Айвазян А.А. Египетский вопрос в международных отношениях в конце XIX – начале XX вв.: дис. кандидата исторических наук: 07.00.03 / А.А. Айвазян. – М: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2014. – 306 с.

12. German Diplomatic Documents 1871-1914 (vol I) // Available at: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.174019/page/n209/mode/2up> (Accessed 01 August 2025).

13. Медведик И.С. Британия и Германия в борьбе за Западную Африку в конце XIX в. // Современная научная мысль. – 2018. – № 5. – С. 82 – 87.

УДК 94(100)»1939/1945»+327(410+73)+316.6+008

DOI: 10.5281/zenodo.17720395

EDN: LXFEAT

Т.Г. Посредникова

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: t.posrednikova72@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ В СТАНОВЛЕНИИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация

Статья посвящена анализу роли общественного мнения и культурных связей в развитии англо-американских отношений в период кануна и начала Второй мировой войны. Особое внимание уделено тому, как общественное мнение в США эволюционировало от изоляционизма к поддержке интервенционизма, и как культурная близость способствовала формированию «особых отношений» между двумя странами.

Ключевые слова: *англо-американские отношения, Вторая мировая война, изоляционизм, культурный обмен, общественное мнение, пропаганда, средства массовой информации.*

Summary

This article examines the role of public opinion and cultural factors in shaping Anglo-American relations in the period leading up to and during the early stages of World War II. Special attention is given to the evolution of U.S. public opinion from isolationism to support for intervention and how cultural proximity fostered the development of the «special relationship» between the two nations.

Keywords: *Anglo-American relations, cultural exchange, isolationism, mass media, propaganda, public opinion, World War II.*

Актуальность проблемы обусловлена интересом исследователя к механизмам перехода США от политики изоляционизма к прямому участию в войне; к эффективности воздействия общественного мнения и культурных связей на развитие англо-американских отношений.

Изучение англо-американских отношений накануне и в начале Второй мировой войны имеет богатую историографию, включающую работы, посвященные дипломатическим, стратегическим, социокультурным и пропагандистским аспектам взаимодействия США и Великобритании.

Исследования, которые проводились по данной проблеме можно разделить на несколько групп: классические труды британских и американских историков; работы отечественных исследователей, акцентирующие внимание на экономических и политических факторах сближения двух стран; современные исследования, изучающие общественное мнение, культурную дипломатию и личные связи лидеров.

Классические труды сосредотачивались на дипломатических и военных аспектах. Видный британский историк Д. Рейнольдс исследовал роль дипломатии и стратегических интересов в формировании альянса, охарактеризовав состояние англо-американских отношений в 1937–1941 годах как период «конкурентного сотрудничества» [16]. Он описал сделку «эсминцы в обмен на базы» (1940 г.) и программу ленд-лиза (1941 г.) как ключевые этапы сближения, но недостаточно уделил внимания общественному мнению.

У. Черчилль, будучи в 1939 – 1940 годах Первым Лордом Адмиралтейства, в стремлении привлечь нейтральную Америку для военной поддержки Британии, подчеркивал культурную и языковую близость англичан и американцев как основу для сближения перед лицом нацистской угрозы. В своих военных мемуарах он приводит текст из личной переписки с Ф.Д. Рузвельтом: «Мы – родственные народы, связанные кровью и историей, говорящие на одном языке, разделяющие одни и те же законы и свободы, и сталкивающиеся с одними и теми же врагами. В этот час опасности наше общее наследие должно объединить нас против общего противника, создав партнерство, которое обеспечит будущее для обоих наших народов» [6, с. 347–350].

Воздействию британских СМИ (статей в «The Times», радиопередач на BBC) на общественное мнение американцев посвящена работа С. Брюэра [4]. Тайные операции британских агентов, таких как У. Стивенсон, работавших в США над формированием эмпатии к англичанам, описаны Н.Дж. Каллом [7]. В исследовании Н. Каллитина рассматриваются развитие культурных связей в сферах литературы, кино, программ обмена, а также путь к пониманию общности ценностей и исторической близости между американцами и британцами [8]. Среди военных корреспондентов, описывавших ужасы немецких бомбардировок Британских островов, выделяется Э.Р. Мэрроу. Сборник («This is London») представляет собой сборник транскриптов радиорепортажей Э.Р. Мэрроу с 1939 по 1941 годы в период «Блица». Симпатии к британцам выражены через описания их стойкости, мужества и повседневной жизни под бомбами, что способствовало росту сочувствия американцев к британцам [12].

Следует отметить, что в классических исследованиях описывалась важность медийной и культурной составляющих в формировании антигитлеровской коалиции, одновременно историки недостаточно сопоставляли их с дипломатическими усилиями.

Современные исследователи, используя архивные данные и междисциплинарные подходы, расширили понимание проблемы. Так, сборник

эссе «A Companion to Franklin D. Roosevelt» содержит анализ внешней политики президента, включая усилия по преодолению изоляционизма и реализации программ «cash-and-carry» и ленд-лиза [14]. У. Грум, описывая развитие личных отношений У. Черчилля, Ф.Д. Рузвельта и И.В. Сталина, отметил, что в сближении стран-союзников важную роль сыграла переписка трех лидеров [10, pp. 321–343]. Дж.Ф. Шортал, анализируя первую с начала войны встречу Ф.Д. Рузвельта и У. Черчилля (Атлантическая хартия, август 1941 г.), подчеркнул ее символическое значение для создания альянса [19, pp. 140-150]. Д. Ригби, исследуя деятельность Объединенного комитета начальников штабов, обосновал, что стратегическое планирование началось до официального вступления США в войну [17, pp. 25–70]. К. О’Салливан, изучая роль Гарри Гопкинса как посредника между Рузвельтом и Черчиллем, описал его вклад в реализацию ленд-лиза и укрепление доверия сторон [13]. Коллективный труд, посвященный военной кинопродукции Голливуда, анализирует ставшие классическими фильмы, такие как «Военно-воздушные силы» и «Иностранный корреспондент» (1940), популяризовавшие антинацистские идеи [11].

Советский исследователь Л.В. Поздеева, анализируя состояние англо-американских отношений, описала развитие личных контактов между лидерами Великобритании и США [2]. В ее труде рассматривались проблемы преодоления изоляционизма в США, но предвоенный период остался вне фокуса исследования. Труд В.В. Согрина, посвященный внешней политике США, в частности переходу от изоляционизма к интервенционизму, также полезен для изучения проблемы [3]. А.В. Ласточкина, исследуя британскую дипломатию и пропаганду в 1937 – 1941 годах, уделила особое внимание культурным инициативам [1].

В целом советские исследования дополнили зарубежные в части военных и экономических аспектов формирующегося союза, тогда как культурные факторы и общественное мнение в Великобритании и США накануне и в начале Второй мировой войны остались недостаточно изученными, а культурные связи получили еще меньше внимания.

Цель исследования: выявить, как общественное мнение и культурные факторы способствовали укреплению англо-американских отношений в 1938 – 1941 годах; какие целенаправленные усилия предпринимались в данном направлении.

Хронологические рамки исследования охватывают 1938 – 1941 годы – период перехода США от изоляционизма к сотрудничеству с Великобританией, от Мюнхенского соглашения 1938 года, усилившего угрозу нацизма, до принятия Атлантической хартии в августе 1941 года и атаки на Перл-Харбор в декабре 1941 года, оформивших военный альянс.

К 1938 году в Соединенных Штатах преобладали изоляционистские настроения, поддерживавшие официальный правительственный курс; вопрос о пересмотре политики впервые был поднят только после Мюнхенского соглашения. С момента вступления Великобритании в войну 3 сентября 1939

года публикации в британских СМИ («The Times», «The Daily Telegraph») подчеркивали угрозу нацизма и необходимость сопротивления агрессии [21]. В 1940 году, в период Битвы за Британию, британская пропаганда начала работать над изменением общественного мнения американцев [5]. Британцы организовывали в США выставки и лекции интеллектуалов, таких как Арнольд Тойнби, направленные на подчеркивание общих демократических ценностей американцев и британцев [1; 21]. После обращения У. Черчилля к Ф.Д. Рузвельту 15 мая 1940 года с просьбой о предоставлении эсминцев газета «The Guardian» начала публиковать материалы, подчеркивающие необходимость поставок американского оружия и ресурсов [6]. Переговоры завершились сделкой «эсминцы в обмен на базы» в сентябре 1940 года, что стало важным шагом к сотрудничеству [16].

В условиях изоляционистских настроений в США британская пропаганда избегала прямого давления на американскую аудиторию, делая акцент на общих ценностях – демократии, свободе и борьбе с тоталитаризмом [4]. «The Times» и «The Guardian» обращали внимание читателя на необходимость углубления англо-американского сотрудничества [21]. Британские агенты, такие как У. Стивенсон, организовывали в американских СМИ кампании, публикуя статьи о зверствах нацистов и героизме британцев [7, pp. 154–188]. Это способствовало изменению общественного мнения в США в пользу англичан, позволив США предоставлять материальную помощь Великобритании без прямого вступления в войну [16]. Ключевую роль в ее реализации сыграл Гарри Гопкинс, чьи визиты в Лондон в 1941 году укрепили доверие между лидерами [13]. После принятия закона о ленд-лизе британские издания выражали оптимизм относительно углубления сотрудничества. В марте 1941 года «The Times» опубликовала серию статей, восхваляющих решение Конгресса США и называющих его «поворотным моментом» в борьбе с нацизмом [21]. Публикации, подчеркивая стратегическую важность США как «арсенала демократии», цитировали фразу Рузвельта из радиопередачи об угрозе национальной безопасности 29 декабря 1940 года [18, pp. 633–36].

Мощным инструментом пропаганды стало радио, особенно передачи BBC. Программы, такие как «Britain Speaks», транслировались в США для завоевания поддержки американской аудитории. На американской радиосети CBS репортажи Э.Р. Мэрроу во время немецких бомбардировок 1940 года («This is London»), транслируемые прямо с крыш Лондона, оказали значительное влияние на американцев, вызывая сочувствие к британцам [12]. Британские фильмы, такие как «Mrs. Miniver» (1942), изображавшие стойкость британского народа, усиливали симпатии американцев [8].

В США после Первой мировой войны доминировала политика изоляционизма, обусловленная экономическими трудностями Великой депрессии и стремлением избежать участия в новом европейском конфликте. Закон о нейтралитете 1935 года и его последующие версии (1936, 1937, 1939 годы) запрещали экспорт оружия в воюющие страны и ограничивали участие США в международных делах [16]. Поправка 1939 года к Закону о

нейтралитете позволила внедрить программу «cash-and-carry», ставшую первым шагом к смягчению изоляционизма [16]. Изоляционистские настроения отражались в редакционной политике таких изданий, как «Chicago Tribune», выступавших против участия США в европейских делах [20].

Президент Ф.Д. Рузвельт, несмотря на ограничения, наложенные изоляционистскими настроениями в Конгрессе и обществе, продвигал политику поддержки союзников, в первую очередь Великобритании [18]. В 1939 году ему удалось внедрить программу «cash-and-carry», а в марте 1941 года – закон о ленд-лизе, которые стали ключевыми шагами в этом направлении [16].

Эти меры сопровождались активной общественной и медийной дискуссией, отраженной в публикациях ведущих изданий. Центральную роль в формировании общественного мнения в США играла газета «The New York Times» [20]. В начале войны (сентябрь 1939 года) газета публиковала статьи, подчеркивающие нейтралитет США, но с элементами симпатии к Великобритании и Франции [20]. После вторжения Германии в Польшу 1 сентября 1939 года «The New York Times» опубликовала репортаж о европейских событиях, охарактеризовала действия Германии как агрессию и необходимость поддержки демократических стран [20]. 5 сентября Ф.Д. Рузвельт ввел в действие Закон о нейтралитете 1937 года, предусматривавший эмбарго на экспорт оружия в воюющие европейские страны, но отметил, что он не может «просить каждого американца оставаться нейтральным в мыслях» [18, р. 461]. Это отражало двойственное отношение: официальный нейтралитет сочетался с моральной поддержкой союзников.

После падения Франции в июне 1940 года и начала Битвы за Британию тон публикаций в «The New York Times» стал более решительным [20]. Авторы подчеркивали стратегическую важность поддержки Великобритании для предотвращения распространения нацистской угрозы. Например, репортаж от 2 сентября 1940 года подробно описывал сделку «эсминцы в обмен на базы», в рамках которой США передали Великобритании 50 эсминцев в обмен на аренду британских военных баз [16]. «The New Times» представила эту сделку как шаг к укреплению безопасности США, что способствовало легитимации политики Рузвельта [20].

В 1941 году, особенно после принятия в марте закона о ленд-лизе, число публикаций, поддерживающих помощь Великобритании, значительно возросло. В целом за 1939 – 1941 годы доля аналогичных по смыслу статей в «The New York Times» увеличилась с 25% до 60% [20]. В публикации от 11 мая 1941 года приведен вывод о росте общественной поддержки конвоев для защиты британских судов с американскими грузами, сделанный на основе результатов соцопросов Гэллапа [9].

Не менее важную роль в укреплении англо-американских отношений сыграли культурные связи. Общий язык, исторические традиции и культурная близость англичан и американцев (в сравнении с французами) создали основу для формирования «особых отношений», которые У. Черчилль назвал ключевым элементом двустороннего сотрудничества [6]. Литература и

публицистика послужили мостом между двумя странами. Британские авторы, такие как Герберт Уэллс и Дж.Б. Пристли, публиковали эссе и книги, переводившиеся и распространявшиеся в США, подчеркивая общую борьбу против нацизма. Например, книга Пристли «*Britain at War*» описывала стойкость британцев и была популярна среди американских читателей [15]. В США произведения Эрнеста Хемингуэя, поддерживавшего антифашистскую борьбу, также способствовали формированию симпатий к союзнику [8].

Киноиндустрия стала мощным инструментом культурного влияния. Голливудские фильмы, такие как «*The Great Dictator*» (1940) Чарли Чаплина, высмеивали нацизм и косвенно поддерживали британцев. Британские фильмы, такие как «*In Which We Serve*» (1942, начало съемок в 1941 году), демонстрировали героизм британских военных и транслировались в США, усиливая сочувствие. Совместные кинопроекты, такие как документальные фильмы о Битве за Британию, финансировались обеими сторонами и способствовали популяризации образа единого фронта [8]. Стоит отметить, что в современных исследованиях подчеркивается роль голливудских фильмов в развитии культурной дипломатии [11].

Программы обмена, такие как стипендия Родса (выдается на обучение в Оксфордском университете и, по замыслу основателя, создает сеть агентов британского влияния), продолжали функционировать в условиях войны, способствуя укреплению связей между интеллектуальными элитами. Американские студенты, обучавшиеся в Оксфорде, и британские ученые, выступавшие с лекциями в США, распространяли идеи о необходимости совместной борьбы. Визиты британских профессоров, таких как Арнольд Тойнби, в американские университеты в 1939 – 1940 годах подчеркивали культурное единство двух стран [8]. Атлантическая хартия (август 1941 года), провозгласившая общие принципы послевоенного мира, укрепила идеологическое сближение [19].

Британские эмигранты в США, включая актеров и писателей, активно участвовали в пропагандистских кампаниях. Например, британский кинорежиссер Альфред Хичкок, работавший в Голливуде, снял фильм «*Foreign Correspondent*» (1940), повествующий об американском репортере в Великобритании, пытавшемся разоблачить вражеских шпионов в преддверии Второй мировой войны [8]. Американские журналисты и дипломаты, работавшие в Лондоне, также способствовали укреплению культурных связей. Американские добровольцы, такие как пилоты «Орлиного эскадрона» в RAF, усиливали симпатии к Великобритании [10].

Опросы общественного мнения, проведенные Институтом Гэллага в 1939–1941 годах, отражают постепенное снижение изоляционистских настроений и рост поддержки помощи Великобритании. В сентябре 1939 года 90% американцев выступали против вступления США в войну на стороне Великобритании, Франции и Польши, и только 8% поддерживали участие в конфликте. При этом 57% были готовы продавать продовольствие Великобритании и Франции, а 34% поддерживали поставки военных

материалов, что указывало на зарождение симпатий к союзникам. В мае 1940 года 60% американцев считали более важным сохранить нейтралитет, чем оказывать помощь Великобритании [9]. Однако к сентябрю 1940 года 52% американцев считали, что США должны пойти на риск войны ради помощи Великобритании [9]. Уже к апрелю 1941 года 68% поддерживали вступление США в войну против Германии и Италии, и только 24% выступали против [9]. После инцидента с эсминцем «Грир» поддержка политики Рузвельта выросла до 72% [9]. Атака на Перл-Харбор в декабре 1941 года окончательно подорвала изоляционистские настроения, сплотив США и Великобританию в военном альянсе.

Таким образом, на эволюцию общественного мнения американцев влияли следующие факторы:

- американские и британские СМИ, публикуя репортажи о бомбардировках британских городов, акцентировали общность демократических ценностей, что способствовало росту симпатий американцев к Великобритании. В газетах «The New York Times», «The Times» и «The Guardian» увеличивалось число статей, подчеркивающих необходимость помощи Великобритании, особенно после таких событий, как Битва за Британию и принятие закона о ленд-лизе. Опросы Гэллапа подтверждают эволюцию общественного мнения в пользу оказания помощи Великобритании.

- дипломатические усилия У. Черчилля, который активно использовал личную дипломатию, обращаясь к Рузвельту с просьбами о помощи. Его речи, широко освещаемые в прессе, усиливали восприятие Великобритании как последнего бастиона демократии в Европе.

- политические инициативы Рузвельта, использовавшего свои выступления, такие как «Fireside Chats», для убеждения американцев в необходимости поддержки Великобритании. Закон о ленд-лизе и сделка «эсминцы в обмен на базы» были представлены как меры, защищающие национальные интересы США.

- события в Европе и Азии, такие как агрессия Германии (аннексия Чехословакии, вторжение в Польшу, падение Франции) и Японии (атака на Перл-Харбор), радикально изменили восприятие угрозы. Сдвиг от изоляционизма к интервенционизму стал решающим фактором, подготовившим США к вступлению во Вторую мировую войну. Это было особенно важно для США, где изоляционистские настроения постепенно уступали поддержке интервенционизма, что нашло отражение в принятии программы ленд-лиза и усилении двустороннего сотрудничества.

В 1938 – 1941 годах англо-американские отношения прошли путь от осторожного нейтралитета к военному сотрудничеству. Ключевую роль в формировании общественного мнения в Великобритании и США сыграла пропаганда в СМИ, что подтверждается результатами опросов Института Гэллапа. Приведенные выше факторы не только позволили создать военный альянс Великобритании и США, но и заложили фундамент «особых отношений» в их послевоенном сотрудничестве.

Список источников и литературы:

1. Ласточкина А. В. Великобритания и США: в преддверии альянса // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. – 2014. – № 4(4). – С. 4 – 13.
2. Поздеева Л. В. Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны, 1941–1945 / Л. В. Поздеева. – М: Наука, 1964. – 340 с.
3. Согрин В. В. История США: от изоляционизма к глобальному лидерству / В. В. Согрин. – М.: Высшая школа экономики, 2008. – 312 с.
4. Brewer S. To Win the Peace: British Propaganda in the United States during World War II / S. Brewer. – Ithaca: Cornell University Press, 1997. – 256 p.
5. British Ministry of Information Archives. Propaganda Materials, 1939–1941. – Kew: The National Archives. – URL: <https://britishonlinearchives.com/collections/100/british-government-information-and-propaganda-1939-2009> (дата обращения: 06.07.2025).
6. Churchill W. S. The Second World War: The Gathering Storm / W. S. Churchill. – Boston: Houghton Mifflin, 1948. – 784 p.
7. Cull N. J. Selling War: The British Propaganda Campaign Against American «Neutrality» in World War II. – Oxford Univ. Press, 1995. – 276 p.
8. Cullity N. The Anglo-American Cultural Exchange: Literature, Film, and Public Opinion / N. Cullity. – London: Routledge, 2005. – 320 p.
9. Gallup G. The Gallup Poll: Public Opinion 1935–1940 / G. Gallup. – New York: Random House, 1940. – 320 p.
10. Groom W. The Allies: Churchill, Roosevelt, Stalin, and the Unlikely Alliance That Won World War II. – 2018. – 464 p.
11. Hollywood and War, The Film Reader / Ed. by J. D. Slocum. – London, 2023. – 384 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003416661>.
12. Murrow E. R. This is London / E. R. Murrow. – New York: Simon & Schuster, 1941. – 256 p. – URL: <https://archive.org/details/thisislondon0000murr> (дата обращения: 06.07.2025).
13. O'Sullivan, C. Harry Hopkins: Roosevelt's Envoy to Churchill and Stalin. – Rowman and Littlefield / C. O'Sullivan, 2014. – 288 p.
14. Pederson W. D. (ed.). A Companion to Franklin D. Roosevelt. – 2011. – 784 p.
15. Priestley J. B. Britain at War / J. B. Priestley. – New York: Harper & Brothers, 1941. – 208 p.
16. Reynolds D. The Creation of the Anglo-American Alliance, 1937–1941: A Study in Competitive Co-operation / D. Reynolds. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1981. – 408 p.
17. Rigby D. Allied Master Strategists: The Combined Chiefs of Staff in World War II / D. Rigby. – Naval Institute Press, 2012. – 224 p.
18. Roosevelt F. D. Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt / F. D. Roosevelt. – New York: Random House, 1941. – 732 p.

19. Shortal J. F. Code Name Arcadia: The First Wartime Conference of Churchill and Roosevelt / J. F. Shortal. – 2021. – 256 p.

20. The New York Times. Archival Articles, 1939 – 1941. – URL: <https://www.nytimes.com/sitemap/> (дата обращения: 06.07.2025).

21. The Times (London). Archival Articles, 1939 – 1941. – URL: <https://web.archive.org/web/20081006085756/http://archive.timesonline.co.uk/tol/archive> (дата обращения: 06.07.2025).

УДК 94:(510)"1939/1945"

DOI: 10.5281/zenodo.17722038

EDN: KPRZYT

В.В. Разумный

кандидат исторических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

В.А. Романюк

магистрант

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: vika.romanyuk.82@mail.ru

**ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В КИТАЕ
В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1939 - 1945 гг.**

Аннотация

В статье рассмотрена внешнеполитическая обстановка на Дальнем Востоке в период Второй мировой войны 1939 - 1945 гг. Дана характеристика международным отношениям Китайской Республики с такими странами, как СССР, Великобритания, США, Япония. Исследованы факторы, влиявшие на политическую жизнь в Китае в данный период.

Ключевые слова: *дипломатия, антагонизм, интервенция, КПК, Гоминьдан, Вторая мировая война, конференция, Каир, Ялта, Потсдам.*

Summary

The article examines the foreign policy situation in the Far East during the Second World War of 1939 - 1945. It provides a description of the Republic of China's international relations with countries such as the USSR, Britain, the United States and Japan. The article explores the factors that influenced political life in China during this period.

Keywords: *diplomacy, antagonism, intervention, CPC, Kuomintang, World War II, conference, Yalta, Cairo, Potsdam.*

Китайский народ внес весомый вклад в дело разгрома милитаристской Японии в годы Второй мировой войны. Неслучайно, юбилейные торжества по случаю 80-летия окончания войны проходили именно в Китайской Народной Республике. Следует вспомнить, что именно Китай стал первой жертвой японской милитаризма в период 1930-х годов. Под влиянием внешних

факторов происходили изменения во внутривнутриполитической жизни Китая в период 1945 – 1949 годов. Это было обусловлено тектоническими сдвигами на международной арене после окончания Второй мировой войны. Значительное влияние на внутривнутриполитическое положение в Китае оказывали США и СССР, которые взаимодействовали как с Национальным правительством, так и с оппозицией в лице коммунистической партии Китая. На отношения США и СССР с Китайской Республикой во второй половине 1940-х годов влияло резкое обострение противоречий между США и их союзниками, которые в дальнейшем привели к Холодной войне. Другими факторами стала дестабилизация внутривнутриполитической ситуации в Китае, обусловленная прежде всего, новой гражданской войной между Гоминьданом и КПК. Поэтому, на наш взгляд, данная проблема является актуальной и заслуживает внимания со стороны исследователей.

Цель данной статьи состоит в изучении влияния внешнеполитических факторов на политическую ситуацию в Китае в период Второй мировой войны 1939 – 1945 годов.

Политика США на китайском направлении преследовала цель расширения сферы американского влияния в Китае, а также отражала усилившиеся антикоммунистические настроения в структурах Вашингтона [17]. Прозападный Китай становился для США необходимым фактором при формировании послевоенного устройства в мире, в соотношении сил в Азии, и в направленности работы будущей Организации Объединенных Наций. Перспектива превращения Китая в демократическое государство, которое отказалось бы от антисоветской политики гоминьдановского диктатора, шла в разрез с мнением американских экспертов по Дальнему Востоку [10].

В современной американской историографии политическое вмешательство США во внутрикитайский конфликт в 1945 году изображается, как либеральная политика, отличающаяся от политики других империалистических держав. Она якобы служила сохранению территориальной целостности Китая. Но американская доктрина «открытых дверей» была направлена не на обеспечение национальных интересов Китая, а на то, чтобы превратить его в объект американского монопольного господства. Здесь следует подчеркнуть тот факт, что только героическая борьба китайского народа и всесторонняя помощь Советского Союза предотвратили превращение Китая в сателлита США и привели к победе китайской революции в 1949 году [1].

Историография изучаемой проблемы. Данному вопросу посвящены работы, которые позволяют проследить развитие внутривнутриполитической и международной ситуации в Китае в период Второй мировой войны и до начала американской интервенции.

Первая часть историографии касается биографий Мао Цзэдуна и Чан Кайши, лидеров КПК и Гоминьдана, описывается их борьба за власть и политический антагонизм. Здесь следует назвать работы таких историков как Ф. Шорт «Мао Цзэдун» [8], С.Я.Лавренев, И.М. Попов «Советский Союз в

локальных войнах и конфликтах» [5], В.Б. Воронцов «Судьба китайского Бонапарта» [19], Ю.М. Галенович «Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши» [20].

Во второй части историографии присутствуют работы, которые посвящены вопросу изучения положения Китайской Республики в период Второй мировой войны. К этим работам относятся: «История Второй мировой войны в 12 томах, Т.10 [15], С.Л. Тихвинский «Китайская Республика (1912 – 1949)» Т.7 [1].

Третья часть историографии касается влияния внешнеполитических факторов на политическую ситуацию в Китае 1939 – 1945 гг. Здесь следует назвать такие фундаментальные работы как «История дипломатии» в 5 томах, Т. 4, [9], «Русские во Второй мировой войне» под редакцией А.И. Уткина [10], «История международных отношений» в 3 томах, Т.2 [11], «Китайская политика США и советская дипломатия» (1942 – 1954)» под редакцией А.М. Ледовского [14], «История внешней политики СССР», Т.2, под редакцией А.А. Громыко [4].

Отдельные аспекты изучаемой проблемы были представлены в учебной литературе. Здесь следует упомянуть «История международных отношений»: в трех томах, под редакцией А.В. Торкунова, М.М. Наринского. Т II. [11], «История стран Азии и Северной Африки после Второй мировой войны (1945 – 1990)» под редакцией М.Ф. Юрьева [21]. Проблеме взаимоотношений СССР и Китайской Республики в начале 1945 года, посвящена работа историков Я.Я. Гришина, М.З. Галиуллина и Р.Р. Кадырова [24].

Среди зарубежных работ следует выделить работу современного китайского историка Там Хок Чиу, в которой освещались вопросы советской стратегии на Дальнем Востоке в период 1939 – 1940 годов [22, с.127 – 133]. На наш взгляд, для изучения темы влияния внешнеполитических факторов на политическую жизнь в Китае в 1940-х годах имеет значение работа австралийского историка Виктора Ченга «Китай между войной и миром. Мао Цзэдун и американцы», которая была опубликована в 2023 году в Канберре [23].

Для лучшего понимания роли внешнеполитических факторов в политической жизни Китая значение имеют различные исторические источники. Среди них мы хотели выделить мемуары советского военачальника В.И. Чуйкова «Миссия в Китае» [6], а также материалы периодической печати [13].

Внешнеполитический баланс сил на Дальнем Востоке определялся следующими факторами: расширением агрессии Германии и Италии; начавшейся Второй мировой войной в Европе; оформлением военно-политического союза держав «оси» Берлин – Токио – Рим; подготовкой Японии к новым захватам на Дальнем Востоке; укреплением Советского Союза, расстроившего путем заключения в августе 1939 года Пакта о ненападении с Германией, планы Британии, Франции, США, направить фашистскую агрессию против СССР [4].

Зная обстановку на внутренней политической арене Китая, советское руководство поддерживала главу КПК Мао Цзэдуна. «Свою игру» в годы

Второй мировой войны вели в Китае и США. Они наблюдали за позициями главных политических оппонентов – Чан Кайши и Мао Цзэдуна, готовые поддержать того из них, кто в битве за власть окажется победителем. Американские советники, совершали визиты в горный район Яньани к коммунистам [23].

Советский генерал В.И. Чуйков, который долгое время был военным советником в Китае, в своих мемуарах указывал, что здесь активно «шла разведка боем» [6].

Внутриполитическая ситуация в Китае осложнялась японской агрессией, которая началась еще в сентябре 1931 года с оккупации Маньчжурии. С июля 1937 года Китай вел тяжелую борьбу против японских войск, которые к концу 1940 года захватили Нанкин, Пекин, Шанхай и Ханькоу [18]. Китай был раздроблен и территориально, и политически. В стране по-прежнему действовали милитаристы «дудзюни», которые в любой момент могли перебежать в лагерь захватчиков [1]. Гоминьдан и КПК противостояли друг другу, как два военно-политических лагеря. Как справедливо указывал в своих мемуарах В.И. Чуйков «Чан Кайши и Мао Цзэдун никогда не скрывали своего антагонизма» [6].

Гоминьдан и КПК выдвигали различные планы объединения и послевоенного развития Китая. В основе платформы Гоминьдана лежало стремление к установлению политической монополии в стране, ее полного контроля за обществом [11]. В экономической программе это предполагало взятие под государственный контроль всей крупной собственности. В политической – усиление авторитарной диктатуры и подавление оппозиции. КПК противопоставила политике Гоминьдана демократические лозунги: уничтожение полуколониального положения Китая и диктатуры, путем образования коалиционного правительства, признания народных вооруженных сил, а также коммунистических органов власти в «освобожденных» районах [14]. Чан Кайши не был заинтересован в компромиссе с коммунистами. Для него задача состояла в том, чтобы навязать коммунистам такое политическое решение, которое позволило бы ему уничтожить КПК [1].

Развитие внутренней ситуации в Китае, вызвавшее беспокойство американского правительства, требовало быстрой реакции и потому усилило давление на Чан Кайши [20]. К концу войны на Тихом океане обнаружилась опасность возникновения гражданской войны между КПК и Гоминьданом. Гражданская война в Китае угрожала жизненным интересам США в Восточной Азии, она негативно повлияла бы на всю совокупность американо-советских отношений. Желание правительства США сыграть роль посредника в переговорах между КПК и Гоминьданом было продиктовано опасением того, что режим Чан Кайши может пасть. Это говорило о том, что главная цель США – это объединение китайских вооруженных сил на борьбу против Японии [2].

Вступление СССР в войну на Дальнем Востоке отвечало интересам национально-освободительной борьбы в Китае. Советский Союз выполнил свой интернациональный долг перед китайским народом. Невзирая на большие

материальные и людские потери в Великой Отечественной войне, Красная армия шла на новые жертвы во имя победы и независимости стран Азии [17].

Внутренняя реакция при поддержке США усилено готовилась к гражданской войне, одновременно пытаясь разоружить китайскую демократию. Однако, СССР не дал возможности гоминьдановской реакции и США завершить подготовку к гражданской войне до окончания войны с Японией, это существенно изменило соотношение сил в стране в пользу демократии.

Гоминьдан, учитывая свою внутреннюю и политическую слабость обратился к Мао Цзэдуну в августе 1945 года с предложением прибыть для переговоров в Чунцин. Лидер Гоминьдана Чан Кайши обещал легализовать деятельность демократических партий, созвать Национальное собрание для учреждения конституционного правительства, установить контроль над монополиями. Однако, курс на установление контроля КПК на всей территории Китая, был рассчитан на вовлечение Красной армии во внутреннюю борьбу между компартией и Гоминьданом. Такое вмешательство привело бы к конфликту между СССР и США. Мао Цзэдун согласился на переговоры с Чан Кайши, при условии, что внешние империалистические силы не вмешаются в ход внутривнутриполитических событий в Китае.

28 августа 1945 года, на борту самолета американских ВВС в сопровождении генерала Хэрли, Мао Цзэдун вылетел в Чунцин, чтобы начать переговоры с лидером Гоминьдана. Советский корреспондент ТАСС в Яньани Петр Владимиров записал в своем дневнике, что «к самолету Мао шел как на казнь» [9].

Схватка ему предстояла непростая. За спиной, Чан Кайши ощущал поддержку США и благожелательный нейтралитет СССР. В ходе переговоров гоминьдановские части имели возможность занимать оставляемые японцами районы, Красная армия туда не допускалась [24]. В случае любого вмешательства Чан Кайши мог обвинить коммунистов и перейти к военным действиям. Сходство Чан Кайши и Мао Цзэдуна было лишь в одном: оба ненавидят и презирают друг друга. В глазах Чан Кайши Мао Цзэдун – предатель. Если оставить его безнаказанным, то кто же тогда сохранит лояльность правительству? Особую досаду вызывало то, что, согласившись на переговоры, Чан Кайши как бы уравнивал Мао Цзэдуна с собой – для коммунистов одно это уже было победой [9].

Для КПК и для миллионов крестьян Мао Цзэдун оставался «спасительной звездой», «красным солнцем Востока». Он стал незаменимым лидером, символом светлого коммунистического будущего страны [22].

29 августа 1945 года начались переговоры между делегациями КПК и Гоминьдана. Гоминьдановская реакция пыталась навязать компартии свой план ликвидации освобожденных районов и Народной Армии, созыва Национального собрания [1].

Делегация КПК, оказав решительное сопротивление, выдвинула ряд предложений, направленных на ликвидацию гоминьдановской диктатуры, образования временного демократического правительства, об участии

Народной Армии в процедуре приема капитуляции японских войск. Гоминьдан не принял предложений КПК.

Важнейшим итогом переговоров было то, что наряду с формальным признанием необходимости скорейшего окончания периода политической опеки и перехода к конституционному правлению, Чан Кайши вынужден был дать обязательство избегать гражданской войны и согласиться на созыв Политической консультативной конференции (ПКК). Она должна была обсудить вопросы связанные с мирным строительством государства, а значит быть первым шагом на пути создания демократического коалиционного правительства. Хотя переговоры и не привели к соглашению по важнейшим вопросам демократизации политического строя Китая, они создали условия для обсуждения их на более широкой политической основе.

В период коренного перелома в ходе войны, в стратегических планах держав на Дальнем Востоке возрастающая роль отводилась Китаю. Чан Кайши был нужен США не только во время войны против Японии, но и для оказания совместного противодействия Советскому Союзу в послевоенный период [19].

Во второй половине ноября 1943 года, состоялась Каирская конференция, она проходила в период с 22 по 26 ноября в столице Египта [9]. В Каире для обсуждения вопросов, связанных с войной на Дальнем Востоке, встретились президент США Ф. Рузвельт, премьер-министр Великобритании У. Черчилль и делегация Китая во главе с Чан Кайши. Советское правительство воздержалось от участия в конференции, поскольку Красная армия не вела военных действий на Дальнем Востоке. Конференция в Каире вновь выявила наличие острых противоречий между США, Великобританией и Китаем на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Ситуация в Китае была сложной. Коммунисты стойко держали свой оплот на севере страны, армия Гоминьдана теряла дисциплину [19]. В Каире президент США Ф. Рузвельт постарался убедить Чан Кайши в стратегической значимости их дружбы. Он объявил генералиссимусу, что намерен поднять роль Китая – ему будет предоставлено место среди четырех определяющих положение дел стран в мире. Думая о Китае, как о «своей карте» в мировой игре, Рузвельт пообещал дать вооружения для оснащения 90 китайских дивизий. Также, президент США Ф. Рузвельт надеялся на помощь Китая в давлении на европейские метрополии, в создании после войны новой системы мандатов на колонии. Он рассчитывал, что система опеки позволит США получить на долгий период военно-морские и военно-воздушные базы в стратегически важных районах Тихого океана [20].

Пример того, как западные страны относились к своим китайским союзникам был хорошо продемонстрирован во время Каирской конференции. Объединенный комитет начальников штабов несколько дней обсуждал роль Китая в будущей борьбе против Японии. Представители китайской делегации были рядом, но их допустили в зал заседаний лишь в самом конце. Еще один факт, показывающий отношения между союзниками на Дальнем Востоке – о

китайских ресурсах, о будущей китайской судьбе говорили не сами китайцы, а генерал Стилуэлл и лорд Маунтбеттен [2].

Единственным политическим результатом конференции была Каирская декларация трех держав, опубликованная 1 декабря 1943 года. В декларации указывалось, что цель США, Великобритании и Китайской Республики заключается в том, чтобы лишить Японию всех островов на Тихом океане, которые она захватила с начала Первой мировой войны, и в том, чтобы все территории, которые Япония отторгла у Китая, были возвращены Китайской Республике [5].

В Каирской декларации 1943 года руководители США, Великобритании, Китая подтвердили свою верность некоторым принципам Атлантической хартии, провозглашавшей право всех народов избирать себе форму правления. Безусловно, это их заявление было рассчитано лишь на пропагандистский эффект. Предоставление независимости оговаривалось рядом условий. Ни Великобритания, ни США не ставили своей целью освобождение азиатских народов. Они вынуждены были об этом только говорить [14].

К концу января 1945 года на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии были сосредоточены значительные британо-американские вооруженные силы, во многом превосходящие японские. Но в сухопутных войсках преимущество оставалось на стороне Японии. Американские военные руководители считали, что при вторжении в Японию они понесут большие потери и даже после успешного занятия японских островов союзниками японцы смогут оказывать длительное сопротивление на азиатском материке и в частности, в Маньчжурии [3].

К моменту встречи лидеров «Большой тройки» в Ялте для президента США Ф. Рузвельта была составлена «Памятка». «Мы должны иметь поддержку Советского Союза для разгрома Германии. Мы нуждаемся в помощи СССР для войны с Японией по завершении войны в Европе», – говорилось в «Памятке», подготовленной правительственными учреждениями для Рузвельта в январе 1945 года, в связи с предстоявшей встречей лидеров трех держав. Рузвельт был полон решимости добиться в Ялте письменного обязательства СССР относительно вопроса вступления в войну на Дальнем Востоке [2].

В ночь на 3 февраля 1945 года, Ф. Рузвельт и У. Черчилль в сопровождении политических и военных деятелей, советников и переводчиков отправились в Крым. 4 февраля 1945 года, в 16 часов 35 минут во дворце Ливадия состоялось открытие Ялтинской конференции.

На Ялтинской конференции были намечены основные принципы согласованной политики в отношении милитаристской Японии. Соглашение по Дальнему Востоку было достигнуто 8 февраля 1945 года, во время бесед Ф. Рузвельта и А. Гарримана с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым.

11 февраля 1945 года главы трех правительств подписали документ, предусматривавший обязательство СССР вступить в войну против Японии, а также следующие политические условия:

1. сохранение существующего положения Монгольской Народной Республики;
2. восстановление принадлежавших прав России, нарушенных нападением Японии в 1904 г., а именно: возвращение Советскому Союзу южной части Сахалина; интернационализация торгового порта Дайрена и восстановление аренды на Порт-Артур, как на военно-морскую базу СССР; возобновление совместной с Китаем эксплуатации Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог;
3. передача Советскому Союзу Курильских островов [9].

Поскольку некоторые пункты соглашения касались Китая, президент США Ф.Рузвельт дал обещание принять меры к тому, чтобы было получено одобрение соглашения со стороны китайского правительства. Советский Союз выразил готовность заключить пакт о дружбе и союзе с Китаем [24].

Решения конференции обесценивали проводившиеся маневры милитаристов Японии. В целях принятия решений Советское правительство шло на компромисс в ряде вопросов. Правительство США и Британии иногда также шли на уступки. Черчилль, хотя и с горечью воспринимал многие решения, отражавшие справедливые, демократические требования СССР, был вынужден поставить под документом свою подпись [4].

Решения Ялтинской конференции были встречены с одобрением в странах антифашистской коалиции. Ялтинская конференция вошла в историю освободительной войны против немецко-фашистских захватчиков, как историческая демонстрация тесного боевого сотрудничества демократических держав в период, когда война вступила в свою конечную фазу [12].

Победа Советского Союза над фашистской Германией вызвала перемены в политической жизни народов не только в Европе, но и во всем мире. Обстановка диктовала необходимость новой встречи руководителей великих держав – Советского Союза, Великобритании и США для того, чтобы выработать программу мира и безопасности на будущее.

Новая встреча глав держав-победительниц проходила с 17 июля по 2 августа 1945 года, в Потсдаме – пригороде Берлина. Потсдамская конференция проходила прежде всего под сияющими лучами победы над злейшим врагом человечества – немецким нацизмом, в которую СССР внес решающий вклад. Лидеры США и Великобритании понимали, что только с помощью Советского Союза можно будет одержать быструю, решительную победу и над японским милитаризмом. Именно эти факторы определяли ход Потсдамской конференции.

Советскую делегацию возглавлял И.В. Сталин, британскую – премьер-министр Великобритании У. Черчилль, американскую – президент США Г.Трумэн. Также в работе конференции принимали участие министры иностранных дел, послы, руководители военных ведомств [4].

В первую очередь были рассмотрены вопросы, связанные с мирным послевоенным устройством в Европе, вопрос о порядке подготовки мирных договоров с бывшими вражескими государствами. Три правительства приняли

решение об учреждении Совета Министров Иностранных дел (СМИД). В него входили министры иностранных дел СССР, США, Франции и Китая – постоянные члены Совета Безопасности.

На Потсдамской конференции обсуждался вопрос о завершении войны на Дальнем Востоке. 26 июля 1945 года, правительство США, Британии и Китая, опубликовали декларацию, в которой потребовали от Японии безоговорочной капитуляции. Принципы Потсдамской декларации заключались в следующем: полное искоренение милитаризма; выполнение условий Каирской декларации, предусматривавшей ограничение японского суверенитета островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку; разоружение японской армии; наказание военных преступников; установление свободы слова, религии, мышления; уважение к основным человеческим правам. В декларации отмечалось: «Японии будет разрешено иметь такую промышленность, которая позволит поддержать ее хозяйство и взыскать справедливые репарации, но не те отрасли промышленности, которые позволят ей вновь вооружиться для ведения войны» [17].

Потсдамская декларация 1945 года, требовавшая демилитаризации и демократизации Японии, отражала антифашистский, освободительный характер Второй мировой войны, что явилось следствием решающей роли Советского государства в войне. После вступления Советских Вооруженных сил в войну с Японией к Потсдамской декларации присоединился Советский Союз [15].

Вопросы политического устройства Китая после разгрома милитаристской Японии стали предметом обсуждения на совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, которое проходило в Москве с 16 по 26 декабря 1945 года [2]. Советский Союз был представлен делегацией во главе с Министром иностранных дел СССР В.М. Молотовым, США – делегацией во главе с государственным секретарем Д. Бирнсом, Великобритания – делегацией во главе с Министром иностранных дел Э. Бевином [16]. На Московском совещании рассматривались международные проблемы (о контроле над Японией, о Корее, Китае, Комиссии ООН по атомной энергии). Совещание было созвано в соответствии с решением Ялтинской конференции о периодических встречах министров иностранных дел СССР, США, Великобритании [4].

Правительство СССР предприняло дипломатические шаги направленные на прекращение вмешательства США в китайские дела и вывод американских войск из Китая. С этой целью правительство настояло на включении вопроса о Китае в программу Московского совещания министров иностранных дел СССР, США, Великобритании. Твердая линия, проводимая Советским Союзом в отношении интервенции США в Китае, борьба китайского народа против американского вмешательства создали предпосылки для принятия решения, которое могло бы облегчить мирную демократизацию Китая при условии, что США выполняют принятые на себя обязательства и выведут свои войска из Китая.

Как указывалось в сообщении о Московском совещании, опубликованном 28 декабря 1945 года, министры иностранных дел «договорились об объединении и демократизации Китая под руководством Национального Правительства и о прекращении гражданской войны. Они подтвердили свою верность политике невмешательства во внутренние дела Китая» [1]. Также говорилось, что «между двумя Министрами иностранных дел имеет место согласие в отношении вывода из Китая советских и американских войск в кратчайший срок, совместимый с их ответственностью.

Решение Московского совещания давало в руки прогрессивных сил Китая и СССР политическое оружие для дальнейшего наступления на позиции американцев в Китае. Официальные оценки итогам Московского совещания были даны в специальном заявлении ЦК КПК, опубликованном 30 декабря 1945 года. В нем подчеркивалось, что решения совещания «послужили новым шагом в деле установления и поддержания длительного мира и это должны приветствовать все народы, кому дороги идеалы мира и демократии. Особо китайский народ одобряет решения, касающиеся проблем Дальнего Востока». Представители США оценили результаты Московского совещания, как серьезное поражение своей политики [3].

В качестве вывода, можно сказать, что несмотря на существенные различия в целях войны и путях обеспечения послевоенного мира между СССР и его капиталистическими союзниками, советская дипломатия твердо отстаивала единство и сплоченность антифашистской коалиции. Благодаря усилиям Советского правительства освободительные цели войны и демократические принципы послевоенного устройства мира были закреплены в Потсдамских соглашениях, в Уставе Организации Объединенных Наций. Этим международным документом было обеспечено право освобожденных народов восстановить свою независимость, суверенитет и развиваться по демократическому пути.

Героическая борьба советского народа против германского нацизма и японского милитаризма стала образцом для национально-освободительного движения в Китае, служила вдохновляющим примером для китайских коммунистов, для всего китайского народа, создала необходимые международные условия для победы китайской революции после окончания Второй мировой войны.

Список источников и литературы:

1. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский. – 2013. Т. VII: Китайская Республика (1912 – 1949) / отв. ред. Н.Л. Мамаева; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М.: Наука – Восточная литература, 2013. – 661 с.
2. Павляк С. Политика США по отношению к Китаю (1941 – 1955) / С.Павляк. / Под ред. И. Рогачева. – М.: Прогресс, 1976. – 384 с.

3. Астафьев Г.В. Интервенция США в Китае 1945 – 1949. – 2-е изд., доп. – / Г.В Астафьев. М.: Мысль, 1985. – 399 с.
4. История внешней политики СССР 1917 – 1980 в 2-х томах. Т II. / Под ред. А.А. Громыко, Б.Н. Пономарева. – М.: Наука, 1981. – 758 с.
5. Лавренев С.Я. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. / С.Я. Лавренев, И.М. Попов – М.: АСТ, Астрель, 2003. – 778 с.
6. Чуйков В.И. Миссия в Китае. / В.И. Чуйков. – М.: Воениздат, 1983. – 252 с.
7. Юрьев М.Ф. История стран Азии и Северной Африки после Второй мировой войны (1945 – 1990): Учебное пособие. / М.Ф. Юрьев. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 232 с.
8. Шорт Ф. Мао Цзэдун / Пер. с англ. Ю.Г. Кирьяка. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 608 с.
9. История дипломатии. / Под ред. А.А. Громыко. Т. IV. Дипломатия в годы Второй мировой войны. – М.: Политиздат, 1975. – 752 с.
10. Уткин А.И. Русские во Второй мировой войне. / А. И. Уткин. – М.: Алгоритм, 2017. – 1232 с.
11. История международных отношений: В трех томах: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. – 2 изд., испр. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. Т II: Межвоенный период и Вторая мировая война / А.Ю. Борисов, Н.Е. Клейменова, М.М. Наринский, А.Ю. Суворов. – 2017. – 788 с.
12. Газета «Правда» № 38, 13.02.1945.
13. Внешняя политика Советского Союза» 1945 г., документы и материалы. – М.: Госполитиздат, 1949. – 202 с.
14. Ледовский А.М. Китайская политика США и советская дипломатия 1942 – 1954 гг. / Под ред. В.С. Мясникова. – М.: Наука, 1985. – 288 с.
15. История Второй мировой войны в 12 томах. Т. 10. / Под ред. Н.И. Шеховцева, Ю.Г. Перечнева, Д.Ф. Данилова. – М.: Воениздат, 1979. – 535 с.
16. История Китая с древнейших времен до наших дней / отв. ред. Л.В. Симоновская, М.Ф. Юрьев. – М.: Главредвостлит, 1974. – 534 с.
17. Вторая мировая война и Восток. Книга II / Отв. ред. и сост. Н.Г. Романова, К.В. Орлова. – М.: ИВ РАН, 2024. – 504 с.
18. Горбачев Б. Китайский фронт / Б.Горбачев. // Азия и Африка сегодня. – 1995. – №7. – С. 14 – 22.
19. Воронцов В.Б. Судьба китайского Бонапарта. / В.Б. Воронцов. – М.: Политиздат, 1989. – 336 с.
20. Галенович Ю.М. Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши / Ю.М. Галенович. – М.: ИД «Муравей», 2000. – 388 с.
21. Юрьев М.Ф. История стран Азии и Северной Африки после Второй мировой войны (1945 – 1990): учеб. пособие. / М.Ф. Юрьев. – М.: Издательство Московского университета, 1994. – 234 с.
22. Там Хок Чиу. Внешнеполитическая стратегия И.В. Сталина и военно-политическая подготовка к новой Отечественной войне (январь 1939 – июль 1940 гг.) // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII – XXI вв.:

вопросы изучения и музеефикации: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, Волгоград, 27 – 28 сентября 2024 г. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2024. – 289 с.

23. Cheng V. China between Peace and War. Mao Chiang and the Americans. – Canberra: Australian National University, 2023. – 283 p. DOI: 10.22459/CBPW.2023

24. Гришин Я.Я., Галиуллин М.З., Кадыров Р.Р. Взаимоотношения СССР и Китайской Республики в первой половине 1945 года: по страницам документов // Наука. Общество. Оборона. – Т.13. 2025. – №1(42). – С. 5 – 15.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327-057.54

DOI: 10.5281/zenodo.17722410

EDN: GWJXRZ

О.В. Онопко

кандидат политических наук, старший научный сотрудник

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: o.onopko@donnu.ru

СТРАТЕГИЯ МОРСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ 2024 ГОДА: ЭКСПЕРТНЫЙ ФАКТОР И УГРОЗЫ ДЛЯ РОССИИ

Аннотация

С использованием синтетического теоретико-методологического подходов, основанного на теориях секьюритизации Б. Бузана и О. Уэвера, критической геополитики Дж. О'Тоала и эпистемных сообществ П. Хааса, автором проанализировано содержание Стратегии морской безопасности Украины, утвержденной в 2024 г. Определено, что в основе документа лежат геополитические представления и концептуальный подход к восприятию России, характерный для институтов украинской внешнеполитической экспертизы, занимающихся Черноморским регионом, которые участвовали в разработке и реализации Стратегии в рамках рабочей группы, созданной Кабинетом министров Украины. Автор подчеркивает, что эти структуры представляют собой эпистемное сообщество. Особое внимание уделено потенциальным угрозам для России, которые могут возникнуть в результате реализации Стратегии. Среди них: усиление военно-морского потенциала Украины, создание антироссийской системы коллективной безопасности в Причерноморье, экономические и экологические проблемы, а также новое международно-политическое давление. Автор отмечает, что Стратегия носит иррациональный характер в оценках действий России, но при этом демонстрирует прагматизм в выработке мер противодействия.

Ключевые слова: *Стратегия морской безопасности Украины (2024 г.), внешнеполитическая экспертиза, внешняя политика Украины, Россия, Черноморский регион.*

Summary

Using a synthetic theoretical and methodological approach based on the securitization theory of B. Buzan and O. Waever, the critical geopolitics of G. O'Tuathail, and P. Haas's epistemic communities' theory, the author analyzes the

content of Ukraine's Maritime Security Strategy, adopted in 2024. The study finds that the document is rooted in geopolitical images and a conceptual approach to Russia that is characteristic of Ukrainian foreign policy expert institutions specializing in the Black Sea region. These institutions participate in the development and implementation of the Strategy as part of a working group established by the Cabinet of Ministers of Ukraine. The author emphasizes that these organizations are an epistemic community. Special attention is given to the potential threats to Russia that may arise from the Strategy's implementation. These include: the strengthening of Ukraine's naval capabilities, the creation of an anti-Russian collective security system in the Black Sea region, economic and environmental challenges, as well as renewed international political pressure. The author notes that while the Strategy exhibits irrationality in its assessment of Russia's actions, it demonstrates pragmatism in formulating countermeasures.

Keywords: *Ukraine's Maritime Security Strategy (2024), foreign policy expertise, Ukraine's foreign policy, Russia, Black Sea region.*

В условиях проведения Специальной военной операции существенное значение для эффективности российской внешней и военной, морской и экономической политики в Черноморском регионе имеет комплексное понимание того образа действий [25, с. 47] в международной среде, которого придерживается современная Украина. Обладая доступом к Чёрному морю, она уделяет достаточно большое внимание обеспечению своей морской безопасности, а также нанесению максимально возможного ущерба вооружённым силам, инфраструктуре, торговому судоходству, экономическим и другим связям России в этом геополитическом пространстве.

17 июля 2024 г. президент В. Зеленский своим указом утвердил Стратегию морской безопасности Украины, целью которой заявлено «обеспечение готовности, комплексного и эффективного предотвращения и реагирования на угрозы морской безопасности Украины, возникающие на прибрежных территориях, в ее морских пространствах, а также других районах Мирового океана, на которые распространяются экономические и другие интересы Украины» [23]. В разработке, а также в координации исполнения данного документа в рамках межведомственной рабочей группы участвуют представители институтов украинской внешнеполитической экспертизы. Принимая во внимание политическую значимость Стратегии для будущих действий Украины в Черноморском регионе, представляется актуальным анализ данного документа на предмет выявления потенциальных угроз для национальной безопасности России.

В современной политической науке существует широкий ряд работ, связанных с влиянием Украины на международные отношения и международную безопасность в Черноморском регионе. Из опубликованных в последнее время следует отметить научные труды российских исследователей Д. Айвазяна [1], А. Баранова [21], И. Бочарникова [6], П. Гудева [12], А. Ирхина [13] и др., и зарубежных – М. Воротнюк [33], С. Кропси [28],

И. Рудя [19], М. Финка [29] и др. При этом Стратегия морской безопасности Украины (2024 г.) на момент подготовки настоящей статьи так и не стала объектом политологического анализа.

Принимая это во внимание, автор преследовал цель определить потенциальные угрозы для национальной безопасности России в Черноморском регионе, проистекающие из Стратегии морской безопасности Украины (2024 г.), а также определить возможное влияние на её содержание геополитических представлений, характерных для украинской внешнеполитической экспертизы.

В основе исследования лежит синтетический теоретико-методологический подход, объединяющий отдельные положения теорий секьюритизации Б. Бузана и О. Уэвера [31], критической геополитики Дж. О'Тоала [32] и эпистемных сообществ П. Хааса [30]. Исходя из него, институты и отдельные эксперты, задействованные в работе со Стратегией морской безопасности Украины, представляют собой особую политическую сеть – эпистемное сообщество, которое на основании существующих у его членов секьюритизированных геополитических представлений о международно-политической ситуации в Черноморском регионе и о России может влиять на содержание Стратегии, создавая угрозы для нашей страны. Выбранный подход обусловил постановку и последующее решение следующих исследовательских задач: обозначение истории создания Стратегии морской безопасности Украины; анализ связей, существующих между аналитическими центрами, которые были привлечены к работе с данным документом в рамках межведомственной рабочей группы при Кабинете министров Украины, а также геополитических представлений данных организаций о Причерноморье; определение значения России в документе, а также связанных с ней и Черноморским регионом геополитических представлений; анализ содержания Стратегии и установление потенциальных угрозы для безопасности нашей страны, которые могут возникнуть в ходе реализации Стратегии.

Краткая предыстория создания Стратегии описана директором Института национальной безопасности (ИНБ) Б. Устименко: «В 2021 г. была инициирована разработка Стратегии морской безопасности Украины и начата работа над первой редакцией документа. Украина долгое время не имела Стратегии морской безопасности, хотя существовала Морская доктрина Украины, которая была принята в 2009 г. и обновлена в 2018 г. Однако эта доктрина не предусматривала четких механизмов ее выполнения, контроля над выполнением, не содержала критериев оценки, не учитывала все актуальные угрозы... В 2022 г. [в Верховной Раде Украины] было создано межфракционное депутатское объединение "Морская экономика и безопасность" (сопредседатель – народный депутат Ю. Клименко), в которое вошли представители разных политических сил. Началась системная работа по сложным вопросам морской безопасности на парламентском уровне» [14]. Первичный проект Стратегии был одобрен Советом национальной безопасности и обороны Украины (СНБО) ещё 11 февраля 2022 г. [8], однако в связи с началом Специальной военной операции документ отозвали на доработку [18], а его итоговая редакция была

утверждена лишь 17 июля 2024 г. 22 ноября 2024 г. Кабинет министров Украины утвердил план мероприятий по реализации Стратегии, охватывающий период до 2030 г. [22]. Таким образом, чуть меньше, чем за три года украинская сторона провела работу по переоценке геостратегической обстановки и собственного военного, экономического и политического потенциала в Балто-Черноморском регионе с учетом реалий полномасштабного вооружённого конфликта с Россией и предложила соответствующий им документ.

В работе с ним приняли участие институты черноморского направления внешнеполитической экспертизы Украины, в частности представители организаций, которые впоследствии были включены в межведомственную рабочую группу по координации исполнения Стратегии при Кабинете министров Украины: Института национальной безопасности (ИНБ), Института черноморских стратегических исследований (ИЧСИ), Центра глобалистики «Стратегия XXI» (ЦГС) и Сети защиты национальных интересов «АНТС» [17].

Данные структуры представляют собой аффилированные с СНБО и Офисом президента Украины некоммерческие аналитические центры, занимающиеся достаточно широким кругом вопросов, связанных с внешней политикой и безопасностью Украины в Черноморском регионе. При этом они заметно отличаются и по организационно-правовым признакам, и по экспертному статусу, и по направлениям экспертно-аналитической работы. В частности, ИНБ (не путать с государственным Институтом проблем национальной безопасности, упраздненным в президентство В. Януковича в 2010 г. [24]) был зарегистрирован в феврале 2024 г. [16] – т.е. всего за полгода до принятия Стратегии. О его деятельности и сотрудниках, за исключением директора Б. Устименко, практически нет никакой публичной информации. Высока вероятность того, что это «карманный» аналитический центр, созданный специально для легитимации участия его руководителя в работе по внедрению Стратегии в государственную политику Украины. Примечательно, что Б. Устименко – ассоциированный эксперт ЦГС – другого аналитического центра, имеющего представительство в межведомственной рабочей группе [5]. В отличие от других экспертных структур, ЦГС – это специализированная «фабрика мысли», основной массив деятельности которой связан с черноморским направлением внешней политики Украины. Организация была основана в 2009 г., обладает признанным экспертным статусом, издает профильный журнал «Черноморская безопасность» [27], является продолжателем дела закрытого в 2014 г. севастопольского аналитического центра «Номос», известна качественной аналитикой по международно-политическим и международно-экономическим вопросам, проблемам международной безопасности и национальной безопасности Украины в Черноморском регионе. В своей работе ЦГС уделяет большое внимание Крыму, действуя как самостоятельно, так и в рамках экспертной сети Крымской платформы – связанной с Офисом президента Украины международной структуры, чья активность фактически направлена на выработку мер по противодействию российским национальным интересам и подрыву

национальной безопасности России в Крыму. С экспертной сетью Крымской платформы также связан ИЧСИ, формально «благотворительная организация» [3], а реально – специализирующийся на черноморской проблематике аналитический центр, информационным изданием которого является портал Black Sea News – вероятно, ключевое сетевое СМИ Украины, пишущее о вопросах, связанных с Черным морем и Причерноморьем. Ещё одна организация, участвующая в рабочей группе, – сеть АНТС – представляет собой аналитический центр, занимающийся европейской и евроатлантической интеграцией Украины.

Что касается геополитической картины мира институтов внешнеполитической экспертизы, имеющих представительство в межведомственной рабочей группе, то на основании анализа их публикаций по черноморской и в целом морской проблематике, вышедших в 2023 – 2024 гг., можно выделить следующие геополитические представления, составляющие её.

Черноморский регион рассматривается как стратегически важное геополитическое пространство, имеющее ключевое значение для мира и Европы, особенно в контексте продовольственной [26] и энергетической безопасности, а также контроля над морскими путями [10]. Причерноморье характеризуется как зона «вакуума безопасности» [11], в которой доминирует Россия, а действия НАТО и ЕС считаются недостаточными для противодействия существующим угрозам. Исходя из этого, украинские эксперты видят необходимость значительного усиления присутствия и активности западных структур в регионе, а также необходимость создания параллельной и альтернативной НАТО.

Крымский полуостров рассматривается как важнейший геополитический объект Причерноморья. Установление контроля над ним считается важнейшей задачей для Украины. Украинские аналитические центры так описывают геостратегическую ситуацию вокруг Крыма: «Черное море – сердце Черноморского региона, Крым – сердце Черного моря. Кто контролирует Крым, способен проектировать силу на все Черное море и его побережье. Следует учитывать, что Черное море – глубокое, но площадь относительно небольшая. В действительности акватория Черного моря простреливается ракетами. Россия использует Крым для того, чтобы шпионить за восточным флангом НАТО. На полуострове Москва установила в горах для этого особые военные системы. Конечно, Кремль захватил Крым не из-за боли соотечественников, а для использования полуострова как огромной военной базы. Севастопольская военно-морская база – идеальная: с точки зрения удобства для укрытия флота, здесь есть практически не замерзающая бухта, в целом она является лучшей на всем побережье Черного моря. Одна из целей России – проектирование сил не только на Черное море, но и на Средиземное. Это стратегическая цель Кремля. Таким образом, с военной точки зрения Крым является уникальным» [20].

Европейский Союз представлен как структура, которая пытается усилить свою роль в обеспечении международной морской безопасности в

Черноморском регионе, но действует недостаточно эффективно и не в соответствии с реальными угрозами. В частности, ЕС периодически критикуется за недостаточное внимание к военным и гибридным угрозам, исходящим от России в Черном и Балтийском морях, и за фокусировку на таких вопросах, как экологические проблемы, вместо решения стратегических задач в сфере безопасности [9]. Тем не менее Евросоюз рассматривается как важный для будущего Украины актор мировой политики. При этом часто отмечается его нерешительность [7], слабость и неспособность эффективно противостоять российской активности в Причерноморье [10].

НАТО в представлении украинских аналитических центров – это «альянс перепуганных» [15], организация, которая, как и ЕС, недостаточно решительно [7] и медленно реагирует на новые вызовы и угрозы в сфере региональной безопасности, особенно в контексте вооружённого противостояния Украины и России [10]. Несмотря на критику, Альянс рассматривается как ключевой элемент международной безопасности в Европе, а возможное членство Украины в нем – как часть решения проблемы региональной безопасности в Причерноморье [11], при этом существует осознание того, что в обозримом будущем страна его так и не обретет [2]. В анализируемых работах часто делается акцент на том, что Альянс должен играть более активную роль в Черноморском регионе, постоянно наращивать своё военное присутствие в нем. Возможность прямого военного столкновения сил НАТО и РФ со всеми сопутствующими рисками для региональной и глобальной безопасности украинскими экспертами не принимается во внимание.

США рассматриваются как ключевой союзник Украины, который должен играть более активную роль [11] в ее военной поддержке и обеспечении безопасности в Черноморском регионе. Украинские эксперты, в частности из ЦГС, требуют изменить американский подход: перейти от «поддержки для укрепления переговорной позиции Украины» к действиям по формуле «всё для победы Украины» [10]. Примечательно, что такие предложения были озвучены ещё до прихода к власти США Д. Трампа, чья администрация значительно меньше, чем предыдущая настроена на военное содействие Украине. В геополитической картине мира украинских аналитических центров США представлены как государство, которое, как и Украина, якобы сталкивается с военной угрозой в Черноморском регионе с российской стороны [26].

Россия в геополитической картине мира украинских аналитических центров – стремящийся к доминированию в Черноморском регионе «агрессор» [там же]. Мотивы поведения нашего государства в международной среде объясняются некими «имперскими устремлениями»: «Имперскость мышления – имманентное свойство как русских чиновников, так и интеллектуалов и "глубинного народа"», – считает директор ИЧСИ А. Клименко [2]. Такая иррациональная оценка традиционна для российского направления украинской внешнеполитической экспертизы, которая, кроме того, считает ключевым принципом внешней политики России «геополитический реваншизм» [10].

Наше государство рассматривается как главный источник угрозы для судоходства в Черном море, ему вменяются минирования акватории и атаки на гражданские суда [7]. Считается, что Россия якобы систематически не соблюдает нормы международного права. В этой связи показательным является комментарий директора ИНБ Б. Устименко: «Россия абсолютно не придерживается предписаний международного гуманитарного права, применяемого, в частности, к международным конфликтам на море. Государство-агрессор цинично нарушает базовый принцип международного гуманитарного права – "принцип различия" между гражданскими лицами и комбатантами, гражданскими и военными объектами. Удары ракетами и дронами по зерновым терминалам, портовой инфраструктуре, другим чисто гражданским объектам являются преступлениями, совершаемыми россиянами практически ежедневно» [4]. Все вышеперечисленное указывает на чрезвычайную секьюритизацию и негативную мифологизацию образа России как действующего лица военно-политических и других процессов в Черноморском регионе, которая осуществляется украинскими экспертами, входящими в межведомственную рабочую группу, отсутствие у них способности рационально и реалистично оценивать действия нашего государства.

По форме структурирования и изложения материала Стратегия морской безопасности Украины представляет собой традиционный акт стратегического целеполагания и планирования. Она содержит общие положения, сведения об основах стратегии морской безопасности Украины, перечень главных угроз ей, а также перечни конкретных целей, руководящих принципов и задач государственной политики в сфере морской безопасности, ожидаемые результаты от реализации Стратегии, индикаторы оценки её эффективности и др.

Авторы документа уделяют исключительное внимание вопросам противодействия России на море. В самом начале Стратегии отмечается, что «Украина – морское государство, осуществляющее противодействие неспровоцированной широкомасштабной вооруженной агрессии, безосновательно развязанной Российской Федерацией, в том числе по морским направлениям в Черном и Азовском морях. Восстановление контроля Украины над временно оккупированными территориями, морским побережьем, собственными морскими пространствами, а также восстановление и обеспечение безопасности морских путей жизненно важно для существования, обеспечения военно-политической и экономической стабильности и развития Украинского государства» [23]. Вооруженная борьба с Россией рассматривается сразу в двух приоритетах морской безопасности Украины из заявленных восьми. Речь идет о «гарантировании отпора широкомасштабной вооруженной агрессии Российской Федерации по морским направлениям с последующим выводом (вытеснением) вооруженных сил и вооружений государства-агрессора за пределы территории Украины и его морских пространств», а также о противодействии превращении Черного и Азовского

морей в т.н. русское озеро, к чему, по мнению разработчиков документа, стремится наша страна [23]. Подобное иррациональное видение интенций России в международной среде – характерная черта геополитической картины мира всей украинской внешнеполитической экспертизы, в т.ч. Национального института стратегических исследований, который занимается экспертно-аналитическим сопровождением работы президента Украины и СНБО и который, возможно также, был задействован в подготовке проекта Стратегии.

В документе из десяти обозначенных угроз морской безопасности Украины две связаны с Россией. Отмечается, что «Российская Федерация как государство-агрессор – источник долгосрочных системных угроз национальной безопасности Украины и других государств Черноморского региона, Средиземноморья, а также глобальной безопасности. В частности, государство-агрессор оккупировало Азовское море и часть Черного моря, наносит ракетные и авиационные удары по территории Украины с моря, установило мины в морских и речных пространствах Украины, блокирует порты и побережья Украины, осуществляет нападения на корабли и торговые суда. экономической, иной деятельности в Черном и Азовском морях и Керченском проливе, а также осуществляет другие акты агрессии. Существует перманентная угроза проведения государством-агрессором морских десантных операций» [23]. Кроме того, исключительно на Россию возлагается ответственность за нанесение вреда окружающей среде в бассейне Чёрного и Азовского морей.

Из пятидесяти пять задач, которые устанавливает Стратегия для государственной морской политики Украины, десять непосредственно касаются противодействия России в Черноморском регионе. В частности, речь идёт о захвате Украиной Крыма и обеспечении там «международного военного (военно-морского) присутствия»; «максимальном ограничении военно-морского присутствия Российской Федерации в Азово-Черноморском бассейне»; фактическом создании на основе международной платформы «Безопасное Черное море» и заключения двух- и многосторонних соглашений в Причерноморье региональной антироссийской системы коллективной безопасности, альтернативной НАТО; выдавливании России из международных организаций, в т.ч. из ОЧЭС; отстранении от администрирования Меморандума о взаимопонимании по контролю судов государством порта в регионе Черного моря и др. Кроме того, важнейшим результатом реализации Стратегии заявлено «создание условий прекращения агрессии Российской Федерации в украинских морских пространствах» [23]. Практическая реализация Украиной своей Стратегии морской безопасности и решение вышеперечисленных и других задач украинской морской политики приведет к возникновению ряда угроз для России в Черноморском регионе.

В военно-стратегическом плане Россия может столкнуться с заметным усилением военно-морского потенциала Украины. Поскольку документ предусматривает целый спектр мер, направленных на наращивание военно-морских сил Украины, включая развитие кораблестроения, безэкипажных и

беспилотных систем, противоминных, противолодочных, противокорабельных, противоракетных и противовоздушных сил и средств, растущее военное присутствие Украины в Черном море может стать серьезной угрозой для российского флота и в целом вооружённых сил в Причерноморье. Кроме того, потенциально возрастут возможности нанесения Украиной успешных ударов по российским инфраструктурным объектам, расположенным в Крыму и Новороссии, Ростовской области и Краснодарском крае, что может не только создать экономические проблемы нашей стране, но и затруднить снабжение и передвижение войск в этих регионах. Кроме того, Украина намерена использовать международно-правовые механизмы для ограничения военноморского присутствия России в Азово-Черноморском бассейне, что может осложнить действия российского флота в регионе.

В международно-политическом и геостратегическом плане представленная в Стратегии идея создания направленного против России объединения черноморских государств, лишённого институциональных ограничителей, имеющих у НАТО, а также формальной аффилиации с ним может привести к росту напряженности в Причерноморье, фактическому увеличению присутствия сил Альянса в регионе, а также к росту антироссийских настроений в нем, что угрожает геостратегическим интересам России. Кроме того, в Стратегии Украина продолжает настаивать на возвращении контроля над Крымом, а также предлагает разместить там в случае захвата полуострова иностранные войска. В такой ситуации Черноморский регион превратится в крайне неблагоприятное для России геополитическое пространство: локальные и временные угрозы будут сочетаться с постоянным и активным геостратегическим противоборством с НАТО и его союзниками, которые вместе контролируют значительную часть черноморского побережья и акватории.

В экономическом плане заявленное в Стратегии стремление Украины усилить контроль над своими исключительными экономическими зонами и континентальным шельфом (в украинской трактовке границ этих пространств) может привести к новым столкновениям с Россией из-за прав на добычу полезных ископаемых, включая нефть и газ. Кроме того, используя дипломатические и военные меры, в т.ч. атаки с помощью основной силы своих ВМС безэкипажных катеров, Украина будет предпринимать шаги по ограничению свободы судоходства в Черном море, что может негативно сказаться на российских экономических интересах, включая экспорт энергоресурсов и продуктов питания, угрожая продовольственной безопасности стран, импортирующих продовольствие из Причерноморья. Украина также планирует использовать международные механизмы для усиления санкционного давления на Россию, что может привести к дополнительным экономическим ограничениям для российских компаний, работающих в морском секторе. В то же время развитие Украиной своей морской инфраструктуры, включая порты и терминалы, может усилить её

конкурентоспособность и снизить востребованность российских транспортных коридоров в Черноморском регионе.

В экологическом плане декларируемые в Стратегии намерения Украины активно бороться с экологическими последствиями военных действий, включая разминирование и очистку морских акваторий могут привести к 1) улучшению условий для ведения разведывательной и диверсионной деятельности против вооружённых сил, инфраструктурных объектов и торгового судоходства России; 2) дополнительной легитимации позиции украинской стороны, обвиняющей наше государство в одностороннем нанесении ущерба окружающей среде в Чёрном море; 3) усилению международного контроля над экологической ситуацией в Черноморском регионе, что может быть использовано для нанесения ущерба экономическим интересам России.

На основании проведённого выше анализа можно сделать ряд выводов. Прежде всего, Стратегия морской безопасности Украины (2024 г.) представляет собой комплексный документ стратегического планирования внешней и военной политики страны в Черноморском регионе. Определяющее влияние на формулирование его основных положений в части вопросов, связанных с противостоянием России, могли оказать украинские эксперты и институты внешнеполитической экспертизы, участвовавшие как в работе над самой Стратегией, так и над её практической реализацией. Их секьюритизированные геополитические представления находят отражение в содержании документа. Ему присущ и их общий концептуальный подход: иррациональный в плане оценок действий России в Причерноморье, но реалистичный и прагматичный – в плане выработки мер по противодействию ей.

Участвовавшие в работе со Стратегией экспертные структуры тесно связаны друг с другом. Это классический пример эпистемного сообщества, что проявляется и в перекрёстном членстве экспертов, и в активном участии в работе экспертной сети Крымской платформы, которая представляет собой крупнейшую площадку внешнеполитической экспертизы международно-политических и военно-политических процессов в Черноморском регионе, существующую на Украине.

Практическая реализация Стратегии повлечёт за собой целый ряд угроз для безопасности нашей страны в Причерноморье. Концептуально обозначенные в документе, они получают развитие в виде конкретных и, вероятно, закрытых внешнеполитических, гибридных и военных решений, которые будут выработаны Межведомственной рабочей группой по её реализации. В этих условиях прогнозированию дальнейших враждебных России действий украинской стороны в Черноморском регионе будет способствовать дальнейшее изучение аналитических продуктов тех структур внешнеполитической экспертизы Украины, которые работают над реализацией Стратегии.

Список источников и литературы:

1. Айвазян Д.С. Актуальные тенденции взаимодействия прибрежных черноморских государств / Д.С. Айвазян // Современная Европа. – 2021. – № 7(107). – С. 39 – 49. – DOI: 10.15211/soveurope720213949.
2. Андрій Клименко: «Світ має одночасно усвідомити глобальну небезпеку Росії та перестати боятися Росії» // Крым. Реалии: URL: <https://ua.krymr.com/a/klymenko-bezpeka-krym-platforma-interviu/32546967.html>.
3. Благодійна організація «Інститут чорноморських стратегічних досліджень» // Сервіс моніторингу реєстраційних даних. URL: <https://opendatabot.ua/c/39822204>.
4. Блокування Росією Чорного моря: як покарати агресорку? // DW: URL: <https://www.dw.com/uk/blokuvanna-rosie-u-cornogo-mora-ak-pokarati-agresorku/a-66302101>.
5. Богдан Устименко // Synergizing Energies. URL: <https://geostrategy.org.ua/pro-nas/eksperty/bogdan-ustymenko>.
6. Бочарников И.В. Черное море как один из основных театров противостояния России и НАТО в украинском кризисе / И.В. Бочарников // Конфликтология / Nota Bene. – 2015. – № 1. – С. 59 – 64. – DOI: 10.7256/2409-8965.2015.1.14063.
7. Гібридне море. Ситуація в Чорному морі в умовах російсько-української війни // Black Sea News. URL: <https://www.blackseanews.net/read/220724>.
8. Глава держави провів у Харкові виїзне засідання РНБО, на якому було затверджено Стратегію морської безпеки України // Офіційне інтернет-представництво Президента України. URL: <https://www.president.gov.ua/news/glava-derzhavi-proviv-u-harkovi-viyizne-zasidannya-rnbo-na-y-72849>.
9. Гончар про гібридну підводну війну Росії у Балтиці // Еспресо. URL: <https://espresso.tv/poglyad-pidvodna-agresiya-rosii-u-baltitsi-a-vi-dokazhite>
10. Гончар М. Безпекові вакууми як наслідок війни Росії проти України: оцінка впливу і можливі шляхи подолання / М. Гончар. URL: <https://geostrategy.org.ua/analitika/analitichna-zapyska/bezpekovi-vakuumu-yak-naslidok-viyny-rosiyi-proty-ukrayiny-ocinka-vplyvu-i-mozhlyvi-shlyahy-podolannya/zavantazhyty-analitichnu-zapysku-pdf>.
11. Гончар М. Вакуум безпеки в Чорноморському регіоні / М. Гончар. URL: <https://geostrategy.org.ua/analitika/dopovid-ta-prezentatsiyi/mizhnarodnyy-forum-ekspertnoyi-merezhi-mizhnarodnoyi-krymskoyi-platformy/speech-text-ua>
12. Гудев П.А. Российско-украинское противостояние в Черном море через призму «зерновой сделки» / П.А. Гудев // Пути к миру и безопасности. – 2023. – № 2(65). – С. 148–168. – DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-148-168.
13. Ирхин А.А. Украина в процессах постсоветской интеграции в период мира: несостоявшийся проект и причины упущенных возможностей / А.А. Ирхин, Н.Э. Демешко // Международная жизнь. – 2023. – № 1. – С. 26–35.

14. Морська стратегія України: кроки до перемоги // Судновплавство: URL: <https://ua.sudohodstvo.org/morska-strategiya-ukrayiny-kroky-do-peremogy/>.
15. НАТО не може бути «альянсом переляканих», він має демонструвати силу – Гопко // RFI. URL: <https://clck.ru/3PbqsG>.
16. Наукова установа Інститут національної безпеки // YouControl. URL: https://youcontrol.com.ua/catalog/company_details/45369817/.
17. Про утворення Міжвідомчої робочої групи з питань координації виконання Стратегії морської безпеки України // Офіційний вебпортал парламенту України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1269-2024-%D0%BF#Text>.
18. Розроблювана стратегія морської безпеки України, зачіпає інтереси країни не лише в Азово-Чорноморському регіоні // Інтерфакс-Україна. URL: <https://interfax.com.ua/news/general/950802.html>.
19. Рудь І.М. Балто-Чорноморський союз як вісь безпеки України: реалії та перспективи розвитку / І.М. Рудь // Вісник НТУУ «КПІ». Політологія. Соціологія. Право. – 2023. – №. 2 (58). – С. 86–91.
20. «Серце Чорного моря». Місце Криму у Стратегії морської безпеки України // Крым. Реалии. URL: <https://ua.krymr.com/a/serdse-chorne-more-krym-strategiya-morskoj-bezpeki-ua/33083968.html>.
21. Современные международные отношения в Черноморском регионе: геополитический аспект / А.В. Баранов, А.В. Ващенко, В.Н. Коньшев, С.В. Шашева. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – 292 с.
22. Стратегія морської безпеки України // Офіційний вебпортал парламенту України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1162-2024-%D1%80#Text>.
23. Стратегія морської безпеки України // Офіційний вебпортал парламенту України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/468/2024#Text>.
24. Указ Президента України №471/2010 // Офіційне інтернет-представництво Президента України. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/4712010-10387>.
25. Хрусталеv М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. – М.: НОФМО, 2008. – 232 с.
26. Чому безпека Чорного моря – запорука харчової безпеки світу? // ANTS. URL: <https://ants.org.ua/bezpeka-chornogo-morya/>.
27. Чорноморська безпека // Synergizing Energies. URL: <https://geostrategy.org.ua/chornomorska-bezpeka>.
28. Cropsey S. Naval Considerations in the Russo-Ukrainian War / S. Cropsey // Naval War College Review. – 2022. – Vol. 75. – №. 4. – СР. 11–36.
29. Fink M. Naval blockade and the Russia–Ukraine conflict / M. Fink // Netherlands International Law Review. – 2022. – Vol. 69. – №. 3. – P. 411–437.
30. Haas P.M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy / P.M. Haas // Coordination. International Organization. – 1992. – № 46 (1). – P. 1–35.

31. Security: A New Framework for Analysis / Buzan, B.G.; Wæver, O; de Wilde, J.H. London / Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998.
32. Tuathail G.Ó., Agnew J. Geopolitics and discourse / G.Ó. Tuathail, J. Agnew // Political Geography. – 1992. – № 11(2). – P. 190–204.
33. Vorotnyuk M. Black Sea as a battlefield: Ukraine's perspectives and strategies in the region //Security Dynamics in the Black Sea Region: Geopolitical Shifts and Regional Orders. – Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. – P. 111–128.

УДК 94:332.135:341.17:339.92
DOI: 10.5281/zenodo.17722576
EDN: DEVQSK

Л.Ю. Медовкина

кандидат исторических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: medovkina.l@mail.ru

А.А. Студинец

аспирант

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: s.stydineu77@mail.ru

РОЛЬ АФРИКАНСКОГО СОЮЗА И РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В ВЫРАБОТКЕ ЕДИНОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация

В статье анализируется модель отношений между региональной межправительственной структурой в лице Африканского союза и субрегиональными межправительственными объединениями. Отмечено, что эти отношения прошли ряд этапов, начиная от обособленного существования до переплетения и гармонизации деятельности указанных институтов. Рассмотрен механизм построения отношений между указанными объединениями и сделан вывод о вкладе каждой из сторон в процесс выработки модели экономической интеграции для стран Африки.

Ключевые слова: *Африканский союз, региональные экономические сообщества, экономическая интеграция*

Summary

The article analyses the model of relations between a regional intergovernmental organization represented by the African Union and sub-regional intergovernmental communities. It is noted that these relations have passed through a number of stages, starting from a separate existence to the intertwining and harmonization of the activities of these institutions. The mechanism of building relations between these associations is considered and the conclusion is made about the contribution of each party to the deliberation of a economic integration model for African countries.

Keywords: *African Union, regional economic communities, economic integration*

Общественное движение в Африке в начале XXI века характеризуется дальнейшим развитием интеграционных процессов. Так, возникший в 2001 году Африканский союз (АС) рассматривает экономическую интеграцию как способ повышения жизненного уровня стран и народов Африки, как условие для разрешения актуальных проблем развития. Возникновение в 2019 году Африканской континентальной зоны свободной торговли (АфКЗСТ) является иллюстрацией движения в сторону создания общего рынка как явления экономической интеграции. Следует заметить, что указанный институт АС является не единственным межправительственным объединением, существующем на континенте. Речь идет о восьми Региональных экономических сообществах (РЭС). Примечательным является тот факт, что указанные восемь объединений так же рассматривают процесс экономической интеграции как инструмент для укрепления международного сотрудничества, повышения жизненного уровня стран и народов. В связи с этим, возникает вопрос: как связана деятельность РЭС и АС в вопросах экономической интеграции стран Африки.

Актуальность темы исследования обусловлена, с одной стороны, продолжающимся процессом региональной экономической интеграции, с другой стороны тем обстоятельством, что указанное взаимодействие развивается при активном содействии со стороны как региональных, так и субрегиональных международных институтов на континенте. Отсюда, исследование модели отношений между Африканским Союзом и региональными экономическими сообществами будет способствовать более конкретному пониманию хода процесса экономической интеграции на африканском континенте

Цель данной статьи – исследовать отношения между АС и РЭС, а также их влияние на процесс экономической интеграции в Африке в начале XXI века.

Отдельные аспекты рассматриваемой темы были исследованы отечественными и зарубежными авторами. Среди российских авторов этой проблематикой занимались Е. В. Морозенская [1], Н. А. Медушевский [2], Л. П. Калинина [3]. В частности, работы указанных авторов исследовали воздействие процесса интеграции на развитие стран и народов. Среди зарубежных авторов отдельные теоретические вопросы исследуемой темы были рассмотрены в работах У. Бека [4] и Дж. Нейсбита [5].

Рассмотрение процесса экономической интеграции, как и любого другого общественного процесса, следует начать с рассмотрения исторических условий возникновения данного процесса на континенте. К числу таковых следует отнести антиколониальное движение на континенте, приведшее к возникновению в мае 1963 года Организации африканского единства (ОАЕ) – международной региональной организации, антиколониалистской по своей специфике, поскольку одной из целей организации стала ликвидация всех форм колониализма на африканском континенте. Формирование же ОАЕ мы можем рассматривать как предпосылку процесса экономической интеграции,

поскольку данный международный институт создал рамки для международного сотрудничества и декларировал намерение объединения усилий стран-членов в экономической, политической, культурной и других областях. Например, в тексте Хартии ОАЕ указывается, что страны-члены Организации будут координировать сотрудничество с области политики и дипломатии, экономики, транспорта, культуры и просвещения, науки и техники, обороны и безопасности [7, с.56]. Помимо этого, принятая ОАЕ в 1968 году Резолюция CM/Res.6/I «Региональные группировки», которая рекомендовала всем организациям, существовавшим до создания ОАЕ, исходить из положений Устава данной организации. В резолюции также установлены обязательные критерии, которым должны соответствовать субрегиональные организации: наличие социальной, территориальной, культурной и экономической общности государств-членов, а также стремление к координации экономической, социальной и культурной деятельности [7, с.57].

Таким образом, вместе с завоеванием политической независимости африканских государств, развитием антиколониального движения, получило свое развитие и экономическая интеграция между ними. Воплощением интеграционных институтов в Африке и стали возникающие с конца 60-х гг. XX в. Региональные экономические сообщества. Среди первых таких объединений следует назвать Восточное Африканское Сообщество и Экономическое сообщество стран Западной Африки, возникших в 1967 и 1975 гг. соответственно. Формирование субрегиональных объединений было поддержано руководством ОАЕ, поскольку данные сообщества могли более оперативно реагировать и координировать усилия независимых африканских государств. Более того, цели возникающих РЭС не противоречили целям и принципам Устава ОАЕ. Тождественность позиций на вопросы общественно-экономического развития африканских государств между ОАЕ и РЭС подтвердил принятый в 1980 году Лагосский план действий. В соответствии с положениями документа, деятельность существующих РЭС была оценена положительно, поэтому документ содержал призыв формирования новых Региональных сообществ в тех регионах Африки, где их на момент 1980 года еще не существовало [8, р. 6].

Лагосский план действий обусловил дальнейшее развитие интеграционного процесса в Африке в форме создания РЭС. Можно сказать, что данным институтам в XX в. принадлежит ведущая роль в развитии экономической интеграции между входящими в них государствами. Роль ОАЕ в рассматриваемый период в процессе развития экономической интеграции оставалась незначительной. Причиной тому является тот факт, что экономическое развитие стран Африки сдерживали не только объективные причины в лице недостаточного развития отраслей обрабатывающей промышленности, низкого уровня развития физической инфраструктуры, но и политические обстоятельства в лице наличия на континенте ряда несамостоятельных территорий и государств с расистскими режимами во главе. Активное противодействие последних антиколониальному движению в ряде

случаев приводило к вооруженной борьбе, как например, вмешательство режима апартеида в ЮАР в ход гражданской войны в Анголе после 1975 года. Данные обстоятельства отвлекали доступные экономические средства и сокращали темпы экономического роста африканских государств. Только ликвидация последней в Африке самоуправляющейся территории в 1994 году позволили сместить фокус деятельности ОАЕ с координации политического взаимодействия между странами к координации процесса экономической интеграции.

Следует указать, что несмотря относительно малую вовлеченность в управление процессом экономической интеграции в рассматриваемый период, со стороны ОАЕ в 1991 году был принят Договор об установлении Африканского Сообщества. Его значимость заключается в том, что он обозначил общее видение ОАЕ целей и задач экономической интеграции. Так, создание Африканского Сообщества предусматривало введение единых правил международного взаимодействия стран Африки между собой и с третьими странами. Общий рынок, введение единого торгового и таможенного режима рассматривались как необходимые условия формирования указанного объединения [9, р. 21]. Отличительной особенностью Сообщества от уже существующих на континенте заключается в том, что его действие предполагалось распространить на все страны континента, в отличие от РЭС, которых по географическому признаку следует отнести к субрегиональным международным организациям.

Масштаб планируемого регионального сообщества ставил перед ОАЕ на тот момент задачу приведения к единому образцу различных программ экономической интеграции, исполняемых существующими РЭС. Однако, между АС и РЭС уже существовали предпосылки, облегчающие задачу гармонизации и координации программ экономического развития. Например, ранее в настоящем исследовании уже упоминалось наличие принципов построения организации, содержание которых не противоречило таковым из Устава ОАЕ. Более того, создаваемые во второй половине XX в. на континенте субрегиональные экономические организации рассматривали экономическую интеграцию как средство для достижения цели создания устойчивого экономического развития. При этом, в создаваемых организациях в основу указанного движения в сторону переплетения экономических связей между странами и народами легла именно капиталистическая модель. В соответствии с договорами о создании Экономического Сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС) и Общего рынка стран Восточной и Южной Африки, общими моментами в деятельности объединений является декларация намерения либерализации торговли, устранения тарифных и нетарифных ограничений для свободного перемещения товаров, капитала и рабочей силы, снятие ограничений на экспорт товаров, а также введение общего таможенного режима для торговли с третьими странами [10, р. 6].

Таким образом, на момент начала XXI в. интеграционный процесс на африканском континенте осуществлялся как РЭС, так и АС. Следуя по пути

капиталистической интеграции, что выражается в преимущественном развитии частного сектора экономики и создания благоприятных условий для деятельности частного капитала, этот процесс был однонаправленным, но протекал с различной скоростью, в зависимости от достижения целей РЭС, таких как создание Общего рынка или создания Валютного союза. На начальном этапе взаимодействие между различными акторами процесса интеграции осуществлялось, исходя из воли самих акторов, а не центральной структуры.

Следующий этап в развитии экономической интеграции в Африке разворачивается по мере становления общих институтов для координации процесса региональной интеграции. Предпосылками для подобной централизации является декларируемая АС цель создания единого на континенте Африканского Сообщества. Изменившиеся условия международной жизни в регионе, по сравнению с 90-ми гг. XX в. обусловили активное включение АС в процесс экономической интеграции. Это вовлечение стало оформлено в Протоколе об отношениях между АС и РЭС, принятом в 2008 году. В соответствии с положениями документа, Союз берет на себя обязанности по координации, гармонизации программ экономического развития, которые реализуют Региональные сообщества. Для этого подписавшие протокол руководство РЭС обязуется предоставить представителям АС доступ к информации о состоянии реализации экономических, инфраструктурных и других программ. Это необходимо для более полного понимания состояния процесса интеграции в конкретном регионе [11, р. 9].

Далее, рассматриваемый протокол предоставляет равные права представителям АС по сравнению с членами самого Сообщества. Таким образом, представители Союза могут принимать участие в выработке решений, принимаемых Сообществом. Следует отметить, что аналогичными полномочиями были наделены представители Сообществ при АС. Следовательно, не только условный «центр» в лице АС, но представители РЭС также могут принимать участие в выработке решений центральной региональной организации. Однако, в соответствии с положениями рассматриваемого протокола, АС оставляет за собой право воздействия на решения РЭС посредством санкций в том случае, если эти решения нарушают принципы учредительного документа Союза [11, с. 13].

Протокол об отношениях между АС и РЭС действительно можно считать началом нового этапа экономической интеграции в Африке, поскольку с момента принятия протокола она начала строиться не только в рамках малосвязанных между собой субрегиональных объединений, но в рамках единой системы региональных межправительственных институтов. Данный документ положил начало процессу вхождения РЭС в систему АС, а сам процесс региональной интеграции на континенте приобрел центральную структуру, координирующую направление и ход всего указанного процесса.

Вхождение РЭС в систему АС не означает полного подчинения первых решению «центра». Наоборот, Союз стремится сохранить за собой

контрольную функцию за деятельностью региональных сообществ и использовать эти ограничительные полномочия только в случае отклонения от принципов устава. Упомянутое ранее единство прицелов построения и функционирования, что ОАЕ, что АС, что РЭС позволяют охарактеризовать применения контрольных полномочий со стороны «центра» как крайний случай. В вопросах дальнейшего развития интеграционного процесса представители АС стремятся использовать передовой опыт и наиболее успешную практику самих РЭС. Более того, успехи деятельности Сообществ можно проследить. Так, в соответствии с данными COMSTAT, на момент 1997 года объем экспорта стран Общего рынка стран Восточной и Южной Африки вне объединения составил 29,6 млрд. долл. В этот же год объем внутренней торговли объединения был на уровне в 1,889 млрд. долл. В 2023 году общий объем экспорта вовне составил 187 млрд. долл. (рост в 6,3 раз), а объем внутренней торговли составил 14 млрд. долл. (рост в 7,4 раза) [12]. Приведенные данные демонстрируют прогресс в увеличении объемов торговли как с третьими странами, так и в рамках Общего рынка. По данной причине, АС использует наиболее эффективный опыт и практики РЭС. Более того, пример создания АфКЗСТ свидетельствует о том, что именно практики, реализуемые Сообществами и доказавшие свою эффективность, ложатся в основу процесса экономической интеграции, реализуемой уже на более высоком – региональном – уровне.

Таким образом, в результате реформирования отношений между АС и РЭС был начат процесс превращения региональных сообществ в часть системы органов Союза. В соответствии с материалами деятельности последней, Сообщества являются «строительными блоками» всего Африканского союза [13, р. 144].

Тем не менее, возникает вопрос относительно необходимости реформирования отношений между региональными и субрегиональными структурами на континенте. Ответ на него кроется в самих успехах, достигнутых Сообществами. Приведенные ранее данные показали, что объем экспорта стран Общего рынка за период в 1997 года по 2023 увеличился в 6 раз, а объем внутреннего экспорта – в 7 раз. Однако, проведя сравнение этих двух величин с целью выявления масштабов внутренней торговли, то мы увидим, что на момент 1997 года этот показатель составлял 6,3%, а в 2023 году он составил – 7,4%. Отсюда мы можем заключить, что несмотря на увеличение объемов экспорта как в третьи страны, так и внутри объединения, доля связанности африканских экономик остается все еще на низком уровне. Большой степенью привязанности страны Общего рынка обладают по отношению к своим внешним торговым партнерам. В соответствии с данными COMSTAT, крупнейшими торговыми партнерами стран Общего рынка стран Восточной и Южной Африки на момент 2023 года являлись страны ЕС, а также КНР [14].

Если обратить внимание на другую составляющую экономического развития в рамках Общего рынка – объем иностранных инвестиций – то мы

видим следующую картину: на момент 2020 года общий объем ПИИ в Египте составил 5,8 млрд. долл. (42% от общего объема), в Эфиопии – 2,4 млрд. долл. (17%), в ДРК – 1,6 млрд долл. (12%), в Уганде – 0,823 млрд. долл., (5%) в Судане – 0,717 млрд. долл. (5%) [15]. Таким образом, на 5 стран приходится 81% от общей суммы зарубежных инвестиций. Приведенные данные свидетельствуют о том, что для стран континента все еще актуальной является проблема неравномерности развития. Деятельность существующих РЭС не смогла привести к разрешению данной ситуации. Следовательно, деятельность РЭС может играть свою положительную роль в развитии процессов экономической интеграции, что было продемонстрировано на примере увеличения объемов экспорта в третьи страны и внутри сообщества. Однако, разрешение наиболее устойчивых внутренних проблем стран Африки требует объединения усилий каждой страны континента. Так, в 2019 году в рамках при содействии АС была создана Африканская континентальная зона свободной торговли. Его значимость заключается в том, что, в отличие от зон свободной торговли, устанавливаемой в рамках РЭС, АфКЗСТ продвигает единый для всех африканских стран, подписавших соглашение о создании Зоны, проект экономической интеграции. Следует заметить, что этот проект преследует цель создания единого Африканского Сообщества, а становление континентального общего рынка является первым этапом на пути к указанной цели.

Учитывая единство принципов, АС и его составных частей в лице РЭС, а также схожесть модели интеграции, необходимо указать, что продвигаемая в рамках Союза деятельность не должна ограничиваться одной лишь экономической стороной развития Африки. В соответствии с данными ООН, в Африке находится 34 из 48 наименее развитых стран. При этом, в силу указанной проблемы неравномерности развития, а также проблемы роста имущественного неравенства, простое увеличение объема торговли, выраженное в росте ВВП и других факторах, относительно мало влияет на социальную сферу африканских государств [16]. По этой причине, улучшение экономических показателей следует подкреплять развитием социальной инфраструктуры и улучшения условий жизни граждан. В данном отношении, показательна позиция руководства нигерийского профсоюза «Nigerian Labor Congress». Суть ее можно выразить следующим образом: профсоюзным активистам не следует выступать против создания АфКЗСТ как таковой. Задача NLC заключается в том, чтобы использовать существующие механизмы обратной связи, чтобы принять в рамках АС решения, отражающие интересы трудящихся. В противном случае, разворачивание экономической интеграции будет вестись в интересах частного капитала [17, р. 33].

Таким образом, основными двигателями процесса экономической интеграции на африканском континенте в начале XXI являются Африканский союз и 8 региональных экономических сообществ. Каждый из указанных акторов сохраняет внутреннюю обособленность, как от других РЭС, так и от АС. В 2008 году произошло сближение между указанными организациями. Если раньше процесс экономической интеграции в целом был

однаправленным, но внутренне несогласованным, т.к. осуществлялся только силами РЭС без единых координирующих органов, то для современного этапа экономической интеграции в Африке характерно наличие АС, действующего в качестве регулятора и координатора процесса региональной интеграции.

РЭС стали частью системы АС, однако они не утратили возможностей для реализации собственного видения экономической интеграции, поскольку каждое Сообщество имеет равные права с представителями государств и органов АС при выработке решений относительно экономической интеграции. Следует также добавить, что сам «центр» в лице АС активно использует наиболее эффективные модели экономического развития, которые до этого были использованы в рамках РЭС.

Опыт РЭС показал, что данные межправительственные институты могут способствовать экономическому росту стран-членов. Однако, простым улучшением экономических показателей невозможно разрешить такие внутренние устойчивые проблемы развития стран Африки как неравномерность развития. Это означает, что продвигаемая в настоящий момент в рамках РЭС и АС модель интеграции не должна ограничиваться только экономической стороной, но и охватывать другие сферы жизни общества, поскольку отсутствие прогресса в одних областях может отрицательно повлиять на развитие остальных областей.

Список источников и литературы:

1. Морозенская Е.В. «Новый регионализм» в Африке: форма приспособления к глобализации или попытка противодействия современному неокOLONIALИЗМУ? / Е. В. Морозенская // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – Т. 12. – № 4. – 2019. – С. 209 – 227. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41481934_29011514.pdf (дата обращения: 21.08.2025).

2. Медушевский Н.А. Африка перед вызовом глобализации / Н.А. Медушевский // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 5А. С. 107 – 118. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44721950_20226571.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

3. Калинина Л. П. О некоторых аспектах влияния глобализации на экономику Африки / Л. П. Калинина // Внешнеэкономический бюллетень. - №1. – 2005. – С. 31 – 37. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_11846866_20594613.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

4. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Грогорьева и В. Седельника; Общая редакция и послесловие А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001 – 304 с.

5. Нейсбит Д. Мегатренды / Д. Нейсбит; Пер. с англ. М. Б. Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак». 2003. – 380 с.
6. Хартия Организации Африканского Единства // Азия и Африка сегодня. – №7. –1963. – С. 56 – 59.
7. Организация африканского единства: (история создания и деятельности) / АН СССР; Ин-т Африки; [отв. ред. Р. А. Тузмухамедов; сост.: Е. В. Кукушкин, Р. А. Тузмухамедов]. – М.: Наука, 1970. – 303 с.
8. Lagos plan of action for the economic development of Africa 1980-2000 // Organization of African Unity. – 1980. – 104 p. – URL: link (дата обращения: 18.08.2025).
9. Treaty Establishing the African Economic Community // Organization of African Unity. – 1991. – 71 p. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/37636-treaty-TREATY_ESTABLISHING_THE_AEC-compressed.pdf (дата обращения: 18.08.2025).
10. Economic Community of West African States Revised Treaty // ECOWAS Commission. – 1993. – Abuja, Nigeria. – 51 p. – URL: link (дата обращения: 18.08.2025).
11. Protocol on relations between the African Union (AU) and the Regional economic communities (REC's) // African Union. – 27 January 2008. – URL: https://tanzlii.org/akn/aaaau/act/protocol/2008/relations_between_au_and_recs/eng@2008-01-27 (дата обращения: 20.08.2025).
12. Intra-COMESA and Global COMESA total exports // COMSTAT Data Hub. – 27 November 2023. – URL: <https://comesa.opendataforafrica.org/xckdkcg/intra-comesa-and-global-comesa-total-exports#> (дата обращения: 20.08.2025).
13. African Union Handbook 2023 // African Union Commission and New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade/Manatū Aorere. – Tenth edition. – 2023. – 266 p. – URL: <https://au.int/en/handbook> (дата обращения: 20.08.2025).
14. COMESA top export markets // COMSTAT Data Hub. – 01 December 2022/ – URL: <https://comesa.opendataforafrica.org/xuoehs/comesa-top-exports-markets> (дата обращения: 20.08.2025).
15. FDI in COMESA // COMSTAT Data Hub. – 20 March 2019. – URL: <https://comesa.opendataforafrica.org/zpwxg/fdi-in-comesa?reporter=Egypt> (дата обращения: 20.08.2025).
16. Организация Объединенных Наций и наименее развитые страны. Сдерживающие факторы // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/development/ldc/constraints.shtml> (дата обращения: 22.08.2025).
17. Joe Ajaero Workers Rights and Socioeconomic Justice / Joe Ajaero, Festus Osifo // State of the struggle: a publication of the Nigerian Labour Council. – May,

2023. – 61 p. – URL: <https://www.nlcng.org/wp-content/uploads/2023/05/NLC-Magazine-April-1.pdf> (дата обращения: 23.08.2025).

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК: 32.019.5 + 316.7

DOI: 10.5281/zenodo.17722744

EDN: YINTVQ

Д.В. Посредников

кандидат исторических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: posrednikov.d@mail.ru

И.П. Ильницкий

магистр политологии

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: ifilatov015@gmail.com

РУССКИЙ МИР В НАУЧНОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация

В статье анализируются подходы к интерпретации концепции Русского мира. Рассматривается историческая эволюция концепции, её роль в формировании идентичности и геополитические аспекты. Выявлены сильные и слабые стороны концепции. Подчёркивается необходимость модернизации подходов для адаптации к условиям глобализации.

Ключевые слова: *Русский мир, русская идентичность, культурная идентичность, православие, геополитика, социокультурный подход, русская цивилизация.*

Summary

The article analyzes approaches to the interpretation of the concept of the Russian World. It examines the historical evolution of the concept, its role in shaping identity, and its geopolitical aspects. The article identifies the strengths and weaknesses of the concept. It emphasizes the need to modernize approaches in order to adapt to the conditions of globalization.

Keywords: *Russian World, Russian identity, cultural identity, Orthodoxy, geopolitics, sociocultural approach, Russian civilization.*

Актуальность проблемы обусловлена тем, что в последние десятилетия концепция Русского мира стала ключевым объектом научного и общественного дискурса. Она отражает трансформации постсоветского пространства и

переосмысление русской идентичности. Концепция объединяет культурно-цивилизационные, исторические и геополитические аспекты. Она выступает инструментом формирования идентичности и реализации «мягкой силы» [8]. Многослойность феномена порождает разнообразие подходов к его интерпретации. В то же время вопрос об эффективности концепции (в ситуации гибридной войны) поднимает тему необходимости её дальнейшей разработки и адаптации к меняющимся условиям.

Цель статьи: выявить роль «Русского мира» в современном научном и социокультурном пространстве.

Понятие «Русский мир» впервые появилось в XI веке в «Слове на возобновление Десятинной церкви», где оно означало земли, находящиеся во владении русских князей, а также народ, собранный православной верой [19]. В XIX веке министр народного просвещения С.С. Уваров попытался возродить идею «Русского мира», видя в нем прежде всего культурно-языковое пространство Российской империи [11]. В то же время драматург А.Н. Островский трактовал «Русский мир» как сообщество православных христиан, объединённых верой, обрядами и обычаями [15]. На этом этапе идея развивалась фрагментарно, ограничивалась рамками государства.

Современное понимание «Русского мира» начало формироваться с первой послереволюционной волной массовой русской эмиграции, которая способствовала распространению русской культуры за рубежом. После распада СССР, когда за пределами России оказалось около 25 млн русских людей (17,4% от общего числа населения СССР), когда советское общество распалось, бывшие советские, русские, а теперь граждане новообразованных республик, не желая слиться с «титульной нацией» или превратиться в людей второго сорта, определились как русские, православные.

Е.А. Пенькова в изучении феномена «Русского мира» систематизировала подходы, выделив: этноконфессиональное, глобалистское и социокультурное направления анализа [17].

Этноконфессиональное направление, представлено трудами таких учёных, как Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробизева и В.А. Тишков, фокусирует внимание на роли русского языка, православия и культуры [20]. Арутюнян анализирует «Русский мир» через призму взаимодействия русской этничности и религиозной традиции, акцентируя внимание на роли диаспор в сохранении культурного наследия [7]. Данный подход подчёркивает значение межэтнических связей и православия как объединяющего фактора на постсоветском пространстве.

Глобалистское направление, разрабатываемое П.Г. Щедровицким, С.Н. Градиловским и Б.В. Межуевым, рассматривает «Русский мир» как геокультурный и геополитический проект [2]. Щедровицкий утверждал, что численность русских за рубежом сопоставима с их численностью в России и предложил взгляд на «Русского мира» как на феномен социокультурной реальности, объединяющей русских в России и за её пределами [24]. С.Н. Градиловский и Б.В. Межуев делали акцент на интеграционной функции

«Русского мира», видя в ней инструмент сближения России с постсоветскими странами и государствами «третьего мира» [10].

Социокультурное направление, представленное В.Н. Ивановым, В.К. Сергеевым и Н.А. Нарочницкой, описывает «Русский мир» как многогранное явление с институциональными основами [6]. Иванов настаивает на необходимости целостной концепции, которая бы учитывала историческую эволюцию феномена и включала анализ ценностей, правосознания, отношения к богатству и власти [7]. Нарочницкая рассматривает «Русский мир» как инструмент сохранения исторической памяти и идентичности в условиях глобальных вызовов, подчёркивая роль культурных и образовательных институций [12]. Этот подход акцентирует значение «Русского мира» для формирования идентичности современного российского общества.

Концепция «Русского мира» часто сопоставляется с русской цивилизацией, но между ними существуют различия. Английский историк А.Тойнби выделял самобытную православную русскую цивилизацию [22]. Славянофилы, Н.Я. Данилевский и Ф.М. Достоевский, видели миссию русской цивилизации в последующем во времени духовном лидерстве человечества [3]. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» противопоставил западное мировоззрение русскому, опирающемуся на православную традицию [4].

В.А. Никонов считает «Русский мир» особой цивилизацией, выходящей за рамки этнических, территориальных и религиозных границ [14]. В целом, понятия «Русский мир» и «Русская цивилизация» близки, а различаются в следующем. Русская цивилизация объединяет народы, разделяющие православные ценности; теоретически она универсальна, практически, ограничена сферами влияния инославия [25].

К сильной стороне «Русского мира» следует отнести направленность на сохранение культурной идентичности (этнос, язык, традиции). Это соответствует аналогичным концептам. «Русский мир» объединяет русскоязычных православных, а также тех, кто, не являясь этнически русским, ощущает связь с Россией и русской культурой [16].

В первые десятилетия после распада СССР Россия влияла на постсоветские страны через культурные центры, образовательные программы и медиа-инициативы [20]. Это укрепляло связи с регионами, где проживало русскоязычное население. Однако со временем, на постсоветском пространстве приоритет в организации взаимодействия был отдан крупному бизнесу; со средним классом, интеллигенцией и молодежью за рубежом Россия не работала, что не могло не сказаться на эффективности усилий по реализации соответствующих программ.

Религиозный аспект мог бы сделать концепцию привлекательной для народов, разделяющих православные ценности [18]. Стоит заметить, с 1990-х и до начала 2000-х годов существовало единое православное пространство. Однако в связи со спецификой религиозной ситуации на Украине, с последующим разделением в мировом православии (по линии Московский

патриархат – Константинопольский патриархат) для православной цивилизации всё оказалось не так однозначно.

Слабая сторона концепции, прежде всего, видится в неоднозначности её восприятия вовне. На постсоветском пространстве благодаря усилиям геополитических соперников России и национальных элит постсоветских республик «Русский мир» воспринимается и как символ русского единства и как инструмент русской экспансии [5]. В продвижении «Русского мира» важную роль играют институты, выступающие как инструмент «мягкой силы». Например, Россотрудничество способствует гуманитарному взаимодействию и распространению русской культуры в постсоветских странах. Потенциал концепции был ограничен отсутствием системной и волевой политики «мягкой силы». С позиции постсоветских элит новообразованных государств с определенного момента активность «Русского мира» могла быть воспринята как угроза нацбезопасности, как препятствие центробежным силам осуществить дрейф в направлении Запада, Турции или Китая [13].

В период СВО в условиях западных санкций были заблокированы СМИ («Россия сегодня» и «Спутник»). В результате, для продвижения российской позиции на Западе, могли, при наличии, проявить эффективность англоязычные инфлюенсеры и соцсети.

Недоработка концепта затрудняет его реализацию. Так, до сих пор отсутствует консенсус о содержании «Русского мира» — должен ли он быть «русским» или «российским», ориентированным на православие или на современную культуру [21].

Для реализации потенциала «Русского мира» необходимо следующее:

- разработка системной и последовательной политики, с учётом внутренних и внешних вызовов;
- модернизация инструментов: использование социальных сетей и интерактивных форматов для привлечения молодежи и адаптации к современным медиа-реалиям.

Эти меры позволят адаптировать концепцию к условиям XXI века, усиливая её роль как инструмента культурного и геополитического влияния.

Заключение. «Русский мир» — многослойный феномен, объединяющий культурные, религиозные и геополитические аспекты, он укрепляет культурную идентичность, поддерживает историческую преемственность, служит инструментом «мягкой силы». Для успешной реализации в современном контексте необходимы модернизация подходов, разработка чёткой стратегии и дальнейшие исследования, учитывающие глобальные и локальные факторы. Только при этих условиях концепция сможет сохранить актуальность и реализовать свой потенциал в условиях глобализации.

Список источников и литературы:

1. Арутюнян Ю.В. Русский мир и этническая идентичность / Ю.В. Арутюнян // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 4. – С. 15 – 25.

2. Градировский С.Н. Геокультурный выбор России / С.Н. Градировский, Б.В. Межуев. – URL: http://www.archipelag.ru/geoculture/new_ident/geocultruss/choice/ (дата обращения: 22.06.2025).
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: роман в четырёх частях с эпилогом / Ф.М. Достоевский. – URL: <https://ilibrary.ru/text/1199/p.1/index.html> (дата обращения: 22.06.2025).
5. Дробижева Л.М. Русский мир: восприятие и вызовы / Л.М. Дробижева // Социологические исследования. – 2010. – № 8. – С. 25 – 35.
6. Иванов В.Н. Русский мир: концепция и реальность: доклад на совместном заседании уч. советов ИСПИ РАН, РГСУ, МИСКП 23 мая 2007 г. / В.Н. Иванов. – М., 2007.
7. Иванов В.Н. Русский мир: ценности и вызовы / В.Н. Иванов // Вестник РАН. – 2008. – № 4. – С. 12 – 20.
8. Козловцева Н.А. Формирование образа русского мира в современных условиях: потенциал гуманитарного сотрудничества: дис. ... канд. культ. / Н.А. Козловцева. – М., 2018. – 256 с.
9. Ксенофонтов В. Геополитические аспекты Русского мира / В. Ксенофонтов // Геополитика. – 2009. – № 3. – С. 18 – 27.
10. Межуев Б.В. Русский мир как геокультурный проект / Б.В. Межуев // Русский журнал. – 2007. – № 5. – С. 22 – 30.
11. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории / Н.А. Нарочницкая. – М.: Международные отношения, 2005. – 536 с.
12. Нарочницкая Н.А. Русский мир и историческая память / Н.А. Нарочницкая // Вестник Европы. – 2006. – № 17. – С. 45 – 55.
13. Неклесса А.И. Русский мир в глобальном контексте / А.И. Неклесса // Глобализация и Россия. – 2005. – № 1. – С. 32 – 40.
14. Никонов В.А. Не воспоминание о прошлом, а мечта о будущем / В.А. Никонов // Смыслы и ценности Русского мира. – URL: <https://russkiymir.ru/events/docs/Смыслы%20и%20ценности%20Русского%20мира%202010.pdf> (дата обращения: 22.06.2025).
15. Островский А.Н. Русский мир как человеческое сообщество. – URL: <http://www.russkiymir.ru/docs/ostrovsky> (дата обращения: 22.06.2025).
16. От русского мира – к миру православному / Е.А. Пенькова. – URL: <http://возрождение2014.рф/page/122> (дата обращения: 22.06.2025).
17. Пенькова Е.А. Русский мир: социологический анализ / Е.А. Пенькова // Вестник РГГУ. – 2010. – № 5. – С. 45 – 60.
18. Сергеев В.К. Православие и Русский мир / В.К. Сергеев // Вестник РГГУ. – 2007. – № 6. – С. 33 – 42.
19. Слово на обновление Десятинной церкви / пер. с древнерус. Ю.А. Бегунов. – URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35613.php> (дата обращения: 22.06.2025).

20. Тишков В.А. Русский мир: смысл и стратегии / В.А. Тишков // Стратегия России. – 2007. – №3. – URL: <http://www.etnograf.ru/node/6271> (дата обращения: 22.06.2025).

21. Тишков В.А. Этнические аспекты Русского мира / В.А. Тишков // Этнология. – 2009. – № 2. – С. 10–18.

22. Тойнби А. Постигание истории / А. Тойнби, пер. с англ. – М.: Айрис-Пресс, 2002. – 640 с.

23. Чернышёв С.Б. Русский мир как цивилизация / С.Б. Чернышёв, Г.О. Павловский // Русский журнал. – 2006. – № 2. – С. 34–45.

24. Щедровицкий П.Г. Русский мир. Возможные цели самоопределения / П.Г. Щедровицкий. – URL: http://www.archipelag.ru/authors/shedrovicky_petr/?library=2015 (дата обращения: 04.05.2025).

25. Ядов В.А. Русский мир и современные медиа / В.А. Ядов // Медиа и общество. – 2011. – № 4. – С. 12–20.

ВОПРОСЫ ДЕНАЦИФИКАЦИИ

УДК 94(47).084

DOI: 10.5281/zenodo.17722810

EDN: VNYSVG

Ю.Б. Николаев

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: iu.nikolaev@donnu.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ И ФАКТЫ ПЕРИОДА РАЗРУШЕНИЯ СССР

Аннотация

Более 30 лет назад был разрушен СССР. До сих пор не умолкают споры о том, был ли этот процесс самопроизвольным, либо он стал результатом действий заинтересованных лиц или сил. В статье исследуются ряд событий и фактов, имеющих признаки антигосударственных действий, которые привели к разрушению Советского Союза.

Ключевые слова: перестройка, распад СССР, референдум, Беловежское соглашение, Содружество независимых государств, государственная безопасность

Summary

The USSR was destroyed more than 30 years ago. There is still a debate about whether this process was spontaneous, or whether it was the result of the actions of interested parties or forces. The article examines a number of events and facts that have signs of anti-state actions that led to the destruction of the Soviet Union.

Keywords: perestroika, collapse of the USSR, referendum, Belovezhskaya Accord, Commonwealth of Independent States, state security.

Актуальность настоящего исследования определяется сложностью и неоднозначностью событий, произошедших на рубеже 80-х и 90-х гг. XX столетия, сыгравших роковую роль в судьбе великой страны и породивших значительное количество противоречий между возникшими на её руинах новыми независимыми государствами, а также важностью анализируемых событий и их последствий для государственной безопасности Российской Федерации. Сегодняшняя СВО призвана разрешить одно из таких противоречий. Отсутствие глубоких исследований разрушительных процессов этого периода препятствует всесторонней оценке безопасности

полиэтнического государства и предотвращению возможных военных конфликтов между бывшими советскими республиками.

Целью настоящей статьи является установление на основе анализа событий и фактов, имевших место в тот период, факторов, способствующих разрушению государства, которые могут возникнуть в будущем. Задачей настоящего исследования является проведение анализа таких событий и фактов, закрепленных в документах 1989 – 1991 гг.

Анализ научных статей показывает, что в подавляющем большинстве в них приводятся обобщающие выводы, которые трудно применить на практике

Широкий анализ порядка трех десятков научных исследований, посвящённых изучению распада СССР, проводит Е.И. Волгин. В результате своего исследования автор делает вывод о том, что представление о разрушении СССР в 1991 г. можно получить только в результате комплексного изучения всех публикаций по этому вопросу [1].

Резюмируя свое исследование «Причины краха советского строя: результаты предварительного анализа» профессор С.Г. Кара-Мурза отмечает: «Таким образом, крах СССР был следствием цивилизационного, мировоззренческого кризиса» [2, с. 215].

Профессор А.Н.Медушевский в статье «Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории» отмечает, что «...номинальный федерализм прекратил существование с юридической отменой однопартийной диктатуры и фактической утратой партийными структурами прежних рычагов влияния...» [3, с. 17].

Доктор юридических наук, политический аналитик З.А.Станкевич, считает, что «При наличии соответствующей политической воли, государственная машина СССР могла достаточно легко (без масштабного насилия) и в краткие сроки нейтрализовать любую внутреннюю угрозу существованию союзного государства» [4, с. 278].

В настоящем исследовании произведен глубокий анализ некоторых событий, которые ключевым образом повлияли на процесс распада СССР.

Изменения в уголовном кодексе

В советский период в уголовном существовали:

- ст. 70 УК РСФСР 1960 г. «Анτισоветская агитация и пропаганда»;
- ст. 190-1 УК РСФСР 1960 г. «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» [5].

В то время, как и сегодня, основным оружием антигосударственных элементов в борьбе с властью были разного рода измышления. Обе статьи использовались работниками 5-го Управления КГБ СССР в борьбе с подобными проявлениями.

Ст. 70. УК РСФСР 1960 г. присутствовала в нтм изначально, в то время как ст. 190-1 появилась позднее [6].

В сентябре 1989 г. ст. 190-1 УК РСФСР была упразднена, а ст. 70 была радикально изменена и стала именоваться «Призывы к насильственному изменению конституционного строя» [7].

Деятельность 5-го Управления КГБ СССР принято связывать с борьбой с идеологическими диверсиями, а также с защитой интересов КПСС. В определенной мере это было так. Но данные статьи являлись основными инструментами КГБ в СССР в борьбе с антигосударственными действиями деструктивных сил, например, националистов.

Коммунистическая идеология зашла в тупик не в результате действий так называемых диссидентов, а вследствие совсем иных обстоятельств. Программой, принятой XX съездом КПСС в 1961 г., планировалось создать в СССР материально-техническую базу коммунизма уже к 1980 г. [8, с. 65]. Документ завершает торжественное обещание: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» [8, с. 142]. Со временем стало очевидно, что коммунистическая идея К. Маркса «Каждый по способностям, каждому по потребностям» является утопией [9, с.21]. Потребности пролетариев времен К.Маркса и М.С.Горбачева сильно отличаются. Потребности самого К. Маркса и британских пролетариев при его жизни также сильно разнились.

Все эти лозунги и планы приведены в главе «Мы идем к коммунизму», расположенной в восьмом томе первого издания детской энциклопедии (1958 – 1962) [10]. На этой энциклопедии было воспитано целое поколение советских людей, ожидания которых не оправдались. Пик разочарования пришелся на 1980-е гг.

Практически синхронно с отменой указанных выше статей УК РСФСР с 8 по 10 сентября 1989 года в Киеве проходил учредительный съезд украинской националистической организации, именуемой «Народным Рухом Украины» за перестройку и ставшей главным организатором выхода Украины из состава СССР [11].

Последующий распад СССР показал, что изменения, принятые в УК РСФСР 11 сентября 1989 г., не соответствовали вызовам времени и не обеспечили безопасности государства [7]. Если до этого времени с технологиями Дж. Шарпа можно было бороться, то новая редакция ст. 70 УК РСФСР это полностью исключила. Практика показала, что призывы к насильственному изменению конституционного строя успешно заменили призывы к его развитию, совершенствованию и, наконец, перестройке.

Закон о выходе из СССР

Следующим этапом разрушения СССР стало принятие 3 апреля 1990 г. Закона «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» № 1409-I [12]. Он определял последовательность и содержание всех шагов такого выхода. До его принятия такая деятельность расценивалась как посягательство на территориальную неприкосновенность СССР и подпадала под действие ст. 64 УК РСФСР 1960 г. «Измена Родине». Принятый закон фактически отменял действие указанной статьи в части

нанесения ущерба территориальной целостности СССР и определял легальный путь выхода республик из состава СССР [5]. Так была легализована сепаратистская деятельность националистов и запущен процесс разрушения Советского Союза [12].

В ст. 2 закона указано: «Решение о выходе союзной республики из СССР принимается свободным волеизъявлением народов союзной республики путем референдума (народного голосования)» [12]. Из этого следует, что на референдуме должен обсуждаться вопрос выхода республики из СССР и ничто другое. В действительности ни одна из республик, в том числе и Российская Федерация, такого референдума не проводила.

Ст. 3. требует отдельного учета результатов голосования компактно проживающих национальных групп [12].

П. 7. ст. 14. требует согласования статуса территорий, не принадлежавших выходящей республике на момент ее вступления в состав СССР. Так Украина, включившая в советское время в свой состав исторические российские территории, такого согласования не произвела. Власти же Российской Федерации со своей стороны также не потребовали такого согласования [12]. Более того, подписали противоречащее российским интересам Соглашение о создании Содружества Независимых Государств [13].

Ст. 9. указывала, что Съезд народных депутатов СССР устанавливает переходный период, не превышающий пяти лет, в течение которого должны быть решены вопросы, возникающие в связи с выходом республики из СССР [12].

Беловежское соглашение

Подписание Беловежского соглашения происходило в усадьбе «Вискули» Шерешовского сельсовета Пружанского района Брестской области 08.12.1991 г. Поскольку в связи с ратификацией соглашения данный закон фактически утратил силу, представляется целесообразным ещё раз проанализировать возникшую ситуацию [13].

На момент подписания соглашения ни одна из его сторон не могла заявить о своем выходе из СССР, поскольку такие действия противоречили бы положениям закона «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР».

В тексте соглашения стороны констатируют, «что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование». При этом стороны никак не аргументируют свое утверждение, из каких источников им стало о данном факте [13]. Не подкрепленное аргументами утверждение выглядит неубедительно, а следовательно, может быть ошибочным. Ст. 80 Конституции СССР 1977 г. наделяла союзные республики правом участвовать в деятельности международных организаций, а также заключать договоры с иностранными государствами [14].

Наиболее интересным является предложение заключительной части соглашения: «Совершено в Минске 8 декабря 1991 года в трех экземплярах,

каждый на белорусском, русском и украинском языках, причем все три текста имеют одинаковую силу» [18].

Из этого следует, что на момент подготовки предварительного проекта соглашения, который первоначально готовился на русском языке, его авторы считали, что подписание окончательного варианта документа состоится в Минске. Кроме того, из текста проекта следует, что каждый экземпляр самого соглашения должен включать три варианта его текста на белорусском, русском и украинском языках [13]. В данном случае соглашение тремя колонками. К примеру, Брестский договор от 3 марта 1918 г. исполнен на пяти языках пятью колонками.

Исследователь Н. Иванов в своей статье «Последняя реликвия Советского Союза», опубликованной в газете Министерства обороны Республики Беларусь «Во славу Родины», № 241 20.12.2003 г., сообщал, что текст Беловежского соглашения печатала секретарь директора Биосферного заповедника «Беловежская пуща» Е.А. Патеичук на обычной печатной машинке «Оптим», которая может печатать только на одном языке. Машинка была доставлена из канцелярии заповедника [15]. Поэтому в условиях усадьбы «Вискули» стороны физически не могли подписать соглашения, каждый экземпляр которого должен был содержать тексты на трех языках.

Приведенная информация опровергает инсинуации по поводу утраты оригиналов Беловежского соглашения. Очевидно, что стороны считали подписанием соглашения то, что на самом деле явилось парафированием проекта соглашения.

Можно определенно говорить о том, что действия членов всех трех делегаций шли вразрез с положениями закона «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 03 апреля 1990 г. [13]. Сегодня данный закон считается утратившим силу на основании ратификации Беловежского соглашения Верховным Советом РСФСР 12 декабря 1991 г.

Но если закон «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» утратил силу 12 декабря 1991 г., то действие ст. 64 «Измена Родине» УК РСФСР 1960 г. в части нанесения ущерба территориальной целостности СССР вновь приобрело юридическую силу [13]. Под действие данной статьи подпадают все лица, участвовавшие в подготовке и подписании Беловежского соглашения [5].

Важным моментом встречи в Беловежской пуще стал телефонный разговор между Б.Н. Ельциным и Дж. Бушем, произошедший по инициативе российской стороны спустя десять минут после подписания подготовленного документа, который тогда они считали оригиналом соглашения [21].

Б.Н. Ельцин сообщил президенту США о подписании Россией, Украиной и Беларусью соглашения «О создании содружества независимых государств». Российский Президент сообщил своему собеседнику о своем желании проинформировать Дж. Буша о данном событии до его освещения в прессе. Он также подчеркнул, что М.С. Горбачев еще не владеет данной информацией [16].

12 декабря 1991 г. Верховный Совет РСФСР ратифицировал несуществующее соглашение.

Манипуляции на референдуме

Еще одним из наиболее разрушительных для СССР событий стал всеукраинский референдум по подтверждению Акта провозглашения независимости 1 декабря 1991 г. Победа националистов была обеспечена использованием манипуляции лингвистического характера.

«4 августа 1991 г. Верховный Совет УССР принял два документа Акт провозглашения независимости Украины [17] и Постановлению «О провозглашении независимости Украины» [18]. Оба документа касались вопроса провозглашения независимости, но при этом противоречили друг другу.

Последнее предложение Акта провозглашения независимости Украины говорит: «Цей акт набирає чинності з моменту його схвалення» (рус. Этот акт вступает в силу с момента его одобрения).

Постановление «О провозглашении независимости Украины» указывает: «1 грудня 1991 року провести республіканський референдум на підтвердження акту проголошення незалежності» (рус. 1 декабря 1991 года провести республиканский референдум по подтверждению акта провозглашения независимости) [18].

Таким образом, референдум был организован не для одобрения Акта провозглашения независимости Украины, как того требовал текст, а с целью его подтверждения.

Слова *подтверждение* и *одобрение* не являются синонимами и имеют совершенно разное смысловое значение.

Постановлением Верховной Рады УССР от 11.10.1991 г. была утверждена форма бюллетеня референдума 01.12.1991 г. [8]

В бюллетене дословно воспроизводится текст Акта провозглашения независимости Украины, который указывает, что Акт вступает в силу с момента его одобрения. Сразу под данным текстом, игнорируя требование Акта, стоял вопрос «Подтверждаете ли Вы Акт провозглашения независимости Украины?» с вариантами ответов: «Да, подтверждаю» и «Нет, не подтверждаю».

Вопрос референдума включает в себе сразу целый ряд аспектов.

Во-первых, сам вопрос бюллетеня поставлен некорректно. В русском и украинском языках можно подтвердить только нечто, имеющее к существительному отношение: качества, действия в отношении его и т.п., но не само имя существительное. В вопросе референдума содержится недосказанность — что именно касательно акта должны подтвердить голосующие?

Во-вторых, отсутствие конкретизации, что именно относительно Акта должны подтвердить участники референдума, приводило их в недоумение. Давая ответ «Да, подтверждаю», голосующий подтверждал, что ему известно о факте существования Акта.

В-третьих, положительный ответ «Да подтверждаю» не свидетельствует о том, что голосующий одобряет Акт.

В-четвертых, отмеченная ранее недосказанность в вопросе референдума давала возможность его организаторам по их усмотрению говорить о том, что именно подтвердили участники референдума.

Расчет организаторов оправдался полностью. 90,32% принявших участие в голосовании на референдуме 1 декабря 1991 г. проголосовали положительно.

Технология политической манипуляции позволяла организаторам референдума вводить в заблуждение и украинцев, и мировое сообщество, представляя СМИ информацию следующим образом: «На референдуме по вопросу независимости Украины положительно проголосовало...», что создавало у стороннего наблюдателя впечатление, что Акт провозглашения независимости якобы был одобрен проголосовавшими.

На следующий день после референдума Польша и Канада признали независимость Украины, что на тот момент было грубым вмешательством во внутренние дела СССР.

Выводы.

1. Созданная на базе 5-го Управления КГБ СССР структура не смогла предотвратить распад Советского Союза.
2. Подписанием Беловежские соглашения руководство БССР, РСФСР и УССР нарушило закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из состава СССР» № 1409-І от 3 апреля 1990 г.
3. 12.12.1991 г. депутаты Верховного Совета СССР ратифицировали никогда не существовавшее Беловежское соглашение.
4. Ратификация Беловежского соглашения 12.12.1991 г. отменила закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из состава СССР» № 1409-І от 3 апреля 1990 г., и ст. 64 «Измена Родине» УК РСФСР 1960 г. в части нанесения ущерба территориальной целостности СССР вновь приобретало юридическую силу, в соответствии с чем все участники Беловежского соглашения могли быть привлечены к ответственности [12; 5].
5. В результате Всеукраинского референдума 1991 г. Акт провозглашения независимости Украины не был одобрен, а значит, в юридическую силу не вступил.
6. Постановкой некорректного вопроса в бюллетенях организаторы референдума лишили жителей Украины права одобрить или не одобрить Акт провозглашения независимости республики. Данные действия являются нарушением ст. 10 «Свобода выражения мнения» и ст. 17 «Запрещение злоупотреблений правами» Конвенции по правам человека 1950 года.

7. Признание Украины по результатам референдума Канадой и Польшей 02.12.1991 г. явилось их вмешательством во внутренние дела СССР.
8. Выход республик из СССР без согласования оставления за собой ранее принадлежавших им территория является нарушением п. 7 ст. 14 Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», что стало одной из причин военного конфликта между Украиной Российской Федерацией.
9. До вступления в юридическую силу Акта провозглашения независимости Украины от 24 августа 1991 года любая входящая в её состав территория вправе свою судьбу путем проведения собственного референдум о независимости.

Список источников и литературы:

1. Волгин Е.И. Проблема распада Союза ССР в современной научно-популярной литературе / Е.И. Волгин // Государственное управление. Электронный вестник. – Выпуск № 71. Декабрь 2018 г. – С. 163 – 185.
2. Кара-Мурза С.Г. Причины краха советского строя: результаты предварительного анализа / С.Г. Кара-Мурза // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 2. – С. 197 – 216.
3. Медушевский А.Н. Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории / А.Н. Медушевский // Российская история. – 2011. – № 6. – С. 3 – 30.
4. Станкевич З.А. История крушения СССР: Полит.-правовые аспекты / З.А. Станкевич; Ин-т нац. стратегии реформ. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 318 с.
5. Уголовный кодекс РСФСР / Министерство юстиции РСФСР. – М.: Госюриздат, 1960. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/2>.
6. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 сентября 1966 года «О внесении дополнения в Уголовный кодекс РСФСР». – URL: <https://base.garant.ru/1306638/?ysclid=m595de645i353672179>.
7. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 сентября 1989 года №12619-XI // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 14 сентября 1989 года. – №37. – ст. 1074.
8. Постановление Верховного Совета УССР «О форме бюллетеня для голосования на всеукраинском референдуме» // Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.). Том II Архивные документы и материалы / Под общ. ред. С.М. Шахрая. – М.: Кучково поле, 2016. – С. 624 – 625.
9. Маркс К. Критика Готской программы / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1959. – 72 с.
10. Детская энциклопедия. Т. 8. – М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1962. – 664 с.

11. Жильцов С.С. История современного украинского национализма / С.С. Жильцов // Вестник РУДН. Серия Политология. – 2014. – № 4. – С. 21 –36.
12. Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990 года № 1410-I. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6&ysclid=m5t7iccwhg755643019#K0KvdZUamjzvCPOR2>.
13. Соглашение о создании Содружества независимых государств. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/sng/1673617/.
14. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года. – М.: Политиздат, 1977. – URL: <https://statearchive.ru/467>.
15. Иванов Н. Последняя реликвия Советского Союза / Н. Иванов // Газета Министерства обороны Республики Беларусь «Белорусская военная газета. Во славу Родины». – № 241. – 20.12.2003. – URL: <https://bp21.org.by/ru/art/a031220a.html>.
16. Memorandum of Telephone Conversation, Bush – Yeltsin, December 8, 1991 // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/27272-document-9-memorandum-telephone-conversation-bush-yeltsin-december-8-1991>.
17. Акт проголошення незалежності України від 24.08.1991 // Голос України. – 27.09.1991. – 1991. – 27 серпня.
18. Постанова «Про проголошення незалежності України» від 24.08.1991 // Голос України. – 27.09.1991. Постанова Верховної Ради УРСР «Про проголошення незалежності України» від 24 серпня 1991 року № 1427-XII // Відомості Верховної Ради УРСР. – 1991. – № 50. – Ст. 607.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

УДК 94(477):392

DOI: 10.5281/zenodo.17726760

EDN: QFCFBN

О.Б. Пенькова

кандидат исторических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: moruzhenko63@mail.ru

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ДОНЕЦКОГО КРАЯ

Аннотация

В статье рассматривается роль казачества в истории Донецкого края: освоение земель Северного Приазовья и Среднего Подонцовья донскими и запорожскими казаками в начале XVI–XVII вв.; формирование на территории Подонцовья слободского казачества в XVII–XVIII вв.; появление в Приазовье Азовского казачьего войска в XIX в. Показана специфика взаимоотношений между различными казачьими формированиями, а также между казачеством и центральной властью в различные исторические эпохи. Отмечено влияние казачества на развитие культуры в Донецком регионе.

Ключевые слова: *Донецкий край, Донбасс, Северное Приазовье, Среднее Подонцовье, этническая история, донское казачество, запорожское казачество, слободское казачество, Азовское казачье войско.*

Summary

The article examines the role of the Cossacks in the history of the Donetsk region: the development of the lands of the Northern Azov region and the Middle Donets region by the Don and Zaporozhian Cossacks in the early 16th and 17th centuries, the formation of the Sloboda Cossacks in the Donets region in the 17th and 18th centuries; The emergence of the Azov Cossack Army in the 19th century in the Azov region. The article shows the specific nature of relations between various Cossack formations, as well as between the Cossacks and the central government in different historical periods. The influence of the Cossacks on the development of culture in the Donetsk region has been noted.

Key-words: *Donetsk region, Donbass, Northern Azov region, Middle Podontsovy, ethnic history, Don Cossacks, Zaporozhian Cossacks, Sloboda Cossacks, Azov Cossack Army.*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №25-18-01040

30 сентября 2022 года в состав РФ вошли четыре субъекта, а по сути Россия, опираясь на чаяния и твердое желание абсолютного большинства населения «новых» территорий, вернула свои исторические земли. Как и все регионы страны, они имеют свою этнокультурную специфику, которая формировалась исторически. Жители Донбасса и Новороссии являются потомками людей, верой и правдой служивших своему Российскому Отечеству на протяжении веков. Как высокоразвитый промышленный регион Донбасс формировался в рамках Российской империи после отмены крепостного права в конце XIX в. Наивысший взлет в экономическом, социальном и культурном развитии Донбасса приходится на советский период. Но осваиваться донецкие степи прямыми предками современных жителей Донбасса начали значительно раньше. Главная роль в этом процессе принадлежит казачеству. Именно его деятельность в Донецком крае формировала определенный культурный ландшафт, позволяя утверждать, что Донецкий регион – исконно российский.

Исследователи обращались к теме истории и культуры казачества, делая упор на изучение конкретных исторических событий и явлений, касающихся отдельных казачьих формирований. Представляется целесообразным сделать общий обзор роли казачества в судьбе региона, через его этническую историю.

Цель статьи – через призму этнической истории, рассмотреть освоение земель, которые сегодня мы называем Донбассом, различными казачьими формированиями в разные исторические эпохи, показать роль казачества в развитии культуры и духовности населения Донецкого края.

Географически территория современного Донбасса обозначается как Северное Приазовье и Среднее Подонцовье.

После распада Золотой Орды или Улуса Джучи, в конце XV – начале XVI вв. степи донецкого края стали своеобразным треугольным буфером между ногайцами и Крымским ханством с одной стороны, Великим княжеством Литовским – с другой и стремительно развивавшимся Русским государством – с третьей. В московской документации этого времени за землями между Доном и Днепром закрепилось название «Поле». С XVI в. река Северский Донец становится неофициальной границей между Московским государством и Крымским ханством, которое в 1580-х гг. став вассалом Порты, последовательно отстаивало агрессивные устремления Османов в Северном Причерноморье и Приазовье.

Через донецкие степи из Крыма в Московское государство вели три дороги (сакмы) – Муравская, Изюмская и Кальмиусская, по которым ежегодно крымцы и ногайцы совершали регулярные набеги в русские земли с целью захвата живого товара – «ясыря». Эта постоянно существовавшая внешняя угроза на южных рубежах Русского государства препятствовала экономическому развитию южнорусских территорий.

В самой Московской державе в это время шло усиление централизации, формировалась самодержавная власть. Это повлекло внутривнутриполитические преобразования и способствовало экономическим процессам, которые сформировали определенную социальную среду, готовую к вольной колонизации буферных территорий и способную ее реализовать. На Дон бежали представители разных сословий, не принявшие внутреннюю политику Московского государства, формировалось казачество как военизированное сообщество вольных людей. Именно донское казачество первым начинает осваивать Среднее Подонцовье, создавая засеки, сторожи, казачьи городки и юрты, а по сути – условия для продвижения Русского государства и появления здесь другой категории русского населения – государевых служило-ратных людей, которые шли за донскими казаками. Как защита от вторжений в XVI–XVII вв. на юго-западных границах Московского государства активно создавались фортификационные сооружения, включавшие сторожи, а также засечные черты, которые позже стали называть засечными линиями. Это способствовало более быстрой и системной колонизации региона. Донские казаки официально присягнули на верность царю Алексею Михайловичу 29 августа 1671 г., когда была проведена церемония крестоцелования [1]. К концу XVII в. на Дону окончательно сложилось казачество как служилое сословие.

До середины XVIII в. четкого разграничения земель донцев и запорожцев не существовало, угодий было достаточно, а угроза со стороны Крыма просто не допускала внутренних споров. Границу между казаками установила государыня императрица Елизавета Петровна по реке Кальмиус Указом Сената от 30 апреля 1746 г. Такая необходимость возникла из-за начавшихся в 1730-х гг. тяжб казаков по вопросам рыбных угодий, т.к. в ходе расширения территорий Российской империи и укрепления ее рубежей, активизировалась хозяйственная жизнь казачьего сословия. Сегодня левобережье г. Донецка (Калининский, Буденковский, Пролетарский районы), г. Макеевка, вся восточная часть ДНР и практически вся ЛНР расположены на исторических землях Области Войска Донского. Официально эта граница просуществовала до 1920 г. и была ликвидирована в процессе проведения советской административно-территориальной реформы [2, с. 221].

Несколько позже донцев, территорию региона начали осваивать запорожские казаки. Как войсковое сообщество, запорожцы сформировались раньше донцев, но они имели прямой выход в Черное море, и выход в Азовское море для них не был приоритетным. Появление запорожцев в Подонцовье было обусловлено исторически. В 1569 г. в результате Люблинской унии между Польским королевством и Великим княжеством Литовским, возникла Речь Посполитая – государство, проводившее очень жесткую политику закрепощения (через введение фольварковой системы хозяйства), окатоличивание и полонизацию малороссийских селян, которые бежали от совершенно непосильного гнета туда, где можно было найти защиту и свободные земли. Система пограничных сторож и станиц, учрежденных Москвой, способствовала освоению этих территорий малороссийскими

селянами, сами себя они стали называли – черкасами, позаимствовав это название у запорожских казаков, подчеркивая этим свой статус свободного человека, дорого достававшийся после побега из Речи Посполитой.

Первые города будущего Донбасса – Маяцкий (Маяки), Тор (Славянск), Райгородок, Бахмут (Артемовск) возникали как русские пограничные военные поселения, с русским привлеченным населением, активно пополнялись за счет мигрантов из территорий Речи Посполитой и Гетманщины. В документах переселенцев называли черкасами, так они именовали себя и сами [3, с. 347].

Запорожское казачество имело отличную от других казачьих формирований структуру. В XVI–XVII вв. к запорожскому казачеству причисляли сечевиков (Войско Запорожское, по сути, мужской военный союз, их называли также низовым казачеством). Центром их дислокации была Сечь – военно-оборонительное сооружение, где они и проживали, в соответствии с установленным строгим Уставом. Одним из таких центров была крепость на острове Хортица. На территории Сечи строгойше было запрещено появление женщин. Запорожцами считали себя и казаки, проживавшие на территориях, контролируемых Сечью. Эти территории были разделены на паланки – административные единицы, которые в случае военных походов формировали военные подразделения. Казаков, проживавших за пределами Сечи, называли городовыми (иногда употреблялось название «гнездюки» – т.е. имевшие семьи), именно из них после Люблинской унии 1569 г. было составлено реестровое или приписное казачество (список поименно внесенных в реестр для получения жалования от польской короны постоянно менялся). Это казачество входило в Войско Запорожское городовое. Не внесенных в реестр казаков, живших за пределами Сечи, было гораздо больше чем сечевиков, и чем реестровых. Подонцовье и часть Северного Приазовья входили в Кальмиусскую паланку.

Земли нынешнего Донбасса справедливо считали своими и донцы, и запорожцы. В XVI в. в условиях противостояния с Крымом и Портой формируется прочное взаимодействие между Войском Запорожским и Войском Донским. В 1561 г. они совместно вышли по Дону в Азовское море и напали на Кафу. В 1569 г. донские и запорожские казаки вместе выступили против турецко-татарской эскадры, которая по Дону намеревалась попасть в Царицын и Астрахань. В 1574 г. совершили совместный поход на Азов, сожгли Аккерман. В совместных действиях запорожцев и донцев вырабатывалась единая тактика ведения боя, велась общая подготовка к морским и сухопутным походам [4, с. 165].

После Переяславской Рады 8 января 1654 г., и перехода территорий Войска Запорожского «под руку московского царя», заселение региона запорожцами и малороссийскими селянами значительно усилилось. Их поток активизировался во второй половине XVII в., как реакция на «Руину», так называлась тридцатилетняя гражданская война (1657 – 1687 гг.). Важным является замечание российского историка Е.Ю. Спицына, считающего, что рассуждения украинских коллег об «особом национально-автономном статусе Гетманщины» в составе Московского царства, не соответствует историческим

реалиям: «это была не национальная или региональная, а военно-сословная или военно-полковая автономия, проистекавшая из особого пограничного положения малороссийских земель, расположенных на границах с Крымским ханством и Речью Посполитой. Точно такая же военно-полковая автономия существовала и в землях Донского и Яицкого казачьих войск, которые, как и запорожские казаки, несли пограничную службу на южных рубежах Московского царства» [5].

Приблизительно в это же время, в середине XVII в. на территории Подонцовья появляется слободское казачество. Возникновение его принципиально отличалось от генезиса донцев и запорожцев, которые формировались под влиянием различных факторов самостоятельно, как вольные воинские союзы. Они долго сохраняли определенную независимость и свободу, имели систему самоорганизации и самоуправления, поддерживая образ «вольного казака» и вообще «казацкой вольницы».

Слободские казачьи полки создавались Российским государством из переселявшихся на его границы выходцев из Малороссии и Польши как военно-территориальные формирования с целью несения воинской службы на «украинных» или «окраинных» землях Русского государства. Поселенцы основывали слободы и хутора. Сначала было создано четыре полка – Сумской, Ахтырский, Харьковский и Острогожский. При царе Алексее Михайловиче они были причислены к Белгородскому разряду и стали именоваться «Слободскими украинскими казачьими полками», а край, заселенный ими – Слобожанщиной.

Слободские казачьи полки не поддерживали гетмана Запорожского войска Ивана Выговского, подписавшего в 1658 г. Гадячский договор, по которому Гетманщина входила в состав Речи Посполитой. Выговский фактически перешел на сторону поляков в разгар русско-польской войны 1654 – 1667 гг. Слобожане посчитали это предательством, выступив против гетмана на стороне Москвы.

В 1668 г. часть украинской шляхты, подстрекаемая Речью Посполитой и Оттоманской Империей, подняла мятеж под предводительством гетмана Ивана Брюховецкого, целью которого был разрыв союза с Россией. И в этот раз слобожане мятежников не поддерживали. В сражении под Змиевым объединенные слободские полки нанесли сокрушительное поражение войску Брюховецкого. Так слободское казачество выдержало проверку на верность Российской державе. В ходе многочисленных бунтов и восстаний, потрясавших Россию в XVII – XVIII вв., слободские казаки всегда оставались верны Российскому государству. Не поддерживали они и предателя Мазепу во время Северной войны, считая его изменником.

В 1688 г. стараниями полковника Харьковского слободского (черкасского) казачьего полка Григория Ерофеевича Донца (Донец-Захаржевского), выделяется самый молодой из слободских казачьих полков – Изюмский. Сформирован он был из переселенцев из Левобережной и Правобережной Украины (черкас). В 1695 и 1696 гг. слободские казачьи полки участвовали в Азовских походах Петра I. В Полтавской битве участвовали два полка –

Харьковский и Изюмский. Север ДНР (Славянский и Краснолиманский районы) и часть ЛНР – это территория Изюмского слободского казачьего полка.

Так, в XVI – XVII вв., донецкий край осваивался донским и запорожским казачеством, и на его землях формируется слободское (черкасское) казачество. Постоянная внешняя угроза, исходившая из Крыма, не только определила характер колонизации (это были военно-хозяйственные поселения), но и способствовала взаимопониманию, взаимовыручке населения. Это касалось и различных казачьих формирований. Одним из ярких примеров взаимодействия является «Азовское сидение» – оборона Азова донскими и запорожскими казаками от турецкой армии в 1637 – 1642 гг.

Однако, между казаками и центральной властью возникали напряженные отношения, которые затрагивали жизнь региона. В Смутное время часть и запорожских, и донских казаков поддерживали противников Русского государства.

Развитие Российской державы во второй половине XVII – XVIII вв. требовало от казаков не только преданности и верной службы, но и некоторого ограничения привычных свобод, дисциплины, что противоречило их вольному образу жизни и приводило к восстаниям. Примером такого масштабного конфликта между централизованным Русским государством и казаками стало восстание под предводительством Кондратия Афанасьевича Булавина 1707–1708 гг. Восстанию (бунту) предшествовал конфликт Войска Донского с Изюмским полком из-за спорных земель по реке Бахмут и её притокам, а также расположенных там солеварен. Еще в 1705 г. Кондратий Булавин с группой донских казаков захватил принадлежавшие изюмским казаками бахмутские солеварни, ограбил, побил и изгнал изюмцев. Изюмский наказной полковник Шуст пожаловался на Булавина в Москву. Правительство поддерживало изюмских казаков, которые начали заниматься в этом районе соляным промыслом раньше, чем донцы, построившие в 1702 г. свой Бахмутский городок (нынешний г. Артемовск), и, к тому же, слобожане всегда были верны русскому царю [6, с.215]. Когда в Бахмутский городок прибыл дьяк Алексей Горчаков с капитаном и отрядом солдат, чтобы по поручению правительства провести расследование инцидента, Булавин арестовал их. В подавлении восстания Кондратия Булавина участвовали Ахтырский, Изюмский, Сумской и Острогожский слободские казачьи полки. Донское войско было официально наказано. Часть земель Донского войска в верховьях Дона, по Осколу и по Северскому Донцу была передана слободским казачьим войскам, где на месте городков донских казаков слободские казаки ставили свои остроги, это надолго испортило отношения между слободскими и донскими казаками.

Возникали конфликты и между запорожскими казаками и центральным правительством, усилившиеся после возведения по распоряжению Петра I в 1701 г. крепости в Каменном Затоне. Россия стала контролировать передвижение крымских татар в Северном Причерноморье, что ограничивало своеволие Сечи. Казачья старшина начала искать покровительство у Порты и шведов. В марте 1709 г. гетман Мазепа заключил договор с Карлом XII против Петра I. В мае 1709 г. русские войска под командованием полковника П.И.

Яковлева взяли Сечь, а затем ее полностью разрушили и сожгли. Остатки сечевых запорожцев укрылись на подконтрольной Османам территории, в Приднестровье. С 1729 г. они стали проситься обратно в Российское подданство, и были прощены только государыней Анной Иоанновной, приславшей казакам милостивую Грамоту в августе 1733 г. Им было разрешено основать Новую Сечь, в которой они и проживали до полной ликвидации Запорожской Сечи в 1775 г.

На протяжении XVIII в. шло формирование Новороссии, в состав которой вошли земли Северного Приазовья и Подонцовья. Указом императрицы Екатерины II от 22 марта 1764 г. была создана административно-территориальная и войсковая единица – Новороссийская губерния. Активизировавшееся хозяйственное освоение новых территорий, передача их служилым сословиям, приходило в противоречие с интересами запорожцев. Из-за земельных споров они неоднократно громили поместья малороссийских помещиков и однодворцев, в частности, Славяносербию (сейчас Подонцовье ДНР и ЛНР) земли Великого Войска Донского (степные районы ДНР и ЛНР).

Кроме того, Екатерина II, памятуя о предательстве Мазепы, а также об участии запорожцев в восстании Емельяна Пугачева, манифестах Пугачева о восстановлении всех прав и вольностей Войска Запорожского Низового и даже Речи Посполитой, и узнав из показаний самого плененного Пугачева о его плане уйти в Запорожскую Сечь, приказала ее ликвидировать, и расформировать Войско Запорожское Низовое. Что и было исполнено. Позднее были окончательно упразднены институты гетманской власти.

Победы русского оружия в XVIII в. изменили судьбу Донецкого края. В 1774 г. был подписан Кючук-Кайнарджийский мирный договор, по которому степи Северного Причерноморья вошли в состав Российского государства, а в 1783 г. императрица Екатерина Алексеевна издала указ о присоединении Крыма к России, с этого времени земли Среднего Подонцовья и Северного Приазовья окончательно утратили значение буферной зоны между Российской и Османской империями, значительно усилилось экономическое развитие региона. В хозяйственной жизни активно участвовали казаки, проживавшие на этих территориях и верно служившие Российскому Отечеству.

В годы правления Екатерины II произошло реформирование Слободских казачьих полков в гусарские полки, которые сохранили прежние названия: Ахтырский, Сумской, Харьковский, Острогожский и Изюмский. Полки считались иррегулярными, казаки должны были прослужить в них 15 лет, за службу получая ряд привилегий. Служба для них была делом добровольным, но в составе гусарского полка. Казакам, не пожелавшим расстаться с вольницей, было предложено переселиться на Кубань или Кавказ (т.е. на границы России). Слободские гусарские полки (в том числе и Изюмский) участвовали в Отечественной войне 1812 г. и в Заграничном походе Русской армии 1813 – 1814 гг. Современные жители Славянского, Краснолиманского районов ДНР, части ЛНР – прямые их потомки.

В XIX в. в Северном Приазовье появляется новое казачье формирование, которое стало называться Азовским казачьим войском. Создано оно было в 1828 г. из вернувшихся в Россию казаков Задунайской Сечи, образовавшейся из переселившихся в Османскую империю запорожцев, после уничтожения в 1775 г. Запорожской Сечи. Во время русско-турецкой войны 1787–1792 гг. часть казаков вернулась в Россию и вошла в Черноморское казачье войско [7, с.267]. Оставшиеся верными султану запорожцы были переселены на земли, ранее занимаемые казаками некрасовцами в дельте Дуная. Отношения между ними не сложились. Бывшими запорожцами была создана Задунайская Сечь. С началом русско-турецкой войны 1828–1829 гг. 2 тысячи казаков задунайцев перешло на сторону России, захватив с собой военную канцелярию, походную церковь, казну, флаги и атрибуты власти – булаву и бунчук. Атаман задунайских казаков Осип Гладкий обратился с покаянием к императору Николаю I. По легенде государь помиловал казаков со словами: «Бог простит, Родина простила, и я прощаю». Казаки поклялись верой и правдой служить России. Слово свое они сдержали, очень хорошо показав себя в боевых действиях русско-турецкой войны. Десять казаков удостоились Георгиевских крестов. После окончания войны, высочайшим решением 1832 г. было предписано поселить казаков в Александровском уезде Екатеринославской губернии, и именовать их Азовским казачьим войском. Были также выделены средства: на личное обустройство – 50 000 руб. и 10 000 руб. на постройку зданий канцелярии, управы, домов наказного атамана, чиновников, медика, аптекаря и др. С 1835 г. административным центром был определен город Мариуполь. В 1837–1860 гг. войско насчитывало 10 конных сотен и флотилию, которая состояла из 30 небольших судов. Войско жило по Положению, установленному для донских казаков. Главной их обязанностью было несение пограничной и таможенной службы.

Казаки принимали участие в Крымской войне 1853 – 1856 гг. Их боевой задачей была охрана побережья Азовского моря. Когда англо-французская эскадра из 57 кораблей вторглась в охраняемые ими пределы, казаки, не имея артиллерии, не допустили высадки десанта противника. Героизм, слаженные совместные действия, боевой дух и казачья смекалка донцов и азовцев в районе Кривой косы (ныне поселок Седово Донецкой Народной Республики) позволили 12 июля 1855 г. посадить на мель английский пароход «Джаспер», захватить сигнальные книги, используемые англичанами и французами, флаги и артиллерийские орудия [8, с. 341–368]. За проявленный героизм и боевые подвиги Азовскому казачьему войску было пожаловано Георгиевское знамя «За храбрость и примерную службу в войне против французов, англичан и турок в 1853–1856 годах». Таким же белым Георгиевским знаменем с изображением государственного герба России было награждено и Войско Донское. Кроме этого, Георгиевские знамена получили отдельные Донские полки. Наградами были отмечены рядовые казаки азовцы и донцы.

Главным предназначением казачьих войск была охрана рубежей Российской империи, с изменением границ предполагалось менять расселение

служилых казаков. В 1862 г. было принято решение переселить желающих казаков на Северный Кавказ, на берега реки Кубани, в район Анапы. В 1864 г. Азовское казачье войско было официально расформировано, оно насчитывало на тот момент 6 тыс. человек. Все офицеры были причислены к потомственному дворянству, получив земельные наделы. Не пожелавшие переселяться рядовые казаки причислялись к мещанскому или крестьянскому сословию (по выбору) с получением 9 десятин на душу мужского пола. Современное население Новоазовского, частично Тельмановского, Мангушского, Володарского муниципальных округов ДНР и города Мариуполя – это потомки казаков Азовского казачьего войска.

Огромное влияние оказало казачество на духовное и культурное развитие края. Центром православия, его цитаделью в регионе была и остается Свято-Успенская Святогорская Лавра. Первые письменные упоминания о монахах в «Святых горах» относятся к 1526 г., по мнению историка Д.И. Багалия, высказанного в работе «Из прошлого Святогорского монастыря», монастырь в Меловых горах существовал еще в домонгольский период. На протяжении веков история обители была тесно связана с казачеством, это объясняет второе ее название – Казачья Лавра [9, с.51]. На ее территории были захоронены не только монахи, но и представители славных казачьих родов – Иловайские, Платовы, отличившиеся воины, выдающиеся меценаты. Казаки всегда выделяли средства на нужды монастыря.

Заметный след в хозяйственной и культурной жизни Донецкого региона оставили представители казачьих дворянских родов: Мандрыкины, Шидловские, Иловайские, Чеботаревы, Рыковы, Михалковы (Глебовы). Из донских казаков был основатель русского кинематографа А.А. Ханжонков, родившийся в поселке Нижняя Крынка под Макеевкой. Из слободских казаков происходил Л.Ф. Быков – великий советский режиссер, сценарист и актер, создатель культового фильма «В бой идут одни старики».

Трагичной и сложной была судьба российского казачества в XX веке. Первая мировая, революция, гражданская, коллективизация, расказачивание, Великая Отечественная, послевоенное восстановление мирной жизни, «лихие» девяностые затронули судьбы жителей региона, которые сохраняли историческую память о своих корнях, ощущали свою принадлежность к казачеству. Казаки веками жили на донецкой земле, определяя ее культурный и духовный ландшафт. Изучение исторической или культурной памяти населения региона позволит лучше понять идентичность и мотивацию современных жителей Донбасса. Значительные возможности для подобных исследований предоставляет метод устной истории [10, с.455]. В нарративных повествованиях респондентов, живущих в постиндустриальном обществе и в урбанистическом пространстве, четко обозначаются исторические корни, при этом «казачья» идентичность часто имеет «спящий» характер. Материалы устной истории позволяют изучить этап «растворения казачества» и латентного существования казачьей культуры. Это дает возможность лучше понять мотивацию жителей Донбасса – потомков донских, запорожских, слободских и

азовских казаков, которые, как и их прадеды во все исторические эпохи, также встали на защиту рубежей своего Отечества – России в 2014 году.

Список источников и литературы:

1. Мининков Н.А. «По войсковому праву казнить...» К 350-летию принятия Войском Донским присяги на верность царю // Донской временник / Дон. Гос. публ. б-ка. – Ростов-на-Дону, 2020. Вып. 29-й. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/0/art.aspx?art_id=1790
2. Ляшенко В.Г. Предпринимательская деятельность семьи Иловайских в Донбассе (вторая половина XIX – 1917 год) // Казачество на страже рубежей Отечества: Научное издание / Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 215-летию генерал-лейтенанта Якова Петровича Бакланова (Новочеркасск, 6–7 июня 2024 г.). – М.: Пашков дом, 2024. – С. 221–227.
3. Чепига Г.Г. От «Поля» к Новороссии. Донбасс в XVIII в. // Музейный вестник Республики. №1. – Донецк: Типография «РА ДОН», 2017. – С.342 – 383.
4. История (история Донбасса от древности до современности): учебное пособие / под общей редакцией Л.Г. Шепко, В.Н. Никольского. – Донецк: ДонНУ, 2018. – 693 с.
5. Спицын Е.Ю. Переяславская рада. Что это было? // Литературная газета, 17–23 января 2024 г. № 1 – 2. – С.4.
6. Людоровская Т.Ю. Казачество на службе Торских и Бахмутских соляных промыслов // Казачество на страже рубежей Отечества: Научное издание / Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 215-летию генерал-лейтенанта Якова Петровича Бакланова (Новочеркасск, 6–7 июня 2024 г.). – М.: Пашков дом, 2024. – С. 213–220.
7. Старченко Н. Н. Черноморское казачье войско: институционализация военной организации бывших запорожцев в Российской империи (1787–1792) // Казачество на страже рубежей Отечества: Научное издание / Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 215-летию генерал-лейтенанта Якова Петровича Бакланова (Новочеркасск, 6 – 7 июня 2024 г.). – М.: Пашков дом, 2024. – С. 265 – 273.
8. Миргородский А.В. Крымская война на Азовском море / А.В. Миргородский. – М.: Международные отношения, 2021. – 600 с.
9. Шкрибитко Е.А. Основание Святогорского Свято-Успенского монастыря как объект изучения в историографии // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 240-летию присоединения Крыма и Кубани к России и 80-летию освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков: материалы Международной научно-практической конференции (Темрюк, 21–23 апреля 2023 г.) /ответственные редакторы В.В. Касьянов, А.В. Баранов; Министерство науки и высшего образования РФ; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. – С.48 – 53.

10. Пенькова О.Б. Потенциал устной истории в изучении истории и культуры российского казачества // Казачество на страже рубежей Отечества: Научное издание / Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 215-летию генерал-лейтенанта Якова Петровича Бакланова (Новочеркасск, 6–7 июня 2024 г.). – М.: Пашков дом, 2024. – С. 455 – 461.

Научное издание

**ЖУРНАЛ
ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Выпуск № 2 (93) 2025 год

Ответственный за выпуск – к-т. ист. наук, Разумный В.В.

Компьютерная верстка:
Скворцов Ю.А.

Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22